

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ПО ОБЩЕМУ
И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНИЮ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1952 ГОДА

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

5

СЕНТЯБРЬ-ОКТЯБРЬ

"НАУКА"
МОСКВА-1993

Главный редактор: Т.В. ГАМКРЕЛИДЗЕ

Заместители главного редактора:

Ю.С. СТЕПАНОВ, Н.И. ТОЛСТОЙ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

АБАЕВ В.И.	МАЙРХОФЕР М. (Австрия)
БАНЕР В. (ФРГ)	МАРТИНЕ А. (Франция)
БЕРНШТЕЙН С.Б.	МЕЛЬНИЧУК А.С. (Украина)
БИРНБАУМ Х. (США)	НЕРОЗНАК В.П.
БОГОЛЮБОВ М.Н.	ПИЛЬХ Г. (ФРГ)
БУДАГОВ Р.А.	ПОЛОМЕ Э. (США)
ВАРДУЛЬ И.Ф.	РАСТОРГУЕВА В.С.
ВАХЕК Й. (Чехия)	РОБИНС Р. (Великобритания)
ВИНТЕР В. (ФРГ)	СЕМЕРЕНЬИ О. (ФРГ)
ГРИНБЕРГ Дж. (США)	СЛЮСАРЕВА Н.А.
ДЖАУКЯН Г.Б. (Армения)	ТЕНИШЕВ Э.Р.
ДОМАШНЕВ А.И.	ТРУБАЧЕВ О.Н.
ДРЕССЛЕР В. (Австрия)	УОТКИНС К. (США)
ДУРИДАНОВ И. (Болгария)	ФИШЬЯК Я. (Польша)
ЗИНДЕР Л.Р.	ХАТТОРИ СИРО (Япония)
ИВИЧ П. (Югославия)	ХЕМП Э. (США)
КЁРНЕР К. (Канада)	ШВЕДОВА Н.Ю.
КОМРИ Б. (США)	ШМАЛЬСТИГ В. (США)
КОСЕРИУ Э. (ФРГ)	ШМЕЛЕВ Д.Н.
ЛЕМАН У. (США)	ШМИДТ К.Х. (ФРГ)
МАЖЮЛИС В.П. (Литва)	ШМИТТ Р. (ФРГ)
	ЯРЦЕВА В.Н.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

АЛПАТОВ В.М.	ЛЕОНТЬЕВ А.А.
АПРЕСЯН Ю.Д.	МАКОВСКИЙ М.М.
БАСКАКОВ А.Н.	НЕДЯЛКОВ В.П.
БОНДАРКО А.В.	НИКОЛАЕВА Т.М.
ВАРБОТ Ж.Ж.	ОТКУПЩИКОВ Ю.В.
ВИНОГРАДОВ В.А.	СОБОЛЕВА И.В.
ГЕРЦЕНБЕРГ Л.Г.	СОЛНЦЕВ В.М.
ГАК В.Г.	СТАРОСТИН С.А.
ДЫБО В.А.	ТОПОРОВ В.Н.
ЖУРАВЛЕВ В.К.	УСПЕНСКИЙ Б.А.
ЗАЛИЗНЯК А.А.	ХЕЛИМСКИЙ Е.А.
ЗЕМСКАЯ Е.А.	ХРАКОВСКИЙ В.С.
ИВАНОВ ВЯЧ.ВС.	ШАРБАТОВ Г.Ш.
КАРАУЛОВ Ю.Н.	ШВЕЙЦЕР А.Д.
КИБРИК А.Е.	ШИРОКОВ О.С.
КЛИМОВ Г.А. (отв. секретарь)	ЩЕРБАК А.М.
КОДЗАСОВ С.В.	

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка
редакция журнала "Вопросы языкознания", Тел. 201-74-42
Зав. редакцией Ганнус Н.В.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Караулов Ю.Н., Коробова М.М. (Москва). Индивидуальный ассоциативный словарь.....	5
Мельчук И. (Монреаль). Согласование, управление, конгруэнтность.....	16
Соколовская К.А. (Москва). Прагматическая интерпретация аспектуальной характеристики высказываний.....	59
Тарасова И.П. (Москва). Структура личности коммуниканта и речевое воздействие.....	70
Потапов В.В. (Москва). Языковая специфика структурно-компонентной актуализации ритма речи.....	83
Иванова С.А., Казенин К.И. (Москва). О коммуникативных ограничениях на взаимодействие значений лексем.....	98
Завьялова О.И. (Москва). Диалекты китайского языка: состояние исследований и классификационные принципы.....	104

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Обзоры

Орлов Г.А. (Москва). Новейшие исследования английской литературно-разговорной речи (По материалам англоязычной лингвистической литературы).....	119
---	-----

Рецензии

Челышева И.И. (Москва). <i>Rizzi E. Italiano regionale e variazione sociale: L'italiano di Bologna</i>	130
Никulichева Д.В. (Москва). <i>Bradean-Ebinger N. Sprachkontakte und Zweisprachigkeit in Fennoskandinavien. Soziolinguistische Aspekte der Zweisprachigkeit im nordlichen Areal</i>	131
Журавлев А.Ф. (Москва). <i>Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области</i>	133
Попов И.А. (С.-Петербург). <i>Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области</i>	143
Денисов П.Н. (Москва). Фразогеография в Машинном фонде русского языка.....	145

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки.....	148
---------------------------	-----

CONTENTS

K a r a u l o v Ju.N., K o r o b o v a M.M (Moscow). The personal associative word-stock; M e l' č u k I. (Montreal). Agreement, regimen, congruence; S o k o l o v s k a j a K.A. (Moscow). Aspectual features of utterances: a pragmatic interpretation; T a r a s o v a I.P. (Moscow). Structure of the speaker's personality and ways of speech influence on the addressee; P o t a p o v V.V. (Moscow). Some peculiarities of structural and componential actualisation of the speech rhythm; I v a n o v a S.A., K a z e n i n K.I. (Moscow). Communicative constraints on interaction of word meanings; Z a v j a l o v a O.I. (Moscow). Dialects of the Chinese language: the state of the art and principles of classification; **Reviews:** O r l o v G.A. (Moscow). Recent works on the English literary and colloquial speech (a conceptual survey of English linguistic literature); Č e l y š e v a I.I. (Moscow). *Rizzi E.* Italiano regionale e variazione sociale: L'italiane di Bologna; N i k u l i č e v a D.B. (Moscow). *Bradean-Ebinger N.* Sprachkontakte und Zweisprachigkeit in Fennoskandinavien. Soziolinguistische Aspekte der Zweisprachigkeit im nordlichen Areal; Ž u r a v l e v A.F. (Moscow). *Voitenko A.F.* The lexical atlas of the Moscow region; P o p o v I.A. (St.-Petersburg). *Voitenko A.F.* The lexical atlas of the Moscow region; D e n i s o v P.N. (Moscow). Phraseography in the Machine Fund of the Russian language. Scientific life.

© 1993 г. КАРАУЛОВ Ю.Н., КОРОБОВА М.М.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ СЛОВАРЬ

1. ИСХОДНЫЕ ПОНЯТИЯ

Любой ассоциативный словарь представляет собой итог ассоциативных экспериментов, в которых приводится к выражению ассоциативно-вербальная сеть (далее АВС). Ассоциативно-вербальной сетью мы называем совокупность лексем и связей между ними, которыми располагает "естественный говорящий", носитель языка. Для ее воспроизводства достаточно иметь прямое (от стимула к реакциям) и обратное (от реакции к стимулам) представления результатов ассоциативного эксперимента. Как правило, ассоциативные эксперименты проводятся на небольшом числе стимулов (100–200) с задачей получить как можно больше ответов или охватить наибольший круг испытуемых. Поэтому такие эксперименты называются массовыми. В известных словарях количество реакций на ограниченное число стимулов колеблется, как правило, от 200 до 1000; в Словаре ассоциативных норм русского языка под ред. А.А. Леонтьева (далее – Словарь Леонтьева) – от 200 до 700 [1]; в Киргизско-русском ассоциативном словаре – от 500 до 1000 [2]; в Латышско-русском ассоциативном словаре – от 500 до 700 [3]; в Словаре ассоциативных норм украинского языка – около 1000 [4].

Можно сказать, что в этих словарях тем самым представлены фрагменты АВС, отражающей усредненное состояние лексико-семантических связей, характерное для соответствующего массива испытуемых. Задача воспроизведения АВС в наиболее полном виде – именно в силу понимания эксперимента как массового – толкает экспериментатора либо на путь дальнейшего увеличения числа испытуемых, либо на путь увеличения числа стимулов. Как показывает опыт анализа ассоциативных материалов и несложные расчеты, прирост числа реакций свыше 500 при сохранении неизменным числа стимулов не ведет к получению новых сведений о семантике и грамматике АВС [5]. Более перспективным представляется второй путь, по которому пошли, например, составители Ассоциативного тезауруса¹.

Поставив задачу построения АВС индивидуальности, мы исходили из двух посылок:

1. АВС, представленная в указанных словарях и возникающая в результате

¹ Ассоциативный тезаурус (АТ) – это машинный словарь, который готовится в Институте русского языка и Институте языкознания РАН (составители: Караулов Ю.Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А.). Он отличается от обычных ассоциативных словарей следующими принципиальными характеристиками: 1) число стимулов в нем порядка 1000, тогда как в ассоциативных словарях, как правило, их 100–200; 2) обычный ассоциативный словарь строится по результатам однократного предъявления 100 или 200 стимулов большому числу испытуемых, а программа составления АТ предусматривает три этапа: первый этап не отличается от традиционных ассоциативных экспериментов, и по его итогам получается обычный ассоциативный словарь, только с большим числом стимулов. На втором этапе в качестве стимулов используются реакции первого этапа (в АТ "новых слов"-реакций, которые стали стимулами, – 3,5 тыс.). Третий этап предполагает процедуру повторения второго этапа с использованием реакций этого этапа в качестве стимулов для новых контингентов испытуемых. Ассоциативное семантическое пространство после третьего этапа "замыкается", так как не происходит приращения новых слов и смыслов в реакциях. Таким образом, АТ моделирует относительно замкнутое лексико-семантическое и грамматическое пространство, обслуживающее языковую жизнь социума.

опроса 500–1000 испытуемых, отражает тотальную языковую компетентность, или знание языка, в обследованной массе индивидуальностей, но одновременно является "собственностью" каждой из этих индивидуальностей, хотя каждая из них формально (в эксперименте) участвует в ней только одной реакцией. Иными словами, первая посылка заключается в том, что суммарную, совокупную АВС мы "пересаживаем" в голову каждой индивидуальности, участвующей в эксперименте: именно наличие такой сети в голове среднего носителя позволяет ему понимать и воспроизводить тексты, понятные всем членам языковой общности.

2. Вторая посылка заключается в том, что, по нашим представлениям, эта тотальная усредненная сеть может быть приведена к выражению не только путем увеличения числа испытуемых, но и путем увеличения числа стимулов при сокращении числа испытуемых, в предельном случае до одного.

Таким образом, мы пришли к решению строить АВС в долговременном эксперименте, предъявляя одному и тому же испытуемому очень большое (по сравнению с обычными ассоциативными словарями) количество стимулов. В качестве такого набора стимулов был использован словник Базового словаря русского языка, содержащий более 8 тысяч единиц². Испытуемый П. – мужчина, 28 лет, с высшим техническим образованием. Эксперимент проводился с февраля по август 1989 г. Из исходного списка было составлено 84 анкеты по 100 слов каждая. Испытуемому было предложено реагировать на предъявляемый стимул мгновенно, не размышляя. На количество слов в реакции ограничения не накладывалось. Особенность нашего эксперимента состояла в том, что испытуемый не заполнял анкету, как принято в классических экспериментах, а устно реагировал на произнесенный экспериментатором стимул. Устная реакция, задержка которой, по договоренности с испытуемым, не могла составлять более 5–7 секунд, служит, по нашему мнению, гарантией спонтанности реакции и известной мерой ее объективности (или стандартности). В случае большей задержки испытуемый сам отказывался давать ответ. В день заполнялось не более одной анкеты.

Поскольку исходный список был алфавитным и в нем соседствовали однокорневые и близкие по смыслу слова, каждая анкета составлялась с таким расчетом, чтобы таких слов в ней вообще не встречалось либо они были отделены друг от друга значительным числом других стимулов. Так же, как в АТ, некоторые стимулы предъявлялись не в лемматизированной (словарной) форме, а в одном из своих словоизменительных воплощений. Ср. фрагмент анкеты:

№ 1 АВИАЦИОННЫЙ – *техникум*

№ 2 АВСТРАЛИЙКА – *креолка*

№ 3 АВТО – *мобиль*

№ 4 АВТОМАТЫ – *пулеметы*

№ 5 АГИТАТОР – *коммунист*

№ 6 АГРЕССИВНАЯ – *смерть*

№ 7 АДЫГЕЙЦЫ – *чукча*

№ 8 АКТИВИСТАМ – *разрешить*

№ 9 АМЕРИКАНСКИЙ – *канадский*

№ 10 АРАБУ – *бедуину*

№ 11 АРБУЗНУЮ – *корку*

№ 12 АРЕСТ – *демократ*

№ 13 АРИФМЕТИЧЕСКИЙ – *код*

№ 14 АРМЯНКА – *грузинка*

№ 15 АРХИТЕКТУРОЙ – *выразить*

№ 16 АСФАЛЬТОВОЕ – *покрытие*

№ 17 В АТАКЕ – *познаются друзья*

№ 18 АТЕИСТИЧЕСКОМУ –
воспитанию

№ 19 АФГАНКУ – *болезненный*

№ 20 БЫ – 0

Ответ на последний стимул в этом фрагменте помечен знаком 0, т.е. означает отказ испытуемого.

² Словник, положенный в основу Базового словаря, составлен группой сотрудников Института русского языка РАН (Т.Ю. Познякова, Е.Я. Шмелева, М.Ю. Зуева и др.).

2. ПРЕДСТАВЛЕНИЕ АВС ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ЭКСПЕРИМЕНТА

Заполненные анкеты вводились в ЭВМ, где формировалась ассоциативно-вербальная сеть. В АВС мы различаем микроструктуру, т.е. типы отношений и взаимодействия в каждой паре "стимул-реакция", и макроструктуру. Последняя представляет собой набор характеристик различных "разрезов" АВС и их соотношений друг с другом. Таким образом, макроструктуру ассоциативно-вербальной сети личности составляют следующие совокупности (списки) слов, словосочетаний и лексических пар:

I От стимула к реакции;

II От реакции к стимулам;

III Реакции, отсутствующие в числе стимулов;

IV Стимулы, не встретившиеся в качестве реакции;

V Слова, которые встретились и в качестве стимула, и в качестве реакции;

VI Список реакций, упорядоченный по убыванию частоты;

VII Отказы, т.е. список стимулов, не получивших реакций.

Охарактеризуем последовательно названные аспекты АВС.

Итак, первый "разрез" (список I), репрезентирующий макроструктуру сети — это массив "от стимула к реакции", упорядоченный по алфавиту стимулов. Этот список соответствует обычному прямому ассоциативному словарю, отличаясь от него количеством стимулов (их у нас на порядок больше, всего 8300) и совокупным количеством реакций, которых на порядок меньше (реакций в словаре личности приблизительно 7500, за вычетом "отказов", тогда как в словаре Леонтьева, например, около 100 тыс.). Ассоциативная статья сведена, таким образом, к одному ответу. Этот срез макроструктуры АВС характеризуется следующими особенностями.

Среди реакций, как во всяком ассоциативном словаре, преобладают однословные (АВТОБУС — *транспорт*, АВТОБИОГРАФИЯ — *я*, АЙ — *ой*, АППАРАТ — *ЦК*, АФГАНСКИЙ — *горе*, БАНК — *данные*); не однословные реакции составляют, по приблизительным подсчетам, 7–10% всех ответов (БЛЕДНЕЕМ — *от ужаса*, БРАСЛЕТ — *с камнем*, ВСЕГО — *окатишь водой*, ВОЙДИТЕ — *кто там?*, ВМЕШАТЕЛЬСТВОМ — *во внутренние дела*, АРТИСТКА — *Большого театра*); причем, естественно, все не однословные реакции, даже вне сочетания со стимулами, составляют синтагмы, или грамматикализованные последовательности лексем³.

Если оценивать степень грамматикализованности⁴ всех реакций в этом словаре, то она довольно высока и может быть оценена примерно в 75%, что соответствует показаниям других ассоциативных словарей и совпадает со степенью грамматикализованности русских текстов [6], если понимать ее как отношение числа грамматикализованных форм в реакциях к общему числу ответов-словопотреблений.

Говоря же о представленности разных категорий русской грамматики в ответах испытуемого, в самом общем виде мы можем констатировать, что прецедентно, в образцах, практически все категории "лексикализованы", т.е. воп-

³ Мы не относим к двусловным реакциям дублиеты (типа ВНИМАНИЕМ — *окружить, окруженный*; БЕЗУСЛОВНОГО — *авторитет, авторитета*; ВОЗРАСТНОЕ — *проходит, проходить*), которых во всем массиве незначительное число и которые представляют собой перечисление парадигматически связанных со стимулом слов, чаще всего оказывающихся словоизменительными вариантами друг друга.

⁴ К грамматикализованным мы относим три типа реакций: а) реакцию, по форме совпадающую с исходной, лемматизированной формой слова, но в паре со стимулом составляющую словосочетание; б) реакцию в косвенной форме, также составляющую словосочетание со стимулом; в) любую словоизменительную, т.е. исходную форму слова, пусть даже и не составляющую словосочетания со стимулом, а также дериват стимула.

лощены в конкретных словоизменительных формах разных лексем. Здесь мы находим и падежную систему имен и местоимений, и варьирование существительных по числам (БУХАНКУ – хлеба, БЫСТРОТА – реакции, БРЕЮСЬ – лезвиями, БРИГАДИР – мастеров, ВОСПОМИНАНИЯ – о былом, ВОСХИТИТЬСЯ – цветами, ВООБРАЗИТЬ – себе); в глаголе мы также обнаруживаем все богатство глагольных категорий (ВЫБОР – пал, ВЫЛЕТ – отменяется, ВОЗРАСТНОЕ – проходит, ВОРОТА – закрыты, ГОЛОСОВАНИЕ – отменено, ГЛОБУС – не купишь). Вопрос полноты "прецедентной" представленности категориальных и грамматических значений русского языка в индивидуальном ассоциативном словаре может быть рассмотрен особо.

Список II тоже традиционен: это обратный порядок – от реакции к стимулу в алфавите реакций. Такой аспект представления сети позволяет выявить группы стимулов, вызвавших одну и ту же реакцию (R *апельсин* – S₁ С КОЖУРОЙ, S₂ ЛИМОН, S₃ МАНДАРИН, S₄ ПОРТИТЬСЯ; R *вопрос* – S₁ КАДРОВЫЙ, S₂ НАЦИОНАЛЬНЫЙ, S₃ ПРЯМОЙ, S₄ РЕШИТЬ, S₅ ВОСКЛИЦАНИЕ и др., всего 15 стимулов; R *ответ* – S₁ ВОПРОС, S₂ ЗАКАНЧИВАТЬ, S₃ ЗАТРУДНЯЕТ, S₄ ПОДХОДЯЩИЙ, S₅ ГНЕВНЫЙ и др., всего 53 стимула). Этот же список является необходимым инструментом при восстановлении словоизменительной и словообразовательной парадигмы любого слова, данного в качестве реакции, например, корень слова *герой* встретился в таких словоформах: *героев, герой, героями, героя*; корень *глаз*: *глаз, глазами, глаза, глазунья*. Понятно, что перечисленные словоформы в своей совокупности далеко не воспроизводят системную парадигму – ни словоизменительную, ни тем более словообразовательную – соответствующих слов. Такого рода совокупности словоформ и дериватов, наличествующие в ассоциативно-вербальных сетях – безразлично, индивидуальных или коллективно-усредненных, – мы называем ассоциативными парадигмами. Соответственно слово, образующее центр такой парадигмы (как приведенные выше *герой* или *глаз*), слово как совокупность его словоизменительных и словообразовательных форм назовем "ассоциативным словом", или "ассоциативной лексемой". Ассоциативные парадигмы характеризуются принципиальной неполнотой и потенциальностью, т.е. какой бы разветвленной ни была ABC, мы никогда не обнаружим в ней всех словоформ и дериватов каждого слова, но аналогичные словоформы других слов, изменяющихся по тому же образцу, типически дополняющие парадигму данного слова, делают ее потенциально полной.

Кроме того, обратный список позволяет выявить полную частотность лексемы, включая частотность всех ее косвенных форм, поскольку имеющийся частотный список реакций (список VI) группирует словоформы по частоте и соответственно словоизменительные варианты одной лексемы не могут быть собраны в нем в одном месте. Естественно, что с учетом повторяющихся реакций число разных ответов испытуемого будет меньше общего числа реакций в его ABC (т.е. меньше 7500). Вообще для ассоциативных словарей, как мы считаем, существует некоторая устойчивая характеристика соотношения в каждой статье разных слов и форм с общим числом ответов. Эта характеристика, согласно данным Ассоциативного тезауруса (АТ), не выходит за пределы 55–70%. Сравнение нашего ассоциативного словаря индивидуальности с АТ по этому параметру показывает его соответствие стандартным характеристикам такого рода словарей: всего реакций 7500, в том числе разных 5000, что составляет 67%.

Перейдем к характеристике списка III. Реакции, отсутствующие в числе исходных стимулов при построении ассоциативных словарей, – это обычное явление, которое отчасти объясняется резким количественным превышением в таких словарях числа ответов по сравнению с числом стимулов. Однако при со-

держательном рассмотрении таких списков значительную долю реакций следует отнести не за счет появления в них новых слов, а за счет словоизменительного и словообразовательного варьирования слов из исходного списка стимулов. Иначе говоря, качественное расхождение списка стимулов и реакций наблюдается в основном в пределах ассоциативных парадигм тех и других. Например, в числе реакций есть словоформа *академии* при наличии в списке стимулов лемматизированной формы АКАДЕМИЯ. Аналогично, в реакциях встречаем форму *близкий* при наличии стимула БЛИЗКАЯ, R – *большая* при наличии S – БОЛЬШОЙ, R – *богу* при наличии S – БОГ и т.д.

Отличие нашего индивидуального словаря от обычных словарей проистекает из-за того, что в нем мы восстанавливаем не всю ABC (как, например, в Ассоциативном тезаурусе) и даже далеко не все возможные связи отдельных стимулов (как в словарях Леонтьева, Ульянова и подобных), а выявляем одну связь каждого стимула при большом числе последних. И то пересечение связей, которое возникает в результате такого построения, является очень слабым отражением полной сети, но одновременно претендует на очерчивание общих контуров, общих границ сети из-за большого числа узлов, или входных стимулов. Таким образом, индивидуальный ассоциативный словарь представляет как бы контурную карту полной ABC, в которой точками-стимулами обозначены основные, опорные узлы ABC, но сами связи между ними предельно редуцированы и упрощены.

Несмотря на эти свои отличия, индивидуальный ассоциативный словарь дает такой же прирост новых лексем (по сравнению с исходным списком стимулов), как и обычный словарь. В нашем словаре список III включает примерно 30% новых слов, что соответствует результатам традиционных ассоциативных экспериментов⁵. В этой статье мы не ставим задачу содержательного анализа данного списка (как, впрочем, и других), что могло бы пролить свет на синонимическое, антонимическое, тематическое развитие исходного массива стимулов в ассоциативной сети. Появление новых слов при построении ABC – процесс естественный, свидетельствующий о ее принципиальной незамкнутости, семантической открытости. Новые слова как бы дополняют словарь-минимум, послуживший исходным набором в эксперименте, и служат показателем их функционирования в активном лексиконе испытуемого.

Что касается массива IV – списка стимулов, не встретившихся в числе реакций, то в традиционных словарях подобные массивы вообще отсутствуют. Это объяснимо и понятно для словарей с небольшим количеством стимулов (как словарь Леонтьева), но это оказалось справедливым и для Ассоциативного тезауруса, содержащего около 1300 стимулов: практически все они в пределах своих ассоциативных парадигм зафиксированы в числе реакций. С нашим словарем дело обстоит иначе.

Из-за того, что число стимулов в индивидуальном ассоциативном словаре очень велико (употребляя такие оценки, мы ориентируемся на объем словаря повседневного общения, который не превышает 2–3 тысяч слов), можно заранее предсказать, что все они и не могли появиться в числе реакций.

Какое же количество стимулов не зафиксировано в массиве реакций и каковы содержательные характеристики таких стимулов? Отвечая на этот вопрос, мы, естественно, будем оперировать не отдельными словоформами, а укрупненным понятием ассоциативной лексемы, объединяющей в своей парадигме словоизменительные и словообразовательные варианты. Это значит, например, что если стимул ВЕРНЫЙ не имеет соответствия в реакциях в виде прила-

⁵ По нашим подсчетам, в АТ именно таково соотношение этих двух массивов: из 26 тысяч реакций 8 тысяч составляют новые слова, которые своими ассоциативными парадигмами покрывают примерно половину количества реакций, т.е. около 13 тысяч словоформ.

гательного, но мы находим в массиве реакций существительное *верность*, то считаем ассоциативную лексику *верный* представленной в обоих массивах. Аналогичным образом, стимул, данный в форме ВЕРНЕМСЯ, в массиве реакций имеет пару в форме *вернулся*, а ассоциативная парадигма стимула ВЗОРВАТЬ представлена реакцией *взрыв*. Такие же, например, стимулы, как ВЗРОСЛЫЙ, ВИНЕГРЕТ, ВЕТЧИНА, ВЕТХАЯ, АЭРОПОРТ, БИБЛИОТЕКА, ВОЗРАЗИТЬ, ВОСКЛИЦАТЬ и др., ни одного представителя своих ассоциативных парадигм не дали в числе реакций. Этот факт, казалось бы, можно оценить как пассивность таких лексем в лексиконе испытуемого: редко или вообще не употребляя их в собственной речи, он, естественно, и не активизировал их в качестве реакций. Общее количество подобных стимулов во всем массиве исходного словника составляет, по нашим приблизительным подсчетам, не более 20%. Это означает, что из 8 с половиной тысяч стимулов около 2 тысяч отдельных слов и словоформ не были повторены в массиве реакций.

Что же это за слова? Надо сразу сказать, что частотные их характеристики в русском языке – в соответствии с "Частотным словарем русского языка" Л.Н. Засориной (далее – Словарь Засориной) [7], не объясняют их оценки как пассивного слоя в словарном запасе, поскольку у большей части из них такие характеристики довольно высоки. Например, слово ВОСТОРГ имеет по словарю Засориной частоту 47, ВОСХИЩЕНИЕ – 16, ВОСКЛИЦАТЬ – 9, а ВАЗА – 75. Едва ли на основании их отсутствия в числе реакций и предположении об их пассивности эти слова можно исключить из словаря-минимума для владеющих и овладевающих русским языком. Этого нельзя сделать хотя бы потому, что подавляющее большинство этих стимулов в обязательном порядке вызывало какую-то реакцию (ВОСХИЩЕНИЕ – *чем угодно*, ВОСКЛИЦАТЬ – *от удовольствия*, ВАЗА – *хрустальная*) и количество вызвавших отказы среди них оказалось небольшим, например, БЮЛЛЕТЕНЬ, ДОЛОЖИТЬ, ЗАКАЗНОЙ, КОМПАС и некот. др.

Попытка содержательной классификации входящих в эту группу слов приводит к таким наблюдениям.

Во-первых, в нее входят предлоги, вводные слова и некоторые наречия, по сути дела лишённые ассоциативных парадигм, т.е. не имеющие форм словоизменения и обладающие узким словообразовательным полем (ВПРЕДЬ, ВПРОЧЕМ, ВРОЗЬ, ВПЛОТЬ, ВМЕСТО, ВОПРЕКИ и т.п.), хотя в принципе такие категории слов в массиве реакций присутствуют.

Во-вторых, не дают ассоциативной парадигмы в реакциях наименования многих национальностей, обильно включённые в исходный словник (их там оказывается около 5% от общего числа стимулов); вот эти-то слова, скорее всего, и можно отнести к пассивному словарному запасу (АДЫГЕЕЦ, АЗИАТКА, АЛБАНСКИЙ, АРАБЫ, ДАГЕСТАНЕЦ, КУБИНКА, МАРИЕЦ, ЛАТЫШИ, НЕМКА и др.).

В-третьих, сюда надо отнести обширную группу лексики, в которой не просматриваются какие-то определенные закономерности, но в которой можно выделить два полюса: с одной стороны, слова конкретной семантики, обозначающие предметы повседневной жизни (БАТА, ВИЛКА, ВОРОНА, ВОРОТНИК, ВЕРЕВКА, ВЫГИРАТЬ), а с другой стороны, некоторые абстрактные наименования явлений эмоциональной и интеллектуальной жизни (ВОЛНОВАТЬСЯ, ВООБРАЖЕНИЕ, ВОЛШЕБНЫЙ, ВПЕЧАТЛЕНИЕ). Интересно, что синонимы представителей той и другой группы в активном лексиконе, т.е. в реакциях испытуемого, тоже не отмечены.

Список V, включающий стимулы и реакции в позиции друг друга, охватывает около 2,5 тысяч случаев и составлен на принципах того же понимания тождества слова, что и другие списки, а именно, тождества в пределах ассоциативной парадигмы, когда любые два представителя этой парадигмы считаются тождест-

венными друг другу и возглавляющей эту парадигму ассоциативной лексеме. Каждая запись в этом массиве представляет собой ассоциативную пропорцию, средние члены которой приравниваются друг к другу: $S \rightarrow R = R^1 \rightarrow R_1$, где R^1 представляет собой обращенную реакцию, т.е. лексему, совпавшую со стимулом, а R_1 – реакцию на этот стимул. Эту пропорцию удобнее записать в виде

$$S - R \\ R^1 - R_1, \text{ при условии, что } R = R^1.$$

Примеры:

понятный -- → непонятный -- → эпизод
 понятный → непонятный
 непонятный → эпизод (№ 1)

ложь --- → неправда --- → ложь
 ложь → неправда
 неправда → ложь (№ 2)

диагноз --- → неправильный --- → ответ
 диагноз → неправильный
 неправильный → ответ (№ 3)

неудача --- → неприятность --- → враг
 неудача → неприятность
 неприятность → враг (№ 4)

крест -- → нести -- → крест
 крест → нести
 нести → крест (№ 5)

Среди этих пропорций изредка встречаются такие, которые показывают полную обратимость отношений в двух парах, например №№ 2 и 5 из приведенного фрагмента. Процент случаев, характеризующихся полной обратимостью, в индивидуальном ассоциативном словаре оказался незначительным, и на данном массиве он не превышает 7%. Типы ассоциативных пропорций с обратимостью не отличаются разнообразием:

ГЕОМЕТРИЯ – алгебра
 АЛГЕБРА – геометрия (№ 6)

АПЕЛЬСИН – мандарин
 МАНДАРИН – апельсин (№ 7)

ГРУЗИН – армянин
 АРМЯНИН – грузин (№ 8)

ГРУЗИНКА – армянинка
 АРМЯНКА – грузинка (№ 9)

ДЕД – бабушка
 БАБУШКА – дедушка (№ 10)

ДЕДУШКА – бабушка
 БАБУШКА – дедушка (№ 11)

ЗАДАНИЕ – выполнено
 ВЫПОЛНЕНИЕ – задания (№ 12)

ЛАОСЕЦ – <i>вьетнамец</i>	
ВЬЕТНАМЕЦ – <i>Лаос</i>	(№ 13)
ЗАКАЗЧИК – <i>госприемка</i>	
ГОСПРИЕМКА – <i>госзаказ</i>	(№ 14)
СОКРОВИЩЕ – <i>остров</i>	
ОСТРОВ – <i>сокровищ</i>	(№ 15)

Среди приведенных примеров преобладают такие, средние и крайние члены которых попарно совпадают с точностью до буквы, однако в некоторых такого побуквенного совпадения нет. Так, в примерах №№9, 10, 13 и 14 наблюдаются словообразовательное, а в № 15 словоизменительное варьирование крайних членов, тогда как в № 12 мы имеем варьирование средних членов. Такого рода ассоциативных пропорций с варьированием крайних или средних членов на самом деле в индивидуальном ассоциативном словаре единицы.

Ассоциативные пропорции с обратимыми отношениями в целом занимают, как сказано выше, в этом массиве незначительное место. Большую его часть составляют такие совокупности (цепочки) стимулов и реакций, которые на первый взгляд объединяются чисто формально, т.е. тождеством своих средних членов. Однако если рассматривать такую цепочку ($S \rightarrow R = R^1 \rightarrow R_1$) содержательно, то следует обратить внимание, что последний ее член с большой вероятностью может быть связан семантически с первым стимулом. Действительно, если между первым стимулом и его реакцией должна существовать семантико-грамматическая связь ($S \rightarrow R$) и такого же характера связь устанавливается между вторым стимулом и его реакцией ($R^1 \rightarrow R_1$), то при условии равенства второго стимула первой реакции ($R^1 = R$) перенос связи на отношения первого стимула и второй реакции вероятен ($S \rightarrow R_1$?). Мы как будто имеем здесь дело с классическим силлогизмом. Естественно, в сфере языковой семантики чистая логика не всегда работает, поэтому далеко не во всех случаях можно уловить семантическую, грамматическую или какую-то иную (например, прагматическую) связь между крайними членами ассоциативных пропорций – S и R_1 .

Предварительный анализ отношений между крайними членами ассоциативных пропорций показывает, что они распределяются по следующим типам.

Пропорции с семантической связью, понимаемой в самом широком смысле, т.е. включающей синонимические, родо-видовые, видо-видовые, тематические и другие отношения:

комедиант – актер	комедиант – шут
актер – шут	
июль – август	июль – месяц
август – месяц	
лимон – апельсин	лимон – мандарин
апельсин – мандарин	
цыпленок – жареный	цыпленок – петух
жареный – петух	
персик – абрикос	персик – косточка
абрикос – косточка	
снизить – активность	снизить – подавлять
активностью – подавлять	

Этот тип связи оказывается самым многочисленным и охватывает, вероятно, около половины всех пропорций.

Пропорции с синтагматической связью:

пропагандист – активист	пропагандист – Петрович
активист – Петрович	
войска – агрессор	уничтожить – войска
агрессора – уничтожить	
ждать – автобус	ждать – транспорт
автобус – транспорт	

Пропорции, в которых семантическая связь сочетается с выраженной синтагматической:

активный – авангардный	активный – ударник
авангард – ударник	
с кожурой – апельсин	мандарин – с кожурой
апельсин – мандарин	

Пропорции, где семантическая связь сочетается с невыраженной синтагматической, причем последняя поддается реконструкции⁶; особенность этого типа связи заключается в том, что она устанавливается, как показала выборка, между разными частями речи, которые в принципе способны образовывать модель двух слов:

опаздывать – автобус	‘транспорт – опаздывает’
автобус – транспорт	
секретный – агент	‘секретная – почта’
агент – почта	
частушечный – ансамбль	‘частушечное – трио’
ансамбль – трио	
портиться – апельсин	‘мандарин – портится’
апельсин – мандарин	

В итоге можно констатировать, что суммарное количество пропорций всех четырех типов, в которых просматривается рационально обоснованная связь между крайними членами, превышает 2/3, т.е. составляет, по предварительным оценкам, 65–70% V списка. Соответственно пропорции, в которых нельзя установить никакой связи между S и R, занимают в этом массиве менее 1/3:

газопровод – авария
авария – произошла

поливать – асфальт
асфальт – гладить

береги – автомобиль
автомобиль – дорога

негр – африканец
африканец – верблюд

слушатель – академии
академия – высота

⁶ Реконструированные пары отмечены кавычками.

Для случаев, где не обнаружено семантических или иных отношений между крайними членами, последние нельзя объединить в пару "стимул-реакция", тогда как в примерах с устанавливаемой семантической и/или синтагматической связью отношения между крайними членами пропорций укладываются в форму типовой ассоциативной связи и восстанавливаемые пары $S \rightarrow R_1$ ни по содержанию, ни по форме неотличимы от обычных ассоциативных пар $S \rightarrow R$, которые можно найти в любом ассоциативном словаре.

Обратимся к списку VI, который представляет собой частотный словарь реакций, расположенных по убыванию частоты. Особенность его состоит в том, что он отражает индивидуальные предпочтения испытуемого, приводящие к тому, что во главе списка оказываются излюбленные им слова, соединение которых в пару со стимулом почти не несет информации и требует минимальных усилий от реагирующего: *есть, ответ, человек*.

Приведем начало списка:

- 79 *есть* (КАКОВ – *есть*, ОСТРОУМИЕ – *есть*)
- 53 *ответ* (ВЗАИМНЫЙ – *ответ*, ЗАПРОС – *ответ*)
- 42 *человек* (БОДРЫЙ – *человек*, БЕРЕЖЛИВЫЙ – *человек*)
- 42 *он* (ДУРАК – *он*, КОЕ-КАКОЙ – *он*)
- 39 *все* (ЗАПОМИНАТЬ – *все*, ДОРОЖАТЬ – *все*)
- 35 *вид* (ГОРДЫЙ – *вид*, КЛАСС – *вид*)
- 34 *ход* (ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ – *ход*, ГУМАННЫЙ – *ход*)
- 31 *вас* (ЖАЛЬ – *вас*, КРОМЕ – *вас*)
- 29 *в* (ЗАЕХАТЬ – *в огород*, ЗАКРИЧАТЬ – *в голос*)
- 28 *быстро* (НАХОДИМ – *быстро*, ОБЕРНУТЬСЯ – *быстро*)
- 26 *тип* (ГРИППОЗНЫЙ – *тип*, ЖИЗНЕРАДОСТНЫЙ – *тип*)
- 26 *нет* (АВТОРИТЕТА – *нет*, ВОЗДУХА – *нет*)
- 25 *на* (В – *на*, ИНЕЙ – *на окне*)
- 23 *что-то* (ВНОСИТ – *что-то*, ВЫЯСНИТЬ – *что-то*)
- 20 *ты* (ВЫ – *ты*, ДОБРЫЙ – *ты*)
- 20 *быть* (АРТИСТОМ – *быть*, БЕЗРАЗЛИЧНЫМ – *быть*)
- 19 *часто* (ОБНИМАТЬСЯ – *часто*, МИРИТЬСЯ – *часто*)
- 19 *год* (ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ – *год*, НОВЫЙ – *год*)
- 19 *выполнить* (ПОЗВОЛИТЬ – *выполнить*, ПОЗДНЕЕ – *выполнить*)
- 18 *мой* (ГВОЗДЬ – *мой*, ПАПА – *мой*)
- 17 *стол* (В БЕСПОРЯДКЕ – *стол*, ГРЯЗНЫЙ – *стол*)
- 16 *чем-то* (ВДОХНОВЛЯТЬ – *чем-то*, ВЗВОЛНОВАЛИ – *чем-то*)
- 16 *магазин* (ОБОИ – *магазин*, МЕБЕЛЬНЫЙ – *магазин*)
- 16 *жизнь* (ВДОХНУТЬ – *жизнь*, ЗДОРОВЬЕ – *жизнь*)
- 16 *вовремя* (ЖЕНИТЬСЯ – *вовремя*, ЗАКОНЧИТЬСЯ – *вовремя*)
- 15 *я* (АВТОБИОГРАФИЯ – *я*, ВЫДЕРЖАННЫЙ – *я*).

Сравнение его с началом словаря Засориной оказывается совершенно непоказательным по отмеченным выше причинам. В нашем списке соседствуют такие слова, как *тип* (в словаре Засориной абсолютная частота 89 на 1 млн. словоупотреблений, а в нашем списке – 26) и *он* (в нашем списке это слово зафиксировано с частотой 42, а в словаре Засориной – 13143) или *год* (19 против 21667) и *выполнить* (19 против 130). Значительно более высокая частотность в ассоциативном словаре индивидуума (по сравнению с общелитературным языком) таких слов, как *тип* или *выполнить*, свидетельствует лишь о предпочтениях, которые отдает им испытуемый. Вместе с тем представлялась бы заслуживающей внимания такая оценка высокочастотных реакций (8–10), которая позволила бы сделать вывод об их участии в организации картины мира испытуемого. Ясно, что такие понятия, как мир, труд, хлеб, дом, человек, друг, язык,

жизнь (частота больше 10), в принципе должны относиться к основополагающим в когнитивной структуре сознания.

Не имея своей задачей в этой статье проводить подробные изыскания, мы хотели бы, тем не менее, предложить критерий, который позволил бы определять когнитивную (идеологическую) нагруженность высокочастотных понятий. Суть приема могла бы заключаться в следующем. Нужно проанализировать все ассоциативные пары, в которых появилась данная реакция. Если во всех этих парах представлены только синтагматические отношения, т.е. все они образуют нормальные словосочетания, то скорее всего данное понятие не релевантно для картины мира испытуемого. Так, слово *выполнить*, встретившееся в числе реакций 19 раз, во всех случаях выступает как элемент словосочетаний: *выполнить* ← ДОСРОЧНО, ПОСТАРАТЬСЯ, ПРИКАЗ, СОГЛАСНЫЙ и др.; аналогичный результат мы получаем, оценив все ассоциативные пары с реакцией *тип*: *тип* ← ОДИНОКИЙ, РОБКИЙ, ГРОЗНЫЙ (все 26 реакций синтагматические). И наоборот. Если среди ассоциативных пар с данной реакцией встречаются связанные парадигматическими отношениями, то соответствующее понятие является строевым элементом в его картине мира. Так, в качестве реакции слово *жизнь* 4 раза из 16 вступает в парадигматические связи: *жизнь* ← ЗДОРОВЬЕ, СЕМЯ, СЦЕНА, ТЕАТР; слово *мир* в 6 из 15 случаев является парадигматической реакцией: *мир* ← ВОЙНА, ДЕТИ, КОНТИНЕНТ, ПЕРЕМИРИЕ, СОСУЩЕСТВОВАНИЕ, ЧЕЛОВЕК. Другие примеры: *труд* ← МАСТЕРСТВО, УБОРКА (2 из 15); *хлеб* ← БАТОН, БУЛОЧНАЯ, БУЛКА, КОЛОС, РОЖЬ (5 из 14); *человек* ← ВОЛК, МОЗГ, РУЖЬЕ, СУХАРЬ (4 из 42).

Вопрос лишь в том, какое количество парадигматических связей или какой их процент от общего числа связей достаточны для того, чтобы сделать вывод об идеологической релевантности данного понятия. Например, реакция *ответ* из 53 связей образует только одну парадигматическую пару, что, вероятно, недостаточно, чтобы быть строевым элементом картины мира. Во всяком случае, это требует дополнительного исследования.

Наконец, обращаясь к последнему, VII списку – отказов, т.е. стимулов, не вызвавших реакций, мы должны констатировать довольно большое их число – 793 отказа. Заметим сразу, что в результате повторного предъявления их число сократилось, но тем не менее этот массив в индивидуальном ассоциативном словаре занимает определенное место. Условия устного эксперимента стали причиной относительно большого количества отказов, однако следует помнить, что и в традиционных письменных ответах такие лакуны всегда присутствуют. В нашем случае в среднем на каждую анкету приходилось до 10 отказов.

Завершая этот краткий обзор базы данных по индивидуальному ассоциативному словарю, мы надеемся, что каждый из намеченных здесь аспектов индивидуальной АВС может и должен стать предметом специального изучения; что приведет исследователей к более полному представлению о структуре языковой способности личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь ассоциативных норм русского языка / Под ред. Леонтьева А.А. М., 1977.
2. Титова Л.Н. Киргизско-русский ассоциативный словарь. Фрунзе, 1975.
3. Ульянов Ю.Е. Латвийско-русский ассоциативный словарь. Рига, 1988.
4. Бутенко Н.П. Словник ассоциативних норм української мови. Львів, 1979.
5. Караулов Ю.Н. От структуры ассоциативного словаря к структуре языковой способности // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Филология. Журналистика. 1993. № 1.
6. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика русского языка. М., 1992.
7. Частотный словарь русского языка / Под ред. Засориной Л.Н. М., 1977.

© 1993 г. МЕЛЬЧУК И.

СОГЛАСОВАНИЕ, УПРАВЛЕНИЕ, КОНГРУЭНТНОСТЬ

I

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Цель этой статьи — предложить формальные определения для трех синтаксиско-морфологических понятий, названных в заглавии.

1. Состояние вопроса.

Указанные понятия неоднократно обсуждались в литературе: лишь за последние 15 лет можно указать, например [1—20], не говоря уже о более ранних исследованиях, например [21; 22, с. 62—66; 23, с. 20—46, 89—94; 24]. Кроме того, имеется ряд специальных работ, монографически описывающих согласование в конкретных языках: назовем хотя бы [25—27] — для русского языка или [28] — для арчинского. В результате понятия согласования, управления и конгруэнтности СОДЕРЖАТЕЛЬНО более или менее ясны (во всяком случае, применительно к наиболее распространенным фактам конкретных языков). Однако их СТРОГИЕ и одновременно УНИВЕРСАЛЬНЫЕ определения АКСИОМАТИЧЕСКОГО ТИПА, которые отвечали бы моему представлению как об указанных явлениях, так и о способах их описания, мне не известны. В некоторых из упомянутых выше работ предлагаются определения понятий согласования и управления (конгруэнтность как отдельное понятие обычно не рассматривается); эти определения, однако, меня не устраивают. Разбирать и критиковать их в данной статье невозможно; это потребовало бы еще одной, и притом не меньшей, статьи. Я ограничусь вышеприведенными ссылками, предоставив заинтересованному читателю самому устанавливать сходства и различия, а также преимущества разных подходов.

2. Характер конструируемых определений.

Основываясь на традиционном понимании согласования, управления и конгруэнтности и положив в основу моих построений наиболее четкие и бесспорные примеры соответствующих явлений, я сформулирую искомые определения так, чтобы они удовлетворяли следующим четырем условиям (ср. [6, с. 175]):

- Они должны быть **ФОРМАЛЬНЫМИ**, т.е. применимыми автоматически, буквальным образом.
- Они должны быть **СТРОГИМИ**, т.е. включать только заранее определенные понятия, входя в единую формальную систему лингвистических понятий¹; говоря более точно, это должны быть определения аксиоматического типа.
- Они должны быть **ДОСТАТОЧНЫМИ** и **НЕОБХОДИМЫМИ**, т.е. покрывать **ВСЕ** явления, интуитивно подходящие под соответствующее понятие, и **ТОЛЬКО** такие явления.
- Они должны быть **УНИВЕРСАЛЬНЫМИ**, т.е. применимыми к любым подходящим явлениям любых языков, для чего они должны быть построены на основе логического исчисления возможностей.

¹Над такой системой понятий я работаю уже много лет [29—31]. Настоящая статья входит в серию работ [32—34] и т.д.

3. Принимаемые ограничения.

Во избежание недоразумений я отмечу четыре следующие темы, имеющие прямое отношение к интересующей нас проблематике, которые, однако, в этой статье систематически рассматриваться не будут:

1) ТИПОЛОГИЯ согласования, управления и конгруэнтности, т.е. описание их всех возможных разновидностей.

2) ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ и ПРИЗНАКИ СИНТАКТИКИ, "задействованные" в согласовании, управлении и конгруэнтности (см. в этой связи [2]).

3) СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ согласования, управления и конгруэнтности, наблюдаемые в конкретных языках.

4) ЯЗЫКОВЫЕ ФУНКЦИИ согласования, управления и конгруэнтности (см. об этом [8])².

Иначе говоря, я не занимаюсь общей теорией названных типов зависимости. В отличие, например, от работ Корбетта и Лемана, я не пытаюсь установить языковые иерархии, определяющие возможные типы согласования, управления и конгруэнтности, объяснить их наличие, связать их с другими свойствами естественных языков, установить ограничения для соответствующих правил, рассмотреть их в диахронии, и т.п. Я стремлюсь, как уже было сказано, разрешить чисто МЕТАлингвистическую задачу: дать строгие определения трем весьма важным понятиям и тем самым внести свой вклад в дело построения формального языка лингвистики (ср. [30]).

4. Теоретический каркас.

Такие далеко не простые понятия, как согласование, управление и конгруэнтность, могут быть СТРОГО определены только с опорой на конкретную, и притом достаточно формализованную, теорию. В качестве таковой здесь принимается теория "Смысл \Leftrightarrow Текст" [29, 35; 36, с. 43—101]. Все последующие рассуждения проводятся исключительно в ее рамках. Этот факт представляется крайне существенным, ибо уже само по себе принятие синтаксиса зависимостей (а не синтаксиса составляющих) имеет для определения согласования и управления далеко идущие последствия (ср. [5, с. 14—18] о важности синтаксического "фона" при рассмотрении согласования). Из соображений экономии, однако, основные положения теории "Смысл \Leftrightarrow Текст" предполагаются известными, так что я буду использовать без специального обоснования целый ряд принятых в этой теории трактовок, в частности — описание синтаксической структуры тех или иных выражений.

II

ИСХОДНЫЕ И ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ПОНЯТИЯ

1. Исходные понятия.

Прежде всего, мне понадобятся следующие 10 ВЕСЬМА ОБЩИХ лингвистических понятий, которые не специфичны для нашей конкретной цели. Определять их здесь невозможно, так что я введу эти понятия как неопределяемые, снабдив их минимальными пояснениями. (В действительности они нуждаются в определении; см., в частности [31].)

1. **Высказывание** [речевое проявление, способное выступать самостоятельно, т.е. между двумя главными паузами; обозначение: **Е**. Подчеркнем, что высказывание — это весьма растяжимое понятие, покрывающее такие речевые прояв-

² Barlow & Ferguson [19] предлагают четкий обзор проблематики согласования по следующим пунктам: область применения, участвующие категории, направление, степень обязательности, конфликты и их разрешение, вариативность, функции в языке, историческое развитие.

ления, как словоформа, словосочетание, предложение, фраза, период, абзац и т.д.].

2. **Словоформа** [минимальное высказывание, т.е. не содержащее других высказываний; обозначение: w].

3. **Словоизменятельная грамматическая категория** [множество обязательных взаимоисключающих грамматических значений, которые различают формы одной и той же лексемы: например, число и падеж существительного, время и наклонение глагола; обозначение: C]. Мы будем говорить, что категория C характеризует словоформу w, и писать C(w).

4. **Граммема** [элемент словоизменятельной грамматической категории, т.е. словоизменятельное значение: например, 'ед. число', 'аккузатив', 'буд. время'; обозначение: g]. Мы будем писать $g \in C$ в смысле "граммема g принадлежит к категории C" и $g \in 'w'$ в смысле "граммема g принадлежит к означаемому словоформы w".

5. **Синтаксическая словоизменятельная грамматическая категория** [категория, граммемы которой не выражают смысл, а маркируют синтаксические связи, не обязательно непосредственные: например, род, число и падеж прилагательного; синтаксическим словоизменятельным категориям противопоставлены семантические словоизменятельные категории, граммемы которых выражают смысл "впрямую": например, число существительных или время глагола³].

6. **Синтаксически (непосредственно) зависеть** (см. [36, с. 129 и сл.]; например, в выражениях *ИНТЕРЕСНАЯ поездка, для НЕЕ* и *ДЕВУШКА улыбнулась* элемент, выделенный прописными буквами, синтаксически зависит от другого элемента; обозначение: $X \xleftarrow{\text{синт}} Y$).

7. **Синтактика** [компонент языкового знака, в частности — словоформы, в котором задается сочетаемость этого знака, не обусловленная ни семантически, ни формально; синтактика представляет собой набор признаков].

8. **Признак синтактики** [логически соответствует грамматической категории, причем значения признака синтактики соответствуют граммемам; например, род у существительного, модель управления у глагола и у других лексических единиц, словоизменятельный класс; обозначение: Σ]. Мы будем говорить, что признак синтактики Σ характеризует словоформу w, и писать Σ(w).

9. **Значение признака синтактики** [например, "женский род" у существительного, "требуется датива" у глагола типа *БЛАГОВОЛИТЬ, ...*; обозначение γ].

10. **Местоимение-заместитель** [субстантивное местоимение 3 лица, замещающее в тексте повторное вхождение некоторого существительного-антецедента; в русском языке это лексема ОН, с формами *он, она, оно* и *они* во всех падежах. Местоимение-заместитель противопоставлено местоимениям 1 и 2 лица, которые не замещают никакие существительные].

Кроме того, мне понадобятся два признака синтактики местоимения: *лицо* и *число*, различающие лексемы Я ~ ТЫ ~ ОН, МЫ ~ ВЫ ~ ОНИ (местоименное лицо) и Я ~ МЫ, ТЫ ~ ВЫ (местоименное число).

2. Промежуточные понятия.

Наряду с этими десятью общими понятиями я буду использовать три СПЕЦИАЛЬНЫХ промежуточных понятия, которые специфичны для нашей цели. Их имеет смысл определить здесь же; это *морфологическая зависимость, согла-*

³ Между семантическими и синтаксическими словоизменятельными категориями нет непроницаемой границы. Как хорошо известно, в ряде специальных контекстов некоторая семантическая словоизменятельная категория может выступать в функции синтаксической категории, становясь управляемой или согласуемой; напротив, типично синтаксическая категория может приобретать семантическую роль (см. [27, с. 77—80]).

2.1. Общие соображения.

Я буду определять согласование, управление, и конгруэнтность как частные случаи **МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ ЗАВИСИМОСТИ**. Морфологическая зависимость есть особая синтагматическая зависимость между словоформами одного высказывания, отличная от семантической и синтаксической зависимостей; соответствующее понятие было введено в [37] и развито в [38; 36, с. 105 и сл.]. В этих работах показано, что наличие и направление морфологической зависимости между двумя словоформами в данном высказывании может не совпадать с наличием и направлением непосредственной семантической и синтаксической зависимостей между этими словоформами, так что логически возможны 14 комбинаций зависимостей, связывающих две данные словоформы; эти комбинации действительно представлены в языках. В частности, было установлено, что в синтаксической конструкции " хозяин $\xrightarrow{\text{сingt}}$ слуга" **МОРФОЛОГИЧЕСКИ** слуга может зависеть от хозяина, хозяин — от слуги, или же оба могут зависеть друг от друга; в то же время могут быть **МОРФОЛОГИЧЕСКИ** непосредственно связаны две словоформы, между которыми нет ни синтаксической, ни семантической — непосредственной⁴ — зависимости. [Примеры соответствующих ситуаций см. ниже: (17), (21), (22), (33).] Не обсуждая здесь различия между тремя главными типами синтагматических зависимостей, я воспроизведу — для удобства читателя — определение морфологической зависимости.

2.2. Обозначения.

Введем необходимые обозначения, которые будут использоваться в дальнейшем:

w_1 — морфологически зависимая словоформа, w_2 — ее морфологический хозяин.

В соответствии с принятой терминологией (ср., например [10, с. 5; 12, с. 996]) словоформа w_2 называется *контролером* словоформы w_1 , а w_1 — *мишенью* словоформы w_2 . В наших примерах контролер(ы) заключается (-ются) в рамку. Условимся также говорить, что контролер (или его некоторое свойство) *навязывает* мишени некоторую грамему или некоторое значение признака синтактики (= граммаема/значение признака синтактики мишени *выбирается в зависимости* от контролера, см. П.2.3.1).

g_1 — граммаема, навязываемая словоформе w_1 ее контролером, а C_1 — словоизменительная категория, к которой g_1 принадлежит, т.е. $g_1 \in C_1$; g_1 и C_1 называются, соответственно, *контролируемой грамемой/категорией*. В наших примерах граммаема g_1 (и ее показатель) выделяется жирным прифтом.

γ_1 — значение признака синтактики, навязываемое словоформе w_1 ее контролером, а Σ_1 — признак синтактики, к которому γ_1 принадлежит, т.е. $\gamma_1 \in \Sigma_1$; γ_1 и Σ_1 называются, соответственно, *контролируемым значением (признака синтактики)* <контролируемым признаком синтактики>.

⁴ Опосредованная же зависимость, как синтаксическая, так и семантическая, между двумя любыми словоформами фразы, разумеется, всегда наличествует — в силу связности синтаксической и семантической структур фразы [36, с. 116—118].

g_2 — граммема словоформы w_2 , навязывающая словоформе w_1 граммеме g_1 <значение γ_1 признака синтактики>, а C_2 — соответствующая словоизменительная категория, т.е. $g_2 \in C_2$; g_2 и C_2 называются, соответственно, *контролирующей граммемой <категорией>*.

γ_2 — значение признака синтактики, навязывающее словоформе w_1 граммеме g_1 <значение γ_1 признака синтактики>, а Σ_2 — соответствующий признак синтактики, т.е. $\gamma_2 \in \Sigma_2$; γ_2 и Σ_2 называются, соответственно, *контролирующим значением признака синтактики <контролирующим признаком синтактики>*.

По смыслу обозначений очевидно, что:

$C_1(w_1)$ и $\Sigma_1(w_1)$, а $C_2(w_2)$ и $\Sigma_2(w_2)$, т.е. C_1 и Σ_1 характеризуют w_1 , а C_2 и Σ_2 w_2 ; $g_1 \in 'w_1'$, а $g_2 \in 'w_2'$, т.е. g_1 входит в означаемое словоформы w_1 , а g_2 — в означаемое словоформы w_2 .

Вот общая схема, которую следует иметь в виду при чтении этой статьи:

$$w_1 \xleftarrow{\text{морф}/C_1} w_2,$$

т.е. " w_1 морфологически зависит от w_2 по словоизменительной категории C_1 ". Это значит, что выбор граммема $g_1 \in C_1$, которая характеризует w_1 в высказывании E (т.е. $g_1 \in 'w_1'$), зависит от w_2 . NB: Вместо C_1 в нескольких исключительных случаях в данной схеме может появляться Σ_1 (и тогда речь идет о выборе значения γ_1 признака синтактики), см. ниже, раздел II.2.3.2.2.

2.3. Морфологическая зависимость.

2.3.1. Определение 1: морфологическая зависимость.

Будем говорить, что в высказывании E словоформа w_1 *морфологически зависит* от словоформы w_2 по словоизменительной категории C_1 <по признаку синтактики Σ_1 >, если граммема g_1 категории C_1 <значение γ_1 признака синтактики Σ_1 >, характеризующей <-щего> w_1 , выбирается в зависимости от некоторого свойства словоформы w_2 .

Выражение "X выбирается в зависимости от Y" (например, одна граммема выбирается в зависимости от другой) должно приниматься в следующем смысле:

В ЛЕВОЙ ЧАСТИ СИНТАКСИЧЕСКОГО ПРАВИЛА, ВВОДЯЩЕГО X, ИМЕЕТСЯ Y. Подчеркнем, что в данной формулировке отсутствует "только": X может выбираться в зависимости сразу от НЕСКОЛЬКИХ факторов, т.е. морфологическая мишень может иметь, как уже было сказано, одновременно несколько контролеров. Типовой пример здесь — морфологическая зависимость личного глагола от группы однородных подлежащих (применительно к славянским языкам это явление подробно описано в [10, с. 97 и сл.]). Так, в языках банту при однородных подлежащих разных именных классов форма глагола-сказуемого определяется достаточно сложными правилами, разными в разных языках, но всегда учитывающими класс каждого из однородных членов и их порядок.

Релевантные свойства словоформы w_2 , т.е. контролера, могут быть всех трех логически мыслимых типов: морфологическими, синтаксическими и семантическими.

Словоформа w_1 морфологически зависит от w_2 , если и только если ее словоизменительная характеристика [= набор грамем] зависит:

1) морфологические свойства словоформы w_2

а) от словоизменительной характеристики словоформы w_2 (например, падеж прилагательного зависит от падежа определяемого существительного),

б) от синтактики словоформы w_2 , т.е. от ее лексических (= словарных)

свойств (например, род прилагательного зависит от рода определяемого существительного),

2) синтаксические свойства словоформы w_2

от места /роли/ окружения словоформы w_2 в синтаксической структуре (например, падеж дополнения к переходному глаголу w_2 зависит от наличия при этом глаголе отрицания) или, наконец,

3) семантические свойства словоформы w_2

от означаемого словоформы w_2 или от характеристики ее референта (например, род глагола зависит от реального пола референта подлежащего).

Заметим, что никаких других особенностей, релевантных с нашей точки зрения, у w_2 быть не может.

2.3.2. Комментарии к Определению 1.

2.3.2.1. Комментарий общего характера: морфологическая зависимость как частный случай синтагматического соответствия. Морфологическая зависимость представляет собой частный случай широко распространенного в естественных языках явления: наличие определенных СИНТАГМАТИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ между компонентами одного высказывания [39]. Такие синтагматические соответствия, или уподобления, наблюдаются на всех уровнях представления высказываний, ср. [27, с. 37—43].

— Синтагматические соответствия на СЕМАНТИЧЕСКОМ уровне касаются "сообразования" смысловых компонентов сочетающихся словоформ (ср. **Марина** — старьй *москвич [надо: москвичка] vs. **Марина** — хороший врач или Когда *скончалась Ваша **болонка?** vs. Когда скончалась Ваша **мать?** и т.п.).

— Синтагматические соответствия на СИНТАКСИЧЕСКОМ уровне касаются "сообразования" лексических единиц и синтаксических отношений. Сюда относятся, например:

В плане "сообразования" лексических единиц

1) Так называемое "управление предложениями" (см. ниже, управление 2): НАСТАИВАТЬ *на*, ЗАВИСЕТЬ *от*, ЛЮБОВЬ *к* и т.д.

2) Соответствие коррелятивных и относительных местоимений и наречий: ТОГДА—КОГДА, ТАМ—ГДЕ и т.д.

3) Соответствие отрицательных наречий и частиц: Он никогда не поет <*никогда поет> vs. англ. He never sings <*never does not sing>.

4) Соответствие существительных и нумеративов (в языках майя, в фарси, в тайском, вьетнамском, японском и т.п.). Так, в майя все одушевленные существительные пересчитываются с помощью нумеративного суф. -*tul*, а неодушевленные — с помощью суф. -*p'el*: *oš + tul winik* 'трое мужчин' vs. *oš + p'el na* 'три дома' <**os + tul na*, **os + p'el winik*>; в тщательном стиле, однако, используются более 80 подобных суффиксов: -*ban* — для N, обозначающих предметы в кучах. -*kot* — для N, обозначающих четвероногих животных, -*tš'ik* — для N, обозначающих раны, нанесенные брошенным предметом, который остается в теле, -*wal* — для N, обозначающих крупные листья (табака, банана, ...), и т.п.

5) Соответствие определенных дополнений и приглагольных клитик: исп. *María le habla a Pedro* 'Мария говорит с Педро' <**María habla a Pedro*> (в [14, с. 232 и сл.] данное соответствие рассматривается как частный случай согласования).

В плане "сообразования" синтаксических отношений

Обязательное наличие синтаксического отношения γ_1 при синтаксическом отношении γ_2 , например: *человек большого ума* vs. **человек ума*) и т.п.

— **Синтагматические соответствия на ФОНОЛОГИЧЕСКОМ** уровне проявляются в фонологических "уподоблениях" и "расподоблениях". Типовой пример — сингармонизм в тюркских и уральских языках, а также распределение алломорф в зависимости от фонологического контекста.

— И, наконец, **синтагматические соответствия на МОРФОЛОГИЧЕСКОМ** уровне как раз и представляют собой различные типы морфологической зависимости.

Подчеркнем еще раз, что **МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ ЗДЕСЬ БЕЗОТНОСИТЕЛЬНО К СИНТАКСИЧЕСКОЙ**.

В [40] было предложено описывать морфологические зависимости языка в виде особых групп правил — так называемых *операторов соответствия*, полностью отделенных от собственно синтаксических правил. С тех пор операторы согласования и управления неоднократно использовались в синтаксических описаниях. В частности, в [41] выписаны операторы управления для русского языка, а в [42, с. 162 и сл.] — операторы, устанавливающие морфологическую форму существительного и числительного в русской конструкции "Num + N"; в [43, с. 193] подобными операторами (под названием *standard functions*) описывается согласование (а также инверсия и координация) в английском языке; в [27] (гл. 4) полностью приводятся четыре оператора согласования для русского языка, покрывающие практически все случаи согласования в русском тексте нейтрального стиля⁵.

В рамках теории "Смысл \Leftrightarrow Текст" морфологические зависимости эксплицитно не выражаются ни на каком уровне представления высказываний: они вычисляются специальными правилами на основании поверхностно-синтаксических зависимостей, не обязательно непосредственных. Иначе говоря, в этой теории правила согласования, управления и конгруэнтности имеют на входе поверхностно-синтаксическую структуру фразы, а на выходе — ее глубинно-морфологическую структуру. Тем самым, они все принадлежат к поверхностно-синтаксическому компоненту модели языка (что хорошо соответствует традиционным представлениям).

Из сказанного лишний раз становится очевидно, насколько предлагаемые ниже определения конкретных типов морфологических зависимостей детерминируются принимаемым нами синтаксическим подходом.

2.3.2.2. Комментарии, касающиеся мишени.

а) **Тип контролируемой категории C_1 .** Категория C_1 , по которой w_1 морфологически зависит от w_2 , не обязательно бывает синтаксической (хотя в большинстве случаев это действительно так; ср. примечание 2). Например, в ряде языков — тюркские, угро-финские, ... — число существительного N (т.е. чисто семантическая категория) зависит от наличия при N количественного Num: это последнее требует от N единственного числа (тур. *beş dağ < *beş dağ + lar >*, букв. 'пять гора', и т.п.). В английском и французском языках время глагола V может зависеть от вводящего этот глагол союза: условное IF/SI требует от V настоящего времени вместо семантически оправданного будущего: англ. *If you come <*will come > tomorrow...* В русском языке вид глагола может зависеть от контекста (в частности, контролироваться наречием, синтаксически подчиненным глаголу): так, при НИКОГДА в прошедшем времени возможен лишь несовершенный вид — *Он никогда не *пришел* [надо: ...не приходил или ...так и не пришел]. Поэтому в Определении 1 тип контролируемой категории не уточняется.

⁵ Удобная форма записи операторов была предложена Л. Иомдиным [44].

б) Возможность контролируемого признака синтактики Σ_1 . Любопытная особенность морфологической зависимости состоит в том, что у мишени w_1 может контролироваться не только та или иная словоизменительная категория C_1 , но и некоторый признак синтактики Σ_1 . Иначе говоря, w_1 может изменять свои словарные свойства в зависимости от w_2 . Это явление, может быть, не так уж распространено, однако логически — и, как мы сейчас увидим, практически — оно возможно, и потому его желательнее отразить в Определении 1. Так, например, в русском языке признак синтактики существительных "одушевленность" может менять свое значение на обратное в некоторых специальных контекстах (в accusative; см. [45], где были установлены эти факты); в некоторых австралийских языках признак синтактики "транзитивность" у так называемого адвербиального глагола w_1 должен иметь то же значение, что имеет этот признак у соответствующего полнозначного глагола w_2 (синтаксически w_1 модифицирует w_2):

(1) Одушевленное N становится неодушевленным

- a. В аппозитивных конструкциях: *поднять* грузовик- *гигант* <*грузовик-гиганта>, *рассматривать* *красавец* -теплоход <*красавца-теплоход>, *вспоминать* город- *герой* <*город-героя>.
- b. Во фразеологических конструкциях типа *идти* в *инженеры* <*в инженеров>, *лезть* в *начальники* <*в начальников>, ... [46; 42, с. 461 и сл.].

Неодушевленное N становится одушевленным

- c. В выражениях типа *плясать* гопак <?гопак>, *отвесить* (здорового) тумак <?тумак> [42, с. 478]; ср. также [47] о возможности изменения словарных признаков у N в определенных сочетаниях.

Адвербиальный V становится переходным/непереходным [48]

- d. Язык нгиямба (Австралия)

<i>winar</i>	+ u	<i>miŋga</i>	+ Ø	<i>guni</i>	+ miyi	bagiyi	<*guni + ta + li>
женщина	ЭРГ	нора		НОМ	действовать. ПРОШ	раскапывать	(ГРАНЗ)-ПРОШ
							энергично (ГРАНЗ)

'Женщина энергично раскапывала нору'.

vs.

<i>winar</i>	+ Ø	<i>guni</i>	+ ta	+ li	yuŋani	<*guni + miyi>
женщина		НОМ	действовать. ИНТРАНЗ	ПРОШ	плакать(ИНТРАНЗ)-ПРОШ	
			энергично (ГРАНЗ)			

'Женщина энергично плакала'.

- e. Язык юкулта (Австралия)

<i>kuva</i>	+ yikanti	<i>waŋalk</i>	+ a	<i>mirala</i>	+ ta	ŋuti ?	<*mirala + ta>
ИНТЕРР	ЗСУБ.ЗОБ-БУД	бумеранг	НОМ	делать, хорошо (ГРАНЗ)	ИНД	бросать (ГРАНЗ)	

'Ты бросишь бумеранг хорошо?'

vs.

<i>mantuwara</i>	+ Ø	<i>yijka</i>	<i>mirala</i>	+ ta	wirka + ta	<*mirala + ta>
мальчик		НОМ	ЗСУБ-ПРОШ	делать, хорошо (ИНТРАНЗ)	ИНД	танцевать(ИНТРАНЗ)-ИНД

'Мальчик танцевал хорошо'.

В (1a) мы видим результат согласования, а в (1b-c) — управления (о различиях между согласованием и управлением см. ниже); в (1d-e) представлено согласование.

2.3.2.3. Комментарий, касающийся контролера: его синтаксические свойства. Два существенных свойства контролера — его морфологические особенности (словоизменительная характеристика, т.е. граммема, и значения признаков синтактики) и его семантика⁶ — хорошо известны; однако ТРЕТЬЕ — участие в тех или иных синтаксических конфигурациях — проявляется реже и потому заслуживает отдельных примеров.

- (2) а. В венгерском языке переходный глагол получает особую — определенную (“объектную”) — форму, если его прямое дополнение является определенным, и неопределенную (“безобъектную”) форму в противном случае. Имена собственные считаются лексически определенными; определенность же имен нарицательных выражается наличием/отсутствием при них определенного артикля. Таким образом, здесь существенное свойство контролера заключается в наличии у него некоторого синтаксического зависимого:

Egy ← — — — *könyv + et* lát + Ø

АРТ. НЕОПР. книга ЕД АКК видеть 3. ЕД. НЕОПР.

‘Он видит какую-то книгу [= a book]’.

vs.

Az a ← — — — *könyv + et* lát + *ja*.

этот АРТ. ОПР. книга ЕД АКК видеть 3. ЕД. ОПР.

‘Он видит эту книгу [= the book]’.

В (2a) наблюдается согласование глагола с прямым дополнением по определенности⁷.

- б. В русском языке прямое дополнение переходного глагола может (при определенных условиях) принимать генетив, если глагол или его синтаксический хозяин имеет при себе отрицание:

Я не ← могу → начать → писать стих + ов.

В (2б) мы видим управление генетивом со стороны переходного глагола ПИСАТЬ, обусловленное наличием отрицательной частицы при его “косвенном” синтаксическом хозяине.

2.3.2.4. Комментарии, касающиеся самой зависимости.

а) Логический тип отношения “морфологически зависеть”. Подчеркнем, прежде всего, что здесь речь пойдет о морфологической зависимости в ШИРОКОМ СМЫСЛЕ слова, т.е. о морфологической зависимости вообще, а не по какой-то одной специфической словоизменительной категории (на необходимость этой

⁶ Семантические особенности контролера, существенные для согласования, связаны либо с его означаемым, либо с его референтом. Роль ОЗНАЧАЕМОГО морфологического контролера проявляется в таких случаях, как нем. *das Mädchen* ‘девушка’, где возможна замена данной леммы среднего рода местоимением женского рода SIE ‘она’ (“по смыслу”); роль РЕФЕРЕНТА контролера видна в случае местоимений Я или ТЫ, навязывающих согласование глаголу в зависимости от биологического пола референта.

⁷ Данный пример представляет известные трудности для описания, поскольку мне не ясен статус “определенности” при венгерском N; это может быть граммема, признак синтактики (например, личные местоимения являются грамматически неопределенными), компонент означаемого ‘N’ или свойство его референта; вероятно, что в разных случаях дело обстоит по-разному. Эта проблема, однако, не существенна с точки зрения исследуемых понятий.

оговорки мне указала Е. Саввина). Тогда мы можем утверждать следующее: Семантическая и синтаксическая зависимости АНТИрефлексивны и АНТИсимметричны; синтаксическая зависимость еще и АНТИтранзитивна (ср. [36, с. 118])⁸. В отличие от них морфологическая зависимость НЕрефлексивна, НЕсимметрична и НЕтранзитивна.

Это значит, что:

— словоизменительная характеристика данной словоформы w_1 может зависеть, в частности, и от каких-то особенностей этой же самой словоформы;

— если словоизменительная характеристика данной словоформы w_1 зависит от какой-то другой словоформы w_2 , словоизменительная характеристика словоформы w_2 может, в свою очередь, зависеть от словоформы w_1 ;

— если словоизменительная характеристика данной словоформы w_1 зависит от какой-то другой словоформы w_2 , а словоизменительная характеристика словоформы w_2 зависит, в свою очередь, от словоформы w_3 , словоизменительная характеристика w_1 может зависеть и от w_3 .

Приведем примеры на все три случая.

(3) В лакском языке подлежащее при переходном глаголе стоит в номинативе, если оно — местоимение 1 или 2 лица, и в генитиве, если оно — местоимение 3 лица или существительное. Таким образом, словоизменительная характеристика подлежащего зависит от него самого.

(4) В русском языке форма числительного Num может зависеть от исчисляемого существительного N, причем в то же время форма N зависит от Num:

дв + а ложа ~ дв + е кровати и две кроват + и ~ пять кроват + ей
 СРЕД ЖЕН ЕД. ГЕН МН. ГЕН

(5) В русском языке форма присвязочного прилагательного А зависит от глагола V, а форма этого последнего зависит от подлежащего N, причем в то же время форма А зависит от N:

был	больн + ой/больн + ым ~	казался	*больн + ой/больн + ым;
Иван	был + ∅ ~	Маша	был + а;
Иван	был больн + ой ~	Маша	была больн + ая ~ Дети были больн + ые.

Как легко видеть из примера (5), морфологическая зависимость в широком смысле слова допускает НЕЕДИНСТВЕННОСТЬ ХОЗЯИНА: присвязочное А зависит — по разным категориям — от двух разных словоформ (по падежу II⁹ — от V, а по роду 2 и числу II — от N-подлежащего). В этом аспекте морфологическая зависимость сходна с семантической зависимостью, допускающей неединственность хозяина (и также нетранзитивной), и протivoстоит синтаксической зависимости, при которой двойная зависимость невозможна.

б) Неспецифическая морфологическая зависимость. Некоторая синтаксически обусловленная, т.е. не несущая смысл, словоизменительная характеристика словоформы w_1 не обязательно зависит от свойств другой словоформы w_2 : она мо-

⁸ Семантическая зависимость может быть транзитивна:

'я ← знать ты ← любить' = 'я знаю, что ты меня любишь', где "петля" транзитивности образована элементами 'я', 'знать' и 'любить'.

⁹ Различаются субстантивный падеж, или падеж I, и адъективный падеж, или падеж II. Внутри субстантивного падежа различаются, в свою очередь, еще две падежные словоизменительные категории: падеж I.1 — "управляемый" падеж — и падеж I.2 — "согласуемый" падеж (см. [49]). Аналогичным образом, число I — это субстантивное (семантическое) число, а число II — адъективное (т.е.

жет зависеть только от синтаксической роли самой w_1 по отношению к w_2 ; такую зависимость я предлагаю называть *неспецифической*, или *квазиморфологической*. Типовой пример — английская притяжательная форма на *-s* ("саксонский генитив"). Английское *N* получает притяжательную форму, каково бы ни было другое *N'*, от которого *N* зависит синтаксически по притяжательному поверхностно-синтаксическому отношению (ПСО). Еще один любопытный пример квазиморфологической зависимости дает элективная конструкция тюркских языков:

- (6) В элективной конструкции типа "лучшие из вас", "три из книг" в тюркских языках морфологически маркируются оба члена — и хозяин, и слуга:

узб. <i>одам</i>	+ <i>лар</i>	+ <i>нинг</i>	<i>яхши</i>	+ <i>си</i>	'лучший из людей'
человек	МН	ГЕН	хороший	ЗМН	

При этом прилагательное *A* зависит от своего синтаксического слуги-*N* морфологически: притяжательная форма у *A* выбирается в зависимости от лица и числа этого *N*, ср.:

биз + нинг	<i>яхши</i>	+ <i>миз</i>	'лучший из нас'
мы ГЕН	хороший	1МН	

Однако *N* тюркской элективной конструкции зависит от своего хозяина-*A* лишь КВАЗИморфологически: оно получает генитив, каково бы и в какой бы форме ни было *A* или *Num*.

Неспецифические морфологические зависимости в этой статье рассматриваться не будут. В дальнейшем — в соответствии с Определением 1 — под морфологической зависимостью всегда имеется в виду только *специфическая морфологическая зависимость*, т.е. морфологическая зависимость одной словоформы именно от другой словоформы. Подчеркнем, однако, что неспецифическая морфологическая зависимость обязательно является управлением: так, в (6) генитив у *N* управляется элективным ПСО и его вершинным *A* (а не какой-либо конкретной лексемой).

с) **Критерии морфологической зависимости.** Решение о наличии и направлении морфологической зависимости между словоформами w_1 и w_2 должно, как я полагаю, приниматься исключительно на основании формальных правил модели языка, которые — исходя из данной поверхностно-синтаксической структуры (ПСинтС) — "вычисляют" для w_1 соответствующую грамему g_1 : если это делается с упоминанием словоформы w_2 , то w_2 и есть контролер для w_1 ; ср. характеристику нашего подхода в самом конце раздела II. Таким образом, с формальной точки зрения критерием морфологической зависимости являются правила ее реализации (аналогичный подход проводится в [27]). В некоторых случаях нужное нам правило может быть записано только одним образом; в других существует несколько возможных формулировок, одна из которых, однако, проще других и потому принимается. Приведем примеры.

• В конструкциях типа ПРЕНЕБРЕГАТЬ $\xrightarrow{\text{синт}}$ ПАЦИЕНТЫ правило, которое приписывает словоформе *пациентами* (= w_1) инструменталис, не может не ссылаться на лексему ПРЕНЕБРЕГАТЬ (= w_2); это однозначный случай, здесь вне всякого сомнения w_2 есть контролер для w_1 .

• Конструкции типа лат. *pro dictis et malefactis* 'за слова и злодеяния' менее очевидны: так, Ostrowski [50, с. 252] отрицает наличие непосредственной морфологической связи между *dictis* и *malefactis*; оба существительных считаются "параллельно" зависящими от предлога PRO. Представим, однако, ПСинтС это-

го выражения так, как принято в теории "Смысл \Leftrightarrow Текст" (над стрелками поверхностно-синтаксических зависимостей указаны соответствующие ПСинт-отношения):

PRO $\xrightarrow{\text{отпредложное}}$ DICTA $\xrightarrow{\text{координативное}}$ ET $\xrightarrow{\text{отсоюзное}}$ MALEFACTA;

тогда правило, которое приписывает словоформе *malefact + is* (= w_1) аблатив, может сослаться либо на ближайший к w_1 (в ПСинтС) элемент вида $X \xrightarrow{\text{коорд}}$ (в данном случае — это *dictis*), либо на ближайший элемент, подчиняющий самый левый член цепочки координативных элементов (в данном случае — это *pro*). Второе решение очевидным образом сложнее, ибо требует "восходить" по цепочке однородных членов до синтаксического хозяина всей цепочки, тогда как для получения нужной граммы достаточно найти ближайший влево однородный член. Поэтому контролером для *malefact + is* признается *dictis* (= w_2)¹⁰.

2.4. Согласовательный класс.

Перейдем теперь ко второму промежуточному понятию — к СОГЛАСОВАТЕЛЬНОМУ КЛАССУ. Понятие согласовательного класса занимает центральное место в настоящем исследовании; тем не менее, оно слишком сложно, чтобы его можно было охарактеризовать здесь полностью и всесторонне. Я ограничусь указанием, что оно основано на идеях А. Зализняка ([22, с. 66 и сл.]; ср. также [51, 52]), и положусь на достаточность моих кратких пояснений.

2.4.1. Определеппе 2: согласовательный класс.

Пусть имеется некоторое множество, заданное определенным набором {P} свойств его элементов; оно называется *максимальным*, если включает ВСЕ элементы, обладающие свойствами {P}.

Рассмотрим множество словоформ одной части речи языка L; нас интересует разбиение этого множества K_i , где $i \geq 2$; эти подмножества и будут определены как согласовательные классы. (Таким образом, минимальное количество согласовательных классов в некотором языке — два.)

Будем говорить, что множество K словоформ одной части речи языка L является *согласовательным классом I*, если оно максимально и удовлетворяет одновременно трем следующим условиям:

1. Каковы бы ни были две словоформы w_{2i} и w_{2j} множества K, в L найдется словоформа w_1 , выражающая некоторую категорию C_j , такая, что: В любом контексте, где и w_{2i}/w_{2j} , выступая в одной и той же синтаксической позиции, навязывают словоформе w_1 , морфологически зависящей от w_{2i}/w_{2j} , какую-то грамму категории C_1 , не зависящую от их собственных граммем, w_{2i} и w_{2j} всегда ОБЕ навязывают этой w_1 одну и ту же грамму $g_1 \in C_1$.

2. Какова бы ни была словоформа w_2 множества K, в любом контексте, где w_2 одновременно навязывает нескольким словоформам w_{1i} , морфологически зависящим от w_2 , какую-то грамму (той же самой) категории C_1 .

¹⁰ Таким образом, в цепочке однородных N происходит согласование по падежу I. (Так дело обстоит, разумеется, только в случае синтаксических падежей I два однородных N могут быть в двух разных семантических падежах I — например, "ПОД-столом и НА-шкафу" — и тогда никакого согласования не происходит.) В цепочке однородных V происходит согласование по числу II/лицу/роду 2/

классу 2 и, видимо, по времени и наклонению. (В ряде языков, в первую очередь — в языках банту, самый левый глагол, т.е. синтаксическая вершина однородной цепочки, управляет особой граммемой своего подчиненного однородного глагола — координативом; в координативе глагол не различает времен. Все последующие однородные глаголы согласуются со своими хозяевами именно по координативу.) В цепочке однородных A происходит согласование по роду 2/классу 2/числу II/падежу II.

не зависящую от ее собственных граммем, w_2 всегда навязывает ВСЕМ w_{11} в одном и том же контексте одну и ту же граммему $g_1 \in C_1$.

3. Граммемы категории C_1 никогда не навязываются ничем, кроме словоформ множества K .

Насколько мне известно, согласовательные классы¹¹ имеются только у существительного, где они проявляются в виде трех основных типов: (грамматический) род1, (именной) класс1 и одушевленность. Логически, однако, ничто не мешает наличию согласовательных классов1 у глагола или у прилагательного (ср. примеч. 31: согласовательные классы1 у немецких детерминантов?). Поэтому в Определении 2 соответствующее ограничение не вводится.

Согласовательный класс1 является признаком синтактики у всех тех лексем, которые он характеризует.

2. Комментарии к Определению 2.

а) Условие 1 обеспечивает принадлежность к одному согласовательному классу1 любых двух словоформ, которые воздействуют на свою морфологическую мишень w_1 одинаковым образом — с точки зрения выражения при ней граммем категории C_1 . Эта одинаковость воздействия зависит только от синтактики контролеров: их собственные граммемы, в соответствии с Определением 2 ("...не зависящую от их собственных граммем"), должны игнорироваться.

б) Условие 2 обеспечивает различение *согласовательного класса1* и *рекцияного класса* (или класса управления — того, что в генеративной грамматике называют "subcategorization frame"). В этом условии крайне существенен квантор ВСЕ ("...ВСЕМ w_{11} ..."): в определении реакцияного класса он отсутствует. Так, латинский глагол *comparāre* ОДНОВРЕМЕННО навязывает своим трем актантам три разных падежа: *Juli + us* [НОМ] *Ciceron + em* [АКК] *Enni + o* [ДАТ] *comparat* 'Юлий сравнивает Цицерона с Эннием'; это типовой пример управления. Все глаголы, управляющие этой тройкой падежей, образуют один реакциянный класс.

в) Условие 3 обеспечивает исключение из понятия согласовательного класса1 групп предлогов, управляющих одним и тем же падежом. Без этого условия предлоги ДЛЯ, ДО и У [+ ГЕН] образовывали бы один согласовательный класс1, а предлоги К и ПОШ [+ ДАТ] — другой и т.д.: они удовлетворяют первым двум условиям. (На ситуацию с предлогами мое внимание обратил Н. Перцов.)

д) **Лексические единицы со специальными согласовательными свойствами.** Квантор общности в условиях 1 и 2 ("каковы бы ни были"/"какова бы ни была") должен пониматься *cum grano salis*: ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ некоторых специально оговоренных случаев, наблюдаемых в четко ограниченных ситуациях¹². Дело в том, что в самых разных языках существует некоторое количество лексических единиц, для которых условия 1 и 2 часто нарушаются. Вот три примера:

— В русском языке лексема МИНИСТР [муж], когда она обозначает женщину, может навязывать глаголу-сказуемому (но не прилагательному-определению!) женский род Мишистр *иностранных дел Исландии ... заявил + а, что ...* [но: *наш + а *мишистр Ингрид Торвальдсен*].

— В русском же языке фраземы типа МЕШОК С ДЕРЬМОМ или ПУГАЛО ОГОРОДНОЕ навязывают согласованным прилагательным граммему неодушевленности, а относительным местоимениям — граммему одушевленности: — *А я*

¹¹ Аналогично роду1/2, согласовательный класс1 — это признак синтактики у N, а согласовательный класс2 — это синтаксическая словоизменятельная категория у A и V.

¹² Подобного рода формулировки — "Всегда, но за исключением некоторых специальных, точно оговоренных случаев" — весьма типичны для описаний естественных языков. Они должны быть приняты как стандартный тип лингвистических утверждений.

еще обязан опекать эт + от мешок с дерьмом /эт + и пугала огородные

<*эт + ого мешка с дерьмом/*эт + их пугал огородных>, котор + ого/котор + ых <*котор + ый/*котор + ые> давно пора выгнать! (см. [42, с. 474 и сл.]).

— Немецкая лексема MÄDCHEN ‘девушка’ — среднего рода, но может замещаться (‘по смыслу’) местоимением SIE ‘она’ женского рода¹³; и т.п.

Все такие лексические единицы должны иметь специальные признаки в своей синтактике. Здесь речь идет о так называемом *согласовании по смыслу*, см. ниже, комментарий III.1.2.2.5 к Определению 4.

е) Морфологическая нейтрализация. Оговорка относительно контекстов (“... в ЛЮБОМ контексте, ГДЕ...”), появляющаяся в обоих условиях, необходима в связи с наличием феномена морфологической *нейтрализации*: в некоторых контекстах определенная словоизменительная категория C_1 вообще не может выражаться, так что в этих контекстах контролер w_2 не навязывает своей мишени никакой граммы категории C_1 . Так, в русском языке, как известно, прилагательные не различают род во мн. числе, и поэтому во мн. числе N не навязывает род 2 морфологически зависящему от него A .

2.5. Сопряженные категории.

Наконец, последнее вспомогательное понятие: СОПРЯЖЕННЫЕ СЛОВОИЗМЕНТЕЛЬНЫЕ КАТЕГОРИИ.

Определение 3: сопряженные категории

Будем говорить, что в языке L синтаксическая словоизменительная категория C_1 *сопряжена* с категорией C_2 , если выполняется следующее условие:

Для любых двух словоформ w_1 и w_2 , таких, что $C_1(w_1)$ и $C_2(w_2)$, если w_1 синтаксически зависит от w_2 , то грамма категории C_1 обязательно выбирается в зависимости от граммы категории C_2 .

Подчеркнем антисимметричность понятия “быть сопряженным с”: если C_1 сопряжена с C_2 , то C_2 не сопряжена с C_1 .

Говоря неформально, синтаксическая словоизменительная категория C_1 *сопряжена* со словоизменительной (не обязательно синтаксической) категорией C_2 , если C_1 существует в языке, так сказать, специально для того, чтобы “отражать” C_2 , так что граммы категории C_1 как бы дублируют граммы категории C_2 — за исключением (как всегда) некоторых особых конструкций. Типовые примеры сопряженных категорий — это числоII и падежII прилагательного, которые “отражают”, соответственно, числоI и падежI существительного.

Примеры

Сопряженные категории

(7) В русском языке категория “падежII” (= адъективный падеж) сопряжена с категорией “падежI” (= субстантивный падеж): если прилагательное синтаксически зависит от существительного, то его падежII зависит только от граммы падежаI этого существительного. ПадежII прилагательного может также зависеть только от типа глагола-контролера в присвяточной конструкции, т.е. от его синтактики (например, *Она казалась устал + ой/*устал + ая* vs. *Она была устал + ой/устал + ая* и т.п.); это, однако, не противоречит определению сопряженности, ибо в данной конструкции прилагательное от существительного синтаксически (непосредственно) не зависит.

¹³ Вот любопытный пример такого замещения (указан мне Б. Смилгой): *Dieses Mädchen hatte er gern und beschützte es oft ..., weil sie die Tochter des Regenmachers war* ‘Он любил эту девочку и часто защищал ее, так как она была дочерью создателя дождей’ (H. Hesse, *Glasperlenspiel*).

Несопряженные категории

(8) В грузинском языке выбор граммемы категории "падежI (существительного)" может зависеть от граммемы времени глагола: грубо говоря, подлежащее переходного глагола получает в презенсе/имперфекте номинатив, в аористе — эргатив и в перфекте — датив. Однако категория "падежI" не сопряжена с категорией "(глагольное) время", поскольку, например, у косвенных дополнений глагола падежI никогда от времени не зависит.

Понятие сопряженной категории также является очень важным в рамках нашего изложения: как указывалось, на нем держится различие согласования и управления, т.е. по существу определение управления.

Комментарий общего характера: соотношение понятий "согласовательный классI" / "сопряженные категории" и "согласование".

В развиваемом подходе понятие согласовательного классаI и понятие сопряженных категорий ЛОГИЧЕСКИ ПРЕДШЕСТВУЮТ понятию согласования и являются весьма существенными: на них держится различие согласования и управления. Хотелось бы особо подчеркнуть отсутствие порочного круга: согласовательный классI и сопряженные категории определяются без всяких ссылок на согласование (хотя они и используют понятия морфологической и синтаксической зависимости).

Теперь я могу приступить к непосредственно интересующим нас понятиям: согласование, управление и конгруэнтность. Согласование является наиболее "содержательным" понятием — оно включает положительные признаки, и потому оно будет введено первым; управление определяется отрицательно — грубо говоря, как морфологическая зависимость, не являющаяся согласованием, и его естественно ввести во вторую очередь; конгруэнтность как частный случай согласования (в широком смысле) будет рассмотрена последней. (Отметим, что в теоретических работах, посвященных синтаксическо-морфологическим связям, согласование занимает, как правило, главное место.)

Чтобы облегчить восприятие развиваемого подхода, целесообразно сформулировать в явном виде две его основные особенности, отличающие его от других аналогичных попыток.

1. Согласование, управление и конгруэнтность определяются в этой статье как разновидности **МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ**, а не синтаксической, зависимости. Тем самым, данный подход резко порывает с длительной русской — да и не только русской — грамматической традицией, в которой согласование и управление рассматриваются как частные случаи синтаксического подчинения (ср., например [53, с. 68; 25, 8], Академические грамматики 1960 и 1970 гг.) или — реже — как виды оформления синтаксического подчинения [24, с. 10]¹⁴. При обсуждении согласования и т.д. в литературе морфологическая зависимость как отдельный вид зависимостей обычно вообще не рассматривается.

2. Согласование, управление и конгруэнтность определяются в этой статье на основе **СИНТЕЗИРУЮЩИХ ПРАВИЛ** формальной модели языка, а не на основе наблюдаемого в тексте распределения грамматических показателей, т.е. не на основе соосцигенсе или совагиансе, как это обычно делается. Разумеется, сами правила модели так или иначе учитывают наблюдаемое распределение элементов; тем не менее, взгляд со стороны правил (проводимый также в [27]) дает иную перспективу.

¹⁴ Эта традиция объясняется тем, что в подавляющем большинстве случаев в русском языке согласование и управление действительно маркируют синтаксическую подчинительную связь.

1. Понятие согласования.

1.1. Определение 4: согласование.

Будем говорить, что в высказывании *E* словоформа w_1 , морфологически зависящая от словоформы w_2 по словоизменяющей категории C_1 , *согласуется* с w_2 по C_1 , если одновременно выполняются следующие два условия:

1) словоформа w_1 не является местоимением-заместителем, замещающим некоторое вхождение w_2 в *E*;

2) граммема $g_1 \in 'w_1' \mid g_1 \in C_1$ выбирается в зависимости:

(а) либо от некоторой грамеммы $g_2 \in 'w_2' \mid g_2 \in C_2$ — такой, что C_1 сопряжена с C_2 или $C_1 = C_2$;

(б) либо от одного из следующих признаков синтактики словоформы w_2 : от ее согласовательного класса¹, от ее (местоименного) лица или от ее (местоименного) числа;

(с) либо от семантических компонентов словоформы w_2 или от свойств ее референта в *E*.

1.2. Комментарии к Определению 4.

1.2.1. Комментарии к условиям.

1.2.1.1. Условие 1 необходимо, чтобы отделить от согласования важный частный случай, который трактуется отдельно: конгруэнтность, см. Определение 6 ниже.

1.2.1.2. Условие 2 формулирует, по существу, позитивные свойства согласования: согласование происходит исключительно либо по сопряженной синтаксической категории, либо по той же самой категории (этот случай указан мне Н. Перцовым), либо по одному из трех указанных признаков синтактики, либо по семантическим свойствам контролера или его референта.

Согласование по той же самой категории наблюдается в сочиненных конструкциях типа $k \rightarrow \text{Маше} \rightarrow u \rightarrow \text{Ване}$, где *Ване* согласуется по падежу I с *Маше*, а также в конструкциях *самая* ← *большая*, *какими* ← *хорошими* и т.п., ср. (20), где синтаксически зависимое прилагательное согласуется со своим хозяином по роду², числу^{II} и падежу^{II}.

Условие 2с рассчитано на такие случаи согласования, как англ. *My family* [ЕД] *are* [МН] *happy*, где мн. число глагола зависит от семантики N FAMILY, или *Я пришел* + *а*, где женский род глагола зависит от женского рода местоимения Я. (Я исхожу из предположения, что в русском языке имеется всего ОДНА лексема Я, не различающая родов, т.е. "нечувствительная" к полу референта; аналогично обстоит дело и с ТЫ¹⁵.)

¹⁵ Ср. такое же предложение, касающееся французских лексем JE и TU в [54, с. 239]. В этой же работе приводится любопытный пример из языка онондага [55, с. 31(43)], где глагол-сказуемое согласуется с референтом подлежащего по числу элементов в нем, а не с подлежащим в точном смысле слова, т.е. не со словоформой как таковой, — N в онондага не имеет обязательного грамматического числа (хотя факультативный суффикс мн. числа у N есть: *ciha* + *sho?ah* 'собаки', *law?ha?* + *sho?ah* 'цветы', *hatiksa?* + *sho?ah* 'дети'). Ср.:

<i>cihá</i>	<i>kahnyá:ha?</i>	'Собака лает'.
собака	лаять-ЕД	
<i>cihá</i>	<i>kuhnhnyá:ha?</i>	'Две собаки лают'.
собака	лаять-ДВ	

1.2.1.3. **Согласование по признаку синтактики.** Чтобы Определение 4 покрывало экзотические примеры типа (1а), в него необходимо добавить упоминание признаков синтактики: " w_1 , морфологически зависящая от w_2 по признаку синтактики Σ_1 , *согласуется* с w_2 по признаку синтактики Σ_1 , если выбор значения γ_1 признака синтактики $\Sigma_1(w_1)$ зависит от значения некоторого признака синтактики $\Sigma_1(w_2)$ ". Однако корректная формулировка этого уточнения настолько усложнила бы Определение 4, что, по-видимому, было бы целесообразно расщепить его на два более частных определения: согласование по некоторой словоизменительной категории vs. согласование по некоторому признаку синтактики. Чтобы не загромождать и без того сложное изложение, я предпочел пожертвовать строгостью и ограничиться настоящей оговоркой.

1.2.2. Комментарии, касающиеся самой зависимости.

1.2.2.1. Согласование не есть совпадение (= тождество) некоторых характеристик контролера и мишени.

Определение 4 не требует ТОЧНОГО СОВПАДЕНИЯ грамлеммы g_1 с грамлеммой g_2 или со значением γ_2 соответствующего признака синтактики: необходима лишь некоторая зависимость выбора g_1 от g_2 или от γ_2 . Иначе говоря, достаточно, если в правилах выбора контролируемой грамлеммы g_1 упоминается — в качестве необходимого условия — контролирующий элемент g_2 или γ_2 . Таким образом, в русской конструкции *три больших стола* прилагательное **А** *больших* [МН] считается согласующимся с **Н** *столы* [ЕД] по числу, ибо в правилах определения числа для **А**-определений говорится: "Если **N** — в ЕД, но имеет при себе в качестве синтаксического зависимого "малое" Num, то **А** — во МН"¹⁶.

NB В этом пункте предлагаемое нами определение согласования существенно расходится со многими другими определениями, например [2, с. 333; 7, с. 203]; ср., однако [1, с. 176]¹⁷.

В пользу предлагаемого подхода можно привести как содержательные, так и формальные соображения.

<i>cihá</i>	<i>kôihnyá: ha?</i>	'Собаки лают'.
собака	лаять-МН	

Подобные примеры демонстрируют важность пункта с в условии 2.

NB Я нисколько не настаиваю на таком описании фактов (i). Вполне возможно, что в онондага (или в другом сходном языке) категория числа (актантов) в глаголе является семантической, а вовсе не согласовательной (см. об этом [56]), т.е. глагол не согласуется с актантами по числу, а "прямо" выражает число своего актанта (так, по-видимому, считает сам Чейф: "...dual and plural in these sentences have been postsemantically transferred from the noun to the verb" [55, с. 31]); тогда пример (i) здесь неправилен. Он приведен в сугубо иллюстративных целях.

¹⁶ Обратим внимание читателя на тот факт, что наше утверждение «в русском языке число **A** зависит от числа **N**, в частности — и в конструкции "**Num** + **A** + **N**"» верно лишь при условии, что ПСинт-правила сформулированы именно так, так указано: "Число **A**: если **N** в ЕД, то ...; если **N** — во МН, то ..." (способ I). В принципе их можно сформулировать и по-другому: "Число **A**: если **N** имеет при себе Num, то МН" (способ II); при такой формулировке число **A** от числа **N** в конструкции "**Num** + **A** + **N**" не зависит, т.е. в этой конструкции не происходит согласования **A** с **N** по числу. Как лучше формулировать правила согласования **A** с **N** в русском языке, это особый вопрос, который здесь обсуждать невозможно. Отметим только, что, по моему мнению, компактность системы правил требует предпочесть формулировку по способу I; именно так сформулирован оператор согласования **A** с **N** в [27, с. 99, правило 2]. — Напомню, что особенностью данного подхода к проблемам согласования и управления является его ориентированность на формальные правила синтеза текста, а не на совместную встречаемость тех или иных показателей.

¹⁷ Неправомерно включать в определение согласования требование, чтобы в согласуемом слове присутствовал тот же признак, что и в согласующем. Вообще говоря, сходство признаков рода, числа и падежа в прилагательном и существительном связано лишь с принятым нами способом их обозначения. В действительности же природа их в прилагательном и существительном различна [1, с. 176].

Став сначала на СОДЕРЖАТЕЛЬНУЮ точку зрения, отметим, что специалисты без всяких колебаний относят к сфере согласования большое число весьма разнообразных случаев, где совпадения контролирующих и контролируемых характеристик не наблюдается. Таким случаям посвящена целая книга Corbett [10]; они занимают важное место во всех конкретных описаниях согласования [26, 27]. Вот типовые примеры согласования глагола-сказуемого с подлежащим по роду, при котором имеет место ОЧЕВИДНОЕ НЕ-СОВПАДЕНИЕ контролируемых и контролирующих элементов (славянские языки; [10—12])¹⁸.

(9) а. Словенский

<i>Ta</i>	<i>streha, okno</i>	<i>in gnezdo</i>	<i>mi bodo</i>	<i>ostal</i>
+ <i>i</i>	v <i>spominu</i> .			
Эта крыша (ЖЕН)	окно (СРЕД)	и гнездо (СРЕД)	мне будут оставшиеся	МН. МУЖ в памяти

‘Эта крыша, окно и гнездо останутся у меня в памяти’.

б. Польский

<i>Któr</i>	+ <i>e</i>	<i>z</i>	<i>małżonków</i>	<i>jest</i>	<i>winn</i>	+ <i>e?</i>
который	ЕД. СРЕД	из	суп.ругов (МУЖ)	есть	виноват	ЕД. СРЕД

‘Кто из супругов виноват?’

с. Сербо-хорватский

<i>Vredal</i>	+ <i>i</i>	<i>su ga</i>	<i>nebriga i lakomislenost</i>	<i>Tahir-begova</i>
раздражал	МН. МУЖ	суть его	небрежность и легкомыслие (ЖЕН) (ЖЕН)	Тагир-бекова

‘Его раздражали Тагир-бекова небрежность и легкомыслие’.

А теперь покажем, что с ФОРМАЛЬНОЙ точки зрения тождество контролируемых и контролирующих элементов все равно невозможно даже в самых обычных, неэкзотических случаях — по чисто логической причине: это элементы РАЗНОЙ ПРИРОДЫ. В самом деле, род1 существительного — это признак его синтактики, а род2 прилагательного или глагола — это его словоизменительная категория. Далее, число существительного и число прилагательного — это две совсем разные словоизменительные категории: одна семантическая, а другая синтаксическая, т.е. это числоI и числоII; соответственно различны и их граммы. (Сходные названия объясняются сопряженностью соответствующих категорий.) Поэтому определения согласования, основанные на идее ТОЖДЕСТВА грамм мишени и контролера (или еще хуже, граммы мишени и признака синтактики контролера, как в случае рода), представляются мне логически некорректными¹⁹.

1.2.2.2. Согласование и семантические акты.

Уже в 1974 г. Э. Кинен [57, с. 298—303; 58, с. 94—98] заметил, что при согласовании контролер, как правило, является семантическим (Сем-) слугой (= Сем-актантом) мишени (Кинен изложил свое наблюдение в несколько иных терминах; ср. переформулирование “функционального принципа” Кинена в [7, с. 231—233]). В самом деле, А и V согласуются с N, каковое всегда бывает их Сем-слугой;

¹⁸ Чтобы не перегружать изложение, я не привожу правил, по которым выполняются иллюстрируемые согласования.

¹⁹ Интересные утверждения относительно согласования удастся делать именно там, где “согласование” в бытовом смысле слова (= совпадение) нарушается и возникают осложнения. По меткому замечанию Корбетта, “трещины” в системах согласования важны для лингвиста, как трещины в земной коре для геолога, “который узнает куда больше из одного разлома, чем наблюдая мили и мили ровной поверхности” [10, с.1].

даже в случае относительного местоимения КОТОРЫЙ можно усматривать такое же соотношение: КОТОРЫЙ согласуется по роду² и числу^{II} с определяемым N, а придаточное определительное, вводимое этим местоимением, является Сем-хозяином определяемого N. Иначе говоря, мишень морфологически согласуется со своим СЕМАНТИЧЕСКИМ АКТАНТОМ. Возникает соблазн определить понятие согласования через понятие Сем-актанта. А именно, почему бы не сказать, что морфологическая зависимость $w_1 \leftarrow_{\text{морф/С}_1} w_2$ есть согласование в том и только в том случае, когда 'w₂' есть семантический актанта 'w₁', т.е. когда $w_2 \leftarrow_{\text{сем}} w_1$. В подавляющем большинстве случаев это действительно так. Однако существуют противоречащие примеры: с одной стороны, конструкции, где Сем-хозяин морфологически зависит от своего Сем-актанта, но не согласуется с ним, а с другой стороны, конструкции, где морфологически согласуемая мишень не является Сем-хозяином своего контролера. Вот такие примеры.

- Сем-хозяин непредикативного существительного N₁, выраженный существительным N_{2ген} (в генитивной конструкции N₁ + N_{2ген}) УПРАВЛЯЕТСЯ своим Сем-актантом-контролером, а не согласуется с ним: *деньги отца, сад старика, ...* (Речь идет о "настоящих", т.е. семантически, ПРИТЯЖАТЕЛЬНЫХ выражениях. Подчеркнем, что для указанной трактовки необходимо описывать генитивные формы как имеющие Сем-представление '...принадлежать X-у', т.е., например, *отца* = 'принадлежать отцу', и т.д.) Эта трудность для принципа Кинена отмечена в [7, с. 230—321].

- Существительное N_{2ген} — дополнение при предикативном существительном N₁ (в той же самой конструкции) — может морфологически согласовываться с N₁ по падежу^{I,2}, будучи не Сем-хозяином, а Сем-актантом своего контролера: таковы выражения типа *приход отца* или *имя отца* в древнегрузинском, см. (15). Не является Сем-хозяином своего контролера ни N₁, однородное с N₂ и согласуемое с ним по падежу^{I,1} (см. ниже), ни дополнение N₁, согласуемое с подлежащим N₂ по лицу и числу^{II}/классу² в коахуильтеко/арчинском, см. (17).

Поскольку я стремлюсь к логической универсальности определений, наличие подобных конструкций не позволяет мне свести понятие морфологического согласования к морфологической зависимости Сем-хозяев от их Сем-актантов. Тем не менее, верно следующее:

В большинстве случаев при согласовании контролер является Сем-актантом мишени.

1.2.2.3. Двойное согласование.

Одна и та же словоформа w₁ может согласовываться сразу с двумя контролерами w₂ и w₃ — разумеется, по двум разным категориям C₁ и C₂.

(10) а. В ахвахском языке, равно как и в некоторых других дагестанских языках [59], причастие и прилагательное в роли определения согласуются по классу²⁰ и/или числу^{II} со своим дополнением или "аспектным" обстоятельством²¹ и в то же время — по классу², числу^{II} и/или падежу^{II} со своим определяемым:

²⁰ (Именной) класс¹ — это признак синтактики существительного, а (именной) класс² — это синтаксическая словоизменительная категория прилагательных и глаголов. В примерах (именные) классы обозначаются римскими цифрами.

²¹ Под аспектным обстоятельством понимается обстоятельство, отвечающее на вопрос "в каком аспекте/отношении?".

i. **Roča** *b* + *eXeŋ* + *ida* + *je* **jaše** *eša* + *jani*
 книга-III кл. ЕДНОМ III принести ПРИЧ II.НОМ девушка-II кл. ЕДНОМ ушла

‘Девушка, принеся книгу, ушла’.

ii. **mina** *b* + *aši* + *da* + *we* **ek^wa**
 книга-III кл. ЕДНОМ III белый ПРИЛ I.НОМ человек-I кл. ЕДНОМ

‘белоголовый человек’, букв. ‘головой белый человек’

Ахвахские адъективы имеют, таким образом (как указывает Богуславская [59]), две словоизменительных категории (согласовательного) числа II и две категории согласовательного класса 2. [Эта ситуация логически близка к полиперсональному согласованию глагола: ср. пример (19).]

в. В языке тцотциль [60, с. 223] переходный глагол согласуется в числе II с прямым дополнением и при этом может согласовываться в лице с “обладателем” этого дополнения:

L *+i* *+s* *+k'el* *+be* *+ik* ***j + ch'amaltak*** *li* *Xune*
 ПРОШ IОБ ЗСУБ рассматривать ПЕРМ-3/2 ЗМН IЕД дети АРТ Хуан

‘Хуан рассматривал моих детей’, букв. ‘...рассматривал меня детей’.

[ПЕРМ(утатив)-3/2 маркирует выдвижение косвенного дополнения в позицию прямого].

Двойное согласование соответствует общему свойству морфологической зависимости: возможность нескольких контролеров, см. комментарий 5 к Определению 1.

1.2.2.4. Что может согласовываться с чем?

Будем интерпретировать этот вопрос в терминах частей речи и примем четыре (глубинно-синтаксических, или универсальных) части речи: существительное *N*, глагол *V*, прилагательное *A* и наречие *Adv* (включая в наречия все так называемые “неизменяемые” слова, в том числе — частицы, предлоги/послелogi и союзы). Мой ответ опирается на следующие два замечания:

1) В некоторых случаях речь идет об “отраженном”, или несобственном, согласовании: так, (обстоятельственное) наречие может согласовываться с глаголом по классу 2, но сам глагол получает грамему этого класса 2 от своего подлежащего, так что такое наречие может трактоваться и как согласующееся с подлежащим, см. (23). Я, однако, рассматриваю случаи несобственного согласования как полноценные примеры этого явления.

2) В теории “Смысл ⇔ Текст” поверхностно-синтаксическая структура сочинительных конструкций представляется следующим образом: каждый однородный член считается синтаксически зависимым от предыдущего; самый левый элемент в цепочке однородных членов оказывается вершиной цепочки и представляет ее в ее “внешней” зависимости, синтаксически подчиняясь хозяину всей цепочки. При этом зависимый однородный член признается согласующимся со своим хозяином — по подходящей категории; так, однородные существительные согласуются по падежу I, например:

Mаш + *e*, $\xrightarrow{\text{коорд}}$ *Пет* + *e* $\xrightarrow{\text{коорд}}$ *и (прочим нашим) друзья* + *я.м.*

Отвечая на вопрос, что может согласовываться с чем, я исхожу из известных ФАКТОВ согласования плюс некоторые ситуации, которые я могу легко вообразить, хотя реальных примеров не имею. С учетом сформулированных выше замечаний получается, что из 16 теоретически возможных главных типов согласования (*N* с *N*, *N* с *V*, *N* с *A*, ..., *Adv* с *A*, *Adv* с *Adv*) наличествуют 11; я не

могу предложить достаточно естественные ситуации для следующих пяти случаев: согласование N и V с A, а также N, V и A с Adv²².

Определение 4 построено так, чтобы *a priori* не связывать понятие согласования с теми или иными частями речи. Здесь, разумеется, очевидны сильные корреляции; так, N — это явным образом главный "согласователь", а A и V — наиболее согласуемые элементы. Тем не менее, жесткой логической зависимости, по моему мнению, здесь нет (см. об этом уже в [13, с. 214—215]).

1.2.2.5. "Согласование по смыслу".

Как уже отмечалось (II.2.4.2.1), некоторые лексемы и конструкции могут обуславливать вариантное согласование (что может быть или не быть связано с выражением тех или иных семантических нюансов) — а) дизъюнктивно и б) конъюнктивно.

Дизъюнктивная вариантность

а) В некотором данном контексте контролер w_2 может навязывать мишени w_1 либо граммему $g_{1.1}$, либо граммему $g_{1.2}$. Например:

(11) а. Большинство людей счита + ет/счита + ют, что...

б. На мосту стоял + о/стоял + и пять мальчиков.

Конъюнктивная вариантность

б) В некотором данном контексте контролер w_2 может одновременно навязывать двум разным мишеням $w_{1.1}$ и $w_{1.2}$ две разные грамлемы $g_{1.1}$ и $g_{1.2}$, соответственно:

(12) а. Вы показали + и + сь [МН] <*показал + ∅ + ся> мне весел + ым [ЕД] <*весел + ыми>.

б. Мой + ∅ [МУЖ] зубн + ой [МУЖ] врач сказал + а [ЖЕН] мне, что ...

В (11)—(12), наряду с "обычным" — грамматическим — согласованием, наблюдается так называемое согласование *по смыслу*; граммема g_1 у мишени w_1 выбирается с учетом семантики контролера w_2 или особенностей его референта (реальное количество референтов, реальный пол референта и т.п.²³), а не сугубо грамматических свойств w_2 (грамматическое число, грамматический род1). Выбор нужного варианта согласования может зависеть от большого числа сложных факторов: от типа контролера, от его референтности/определенности, от линейного расположения контролера по отношению к мишени и т.п.; см. обзор и анализ этих факторов в [10, 27]. Хотя согласование по смыслу привлекает

²² Так называемое "согласование времени", наблюдаемое в ряде европейских языков, начиная с латыни, ни в какой мере согласованием не является. В *consecutio temporum* проявляется существование в языке особой словоизменительной категории — "относительное время", с граммами 'одновременность' ~ 'предшествование' ~ 'следствие', причем эти грамлемы выражаются теми же формами, что и абсолютные времена ('настоящее' ~ 'прошедшее' ~ 'будущее'). "Согласование времен" — это крайне неудачный термин, которого следует избегать; выражение "последовательность времен" представляется более приемлемым.

²³ На выбор типа согласования может влиять, например, физическое присутствие/отсутствие референта в месте акта речи. Так, в дари имеет место следующее явление: когда подлежащее в ед. числе обозначает особо уважаемое лицо, то сказуемое должно ставиться во мн. числе, если это лицо присутствует при разговоре, но может быть как во мн., так и в ед. числе, если это лицо отсутствует; согласование по ед. числу в присутствии уважаемого референта подлежащего воспринимается как невежливость [1, с. 29]:

(i) *Wazir-saheb goft + and* [3.МН]... 'Господин министр [присутствующий здесь] сказал ...'

vs

Wazir-saheb goft + and [3.МН]/*goft + ∅* [3.ЕД]... 'Господин министр [отсутствующий здесь] сказал ...'

наибольшее внимание исследователей, с точки зрения задачи этой статьи — построение определения согласования — оно не создает никаких добавочных затруднений. (Однако для определения согласовательного класса1 согласование по смыслу действительно представляет дополнительную сложность и требует особой оговорки: см. комментарий в П.2.4.2.1 к Определению 2.)

1.2.2.6. Примеры согласования.

Большое количество примеров согласования, организованных по СИНТАКСИЧЕСКИМ РОЛЯМ участвующих элементов, содержится в [7, с. 207 и сл.] (см. также табл. в [15, с. 71]); чтобы не повторяться, я приведу здесь несколько банальных и несколько "экзотичных" примеров, группируя их по ЧАСТИ РЕЧИ участвующих элементов.

Напомним, что с поверхностно-синтаксической точки зрения согласование может быть трех типов:

мишень w_1 и контролер w_2 ПСинт-связаны: *контактное* согласование; в частности: либо мишень w_1 ПСинт-зависит от контролера w_2 : *восходящее* согласование, либо контролер w_2 ПСинт-зависит от мишени w_1 : *нисходящее* согласование (термины заимствованы из [16]: upward/downward agreement);

мишень w_1 и контролер w_2 поверхностно-синтаксически вообще не связаны: *дистактное* согласование.

Согласование А и V с N

- (13) В русском языке А согласуется с N-контролером (= с определяемым N) по числуII и падежуII, а в ед. числе — по роду2 (восходящее согласование); глагол согласуется с N-контролером (= с подлежащим) не в прошедшем времени — по лицу и числуII, а в прошедшем времени — по числуII, и в ед. числе — еще и по роду2 (нисходящее согласование):

Молод + ой	человек + ∅	вошел + ∅	в
МУЖ.ЕДНОМ	(МУЖ) ЕДНОМ	ЕД.МУЖ	
чист + ый	дом + ∅		
МУЖ.ЕДАКК	(МУЖ) ЕДАКК		
чист + ую	комнат + у		
ЖЕН.ЕДАКК	(ЖЕН) ЕДАКК		
чист + ое	жилиц + е		
СР.ЕДАКК	(СР) ЕДАКК		
чист + ые	поко + и		
МН.АКК	(МУЖ) МН.АКК		
устал + ый,	но доволен + ый.		
	МУЖ.ЕДНОМ	МУЖ.ЕДНОМ	
Молод + ая	девушк + а	вошл + а	в
ЖЕН.ЕДНОМ	(ЖЕН) ЕДНОМ	ЕД.ЖЕН	
чист + ый	дом + ∅		
МУЖ.ЕДАКК	(МУЖ) ЕДАКК		
чист + ую	комнат + у		
ЖЕН.ЕДАКК	(ЖЕН) ЕДАКК		
чист + ое	жилиц + е		
СР.ЕДАКК	(СР) ЕДАКК		

<i>чист + ые</i>	поко + и	
МН.АКК	(МУЖ)	МН.АКК
<i>устал + ая,</i>		<i>но довольтн + ая.</i>
	ЖЕН.ЕД.НОМ	ЖЕН.ЕД.НОМ
<i>Молод + ое</i>	животн + ое	<i>вошл + о</i>
СР.ЕД.НОМ	(СР)	ЕД.НОМ
<i>чист + ый</i>	дом + ∅	
МУЖ.ЕД.АКК	(МУЖ)	ЕД.АКК
<i>чист + ую</i>	комнат + у	
ЖЕН.ЕД.АКК	(ЖЕН)	ЕД.АКК
<i>чист + ое</i>	жилиц + е	
СР.ЕД.АКК	(СР)	ЕД.АКК
<i>чист + ые</i>	поко + и	
МН.АКК	(МУЖ)	МН.АКК
<i>устал + ое,</i>		<i>но довольтн + ое.</i>
	СР.ЕД.НОМ	СР.ЕД.НОМ
<i>Молод + ые</i>	$\left. \begin{array}{l} \text{люд} + и \\ \text{девушк} + и \\ \text{животн} + ые \end{array} \right\}$	<i>вошл + и</i>
		<i>в</i>
	МН.НОМ	МН
<i>чист + ый</i>	дом + ∅	
МУЖ.ЕД.АКК	(МУЖ)	ЕД.АКК
<i>чист + ую</i>	комнат + у	
ЖЕН.ЕД.АКК	(ЖЕН)	ЕД.АКК
<i>чист + ое</i>	жилиц + е	
СР.ЕД.АКК	(СР)	ЕД.АКК
<i>чист + ые</i>	поко + и	
МН.АКК	(МУЖ)	МН.АКК
<i>устал + ые,</i>		<i>но довольтн + ые</i>
	МН.НОМ	МН.НОМ

(14) В языке киконго (банту) А и V согласуются с N-контролером (= с определяемым и, соответственно, с подлежащим) по (именному) классу²; в случае подлежащего 1-го или 2-го лица V согласуется с подлежащим по лицу и числу^{II}. Существительное N₁, зависящее от другого существительного N₂ (≈ "генитивная конструкция"), также согласуется с N₂ по именному классу², так что N₁ получает два классных показателя — один свой (= класс1, признак синтактики), а другой — от N₂ (= класс2, словоизменительная категория); N₁ "передает" их оба своим прилагательным — которые, таким образом, имеют в киконго тоже две разных словоизменительных категории класса² [наподобие ахвахских прилагательных, ср. (10)]:

а.	Ми + нту	<i>ти + ндомби</i>	<i>а + бwidи</i>	'Черный человек упал'.
	I человек	I черный	I упал	

Ba + ntu *ba + ndombi* *ba + bwidi* ‘Черные люди упали’.

II человек II черный II упал

Ki + nkutu *ki + ndombi* *ki + bwidi* ‘Черная одежда упала’.

VII одежда VII черный VII упал

Bi + nkutu *bi + ndombi* *bi + bwidi* ‘Черные одежды упали’.

VIII одежда VIII черный VIII упал

b. **Ki + nkutu** *ki + ndombi* *ki + mu + ntu* *ki + mu + ndombi* *ki + bwidi*

VII одежда VII черный VII I человек VII I черный VII упал
 ‘Черная одежда черного человека упала’.

Bi + nkutu *bi + ndombi* *bi + mu + ntu* *bi + mu + ndombi* *bi + bwidi*

VIII одежда VIII черный VIII I человек VIII I черный VIII упал
 ‘Черные одежды черного человека упали’.

Ki + nkutu *ki + ndombi* *ki + ba + ntu* *ki + ba + ndombi* *ki + bwidi*

VII одежда VII черный VII II человек VII II черный VII упал
 ‘Черная одежда черных людей упала’.

Bi + nkutu *bi + ndombi* *bi + ba + ntu* *bi + ba ndombi* *bi + bwidi*

VIII одежда VIII черный VIII II человек VIII II черный VIII упал
 ‘Черные одежды черных людей упали’.

(Мн. число существительного N выражается в киконго, как и во многих других языках банту, переводом N в другой именной класс I, т.е. классной конверсией; ср. [52].)

Явление, наблюдаемое в (14b), а именно — согласование существительного N₁ с N₂ по именному классу 2, должно было бы рассматриваться ниже, в разделе ‘Согласование определяющего N₁ с определяемым N₂’.

Согласование глагола с глаголом (в сочинительной конструкции)

Зависимый глагол в конструкции V₂ ^{коорд} → V₁ (‘поет, пляшет’) согласуется со своим хозяином в лице и числе II или в числе II и роде 2. (Здесь существенным образом использовано представление сочинительных конструкций в теории ‘Смысл ↔ Текст’, см. выше.)

Согласование определяющего N₁ с определяемым N₂

(15) В древнегрузинском языке существительное N₁, синтаксически зависящее от другого существительного N₂, управляется этим последним по падежу I.1 (N₁ получает генитив), но в то же время N₁ согласуется с N₂ по падежу I.2, т.е. N₁ имеет два падежных суффикса: генитивный + суффикс того падежа I.1, в котором стоит само N₂²⁴. (О различении у существительного двух падежных категорий — управляемый падеж ~ согласуемый падеж — см. [49, с. 68—70].)

neb + ∅ + ita *ymrt + ∅ + isa + jta* ‘волей Бога’

воля ЕД ИНСТР Бог ЕД ГЕН ИНСТР

²⁴ В действительности, правила согласования зависимого существительного по падежу I.2 со своим хозяином-существительным в древнегрузинском весьма сложны; см. подробнее [62, с. 231—235].

mama + Ø + **man**

хеса + *ia* + *man*

‘отец небес’

отец ЕД ЭРГ небо МН.ГЕН ЭРГ

dye + **ta**

Herode mer + Ø + *isa* + *ta*

‘дней царя Ирода’

день МН.ГЕН Ирод царь ЕД ГЕН МН.ГЕН

Согласование N-дополнения с V

(16) В языке каярдильд (Австралия) все дополнения согласуются по времени/наклонению с глаголом ([63, с. 221—222]; я слегка изменил интерпретацию примеров):

danga + *a bargi* + *ɟa tuŋal* + Ø + *i nara* + *ŋuni* + *u*
мужчина НОМ резать НЕБУД дерево АКК НЕ-БУД нож INSTR НЕ-БУД
‘Мужчина только что разрезал/ разрезает дерево ножом’.

vs.

danga + *a bargi* + *ɟu tuŋal* + Ø + *u nara* + *ŋuni* + *wu*

мужчина НОМ резать БУД дерево АКК БУД нож INSTR БУД
‘Мужчина разрежет дерево ножом’.

vs.

danga + *a bargi* + *ɟara tuŋal* + Ø + *ina nara* + *ŋuni* + *na*
мужчина НОМ резать ПРОШ дерево АКК ПРОШ нож INSTR ПРОШ
‘Мужчина (давно) разрезал дерево ножом’.

Отметим, что семантическое содержание граммем именного времени/наклонения не полностью совпадает с содержанием глагольных граммем времени/наклонения; это, однако, несущественно для нашего изложения.

Согласование N₁-дополнения с N₂-подлежащим (примеры дистактного согласования)

(17) а. В (мертвом) мексиканском языке коахуильтеко существительное N₁, являющееся дополнением к глаголу, согласуется в лице с подлежащим N₂ этого глагола [64]:

i. *Dios tupo* + Ø *mak* + *pa* + *kʷāsim*
Бог АРТ НОМ ЗСУБ-2ОБ СУБЪЮН простить
‘...[чтобы] БОГ тебя/вас простил’.

ii. **Cin** *Dios tupō* + *n na* + *kāwa xo*
Я Бог АРТ АКК.1 1ЕД любить ВСПОМ
‘Я люблю Бога’.

iii. *Dios tupō* + *m xa* + *kāwa xo*
Бог АРТ АКК.2 любить ВСПОМ
‘Ты/вы любите/-те Бога’.

iv. *Dios tupō* + *t a* + *pa* + *kʷacēy*
Бог АРТ АКК.3 СУБЪЮН молиться.МН
‘...[чтобы] они молились Богу [букв. ‘умоляли Бога’]’.

Как легко видеть, в коахуильтеко суффикс аккузатива при дополнении кумулятивно выражает и лицо подлежащего: ср. также ниже, пример (22). Во фразах (17-i), (17-iii) и (17-iv) имеют место так называемые "скрытые контролеры": местоимения, опущенные в ПСинтС.

- б. В арчинском языке (равно, как и в других дагестанских языках) при определенных глаголах косвенное дополнение согласуется по классу2 с подлежащим:

W + ez dija k'an, букв. 'Мне отец люб'.

I я.ДАТ отец-I кл. люб.

'Я люблю отца'.

vs.

D + ez buwa k'an, букв. 'Мне мать любя'.

II я.ДАТ мать-II кл. люб

'Я люблю мать'.

Согласование N по падежуI с относительным местоимением и наоборот
("падежная аттракция"; [16, с. 279])

- (18) В древнегреческом языке возможно согласование по падежуI между некоторым N и словоформой "который" в придаточном определительном к этому N; такое согласование может происходить в обе стороны, т.е. либо "который" согласуется с N, либо N согласуется с "который":

i. *prò t + òn* kak + òn *h + òn oida*
вместо АРТ МН.ГЕН злодеяние МН.ГЕН который МН.ГЕН знаю
'вместо злодеяний, которые [букв. *которых*] я знаю' [*hòn* должно было бы быть в аккузативе, каковым управляет глагол *oida*].

ii. *Élegon hótì Lakedaímónioi* h + òn *déontai*
говорить.ПРОШ.ЗМН что лакедемоняне который МН.ГЕН требовать.НАСТ.ЗМН
pant + òn pepřagótes eien
все МН.ГЕН получившие были

'Говорили, что лакедемоняне получили все, чего [букв. *всего, которого*] требовали' [*panton* должно было бы быть в аккузативе, каковым управляет глагол *prássō* 'получать, достигать'].

Согласование V с актангами-N (примеры нисходящего согласования)

- (19) В ряде языков существует так называемое полиперсональное согласование глагола — по лицу, числуII и/или классу2 — с его актангами, т.е. не только с подлежащим, как во многих индоевропейских языках, но и с прямым дополнением (би-персональные глаголы), а также с косвенным дополнением (три-персональные глаголы). Ср.:

- а. Чукотский язык

глагол L У 'видеть' (би-персональный) в аористе индикатива
подлежащее прямое

дополнение
γət *tə + lʃu + γət* 'Я тебя увидел'
ты 1ЕД 2ЕД

'я'	γəmnan	ətri	tə +	Isu +	net	'Я их увидел'
		они	1ЕД			3МН
'ты'	γənan	γətm	ine +	Isu +	γət	'Ты меня увидел'; я
1ЕД	2ЕД;	ətri	∅ +	Isu +	net	'Ты их увидел' они 2ЕД
		γətm	ne +	Isu +	γətm	'Они меня увидели'
		я		3МН		1ЕД
'они'	əryənan	γət	ne +	Isu +	γət	'Они тебя увидели'
		ты		3МН		2ЕД
		ətri	ne +	Isu +	net	'Они их увидели'
		они		3МН		3МН

В чукотском языке подлежащее переходного глагола стоит в инструментальсе, а прямое дополнение — а номинативе (эргативная конструкция).

В. Абхазский язык

глагол ТЕ- 'дать' (три-персональный) в аористе индикатива

подлежащее	прямое дополнение	косвенное дополнение
wara	i + u + s + te + it'	ТЫ-МУЖ 'Это тебе [мужчине] я дал'
sara	jara	bara i + b(ə) + s + te + it'
'я'	'ЭТО [предм.]'	ТЫ-ЖЕН 'Это тебе [женщине] я дал'
		dara i + r(ə) + s + te + it'
		они 'Это им я дал'
		sara i + s(ə) + b + te + it'
		я 'Это мне ты дала'
bara	jara	dara i + r(ə) + b + te + it'
'ТЫ-ЖЕН'	'ЭТО [предм.]'	они 'Это им ты дала'
		sara i + s(ə) + r + te + it'
		я 'Это мне они дали'
dara	jara	wara i + u + r + te + it'
'они'	'ЭТО [предм.]'	ТЫ-МУЖ 'Это тебе [мужчине] они дали'
		dara i + r(ə) + r + te + it'
		они 'Это им они дали'

В абхазском языке субстантивы, включая местоимения, не имеют падежей¹, и синтаксические роли актантов глагола выражаются только позицией соответствующих лично-числовых префиксов (преф. Прямого Доп. + преф. Косв. Доп. + преф. Подл.)²⁵.

²⁵ В связи с полиперсональными глаголами встает следующая проблема. При полиперсональном глаголе в ряде языков, как правило, актанты-местоимения в тексте не появляются (кроме случаев эмфазы); с чем же тогда согласуется глагол, если ни подлежащего, ни дополнений в тексте реально нет? Так, с чем согласуется аютторская форма $i + uvvat + dəkəni + γət$ 'я-целую-тебя', если она составляет полное предложение и никаких эксплицитных местоименных актантов не предполагает? Не правильнее было бы видеть здесь что-то вроде конгруэнтности, выражающей подобие анафорических отношений, а не согласование? Я полагаю, что здесь все-таки имеет место самое обычное согласование — с актантами, непременно присутствующими в синтаксической структуре фразы, но элидируемыми на морфологической поверхности (т.е. в глубинно-морфологической структуре фразы). Подобная ситуация широко распространена в самых разных языках и вовсе не

Согласование A₁ с определяемым A₂

(20) а. В русском языке некоторые "местоименные" прилагательные согласуются в роде₂, числе_{II} и падеже_{II} с прилагательным, от которого зависят синтаксически:

сам + **ый** умный, сам + **ого** умного, ..., сам + **ую** умную, ...,

сам + **ыми** умными, ...

как + **ой** умной, как + **ого** умного, ..., как + **ую** умную, ...,

как + **ими** умными, ...

б. Во французском языке прилагательное TOUT 'весь' согласуется в роде₂ с прилагательным, от которого зависит синтаксически:

tout + ∅ mouillé ~ tout + e mouillée

мокрый.ЕД, МУЖ ЕД, ЖЕН

tout + ∅ mouillés ~ tout + e mouillées

МН, МУЖ МН, ЖЕН

Согласование Adv с N (дистактное согласование)

(21) В языке даланди (Западная Австралия) обстоятельственное наречие согласуется в падеже_{II} с подлежащим:

а. jinta + lu *ɟara* + n *taʔi* + lu! 'Накрой (его) быстро!'

ты ЭРГ накрыть ИМПЕР быстро ЭРГ

vs.

jinta + ∅ *paɾakari + j* *taʔi* + ∅! 'Иди (сюда) быстро!'

ты НОМ прийти ИМПЕР быстро НОМ

Аналогичным образом, N в некотором местном падеже_{I.1} (= в локативе, аблативе или аллативе) получает второй падежный суффикс (= падеж_{I.2}), согласуясь с подлежащим:

является чем-то специфичным для полиперсонального спряжения. Так, местоименное подлежащее обычное опускается в испанском и итальянском, из славянских языков — в польском; почти всегда опускается подлежащее императива; и т.д. Это, однако, не мешает видеть здесь согласование (в [12, с. 1007] вводится специальный термин для согласовательных контролеров, отсутствующих в тексте: 'reluctant' controllers, что я предлагаю переводить как *скрытые контролеры*).

Два специальных случая наличия скрытых контролеров заслуживают упоминания.

В испанском языке глагол-сказуемое может согласовываться с подлежащим-местоимением, выступающим только в глубинно-синтаксической структуре (ГСинтС) фразы, но не присутствующим в ее поверхностно-синтаксической структуре (ПСинтС):

(i) *Los médicos lo entendemos* [1МН] *muy bien*
'Мы, врачи, это хорошо понимаем',
букв. 'Врачи это хорошо понимаем'.

Здесь глагол получает лично-числовые граммы от ГСинт-подлежащего NOSOTROS 'мы', имеющего приложение MÉDICOS 'врачи', при переходе от ГСинтС к ПСинтС, когда группа NOSOTROS → MÉDICOS реализуется как MÉDICOS.

В лужицком языке лично-притяжательное местоименное прилагательное согласуется — в ГСинтС — в роде, числе_{II} и падеже_{II} с существительным — именем обладателя, которое затем — в ПСинтС — реализуется как притяжательное прилагательное:

(ii) *našeho wučerjowa zahrodka*
'сад нашего учителя', букв. 'нашего учительский сад'.

b. ɲu + lu *ɲaku + win* *ɲariɲu + ɲa* *puwala + paɲti + lu*
 он ЭРГ видеть ПРЕЗ мы-ИНКЛ АКК холм АБЛ ЭРГ
 'Он видит нас с холма'.

(22) В языке коахуйльтеко [см. (17)] наречие, в том числе — наречие-коннектор ("и тогда", "и таким образом") может согласовываться в лице с подлежащим:

Me + n cin *pituk^wāhā san nā ni + ka + mālkūyta*
 и 1 я тогда БУД 1 1СУБ 2ОБ исповедывать

'И тогда я тебя/вас исповедую'.

Me + m *xa + pa + māś santupāyo*

и 2 2 СУБ'ЮН видеть так

'И так, чтобы ты/вы увидел/и'.

Me + x *Dios ta + Ø axtikpi* } *pa*

и 3 Бог АРТ НОМ три 3СУБ.быть

'И [они] суть три Бога'.

Несобственное согласование Adv с V

(23) В аварском языке некоторые локативные наречия согласуются по классу2 с глаголом (от которого они синтаксически зависят); глагол же получает этот класс2 от своего подлежащего. Таким образом, здесь мы имеем "отраженное" (= несобственное) согласование²⁶:

Hani + v *vas* v + ugo 'Здесь есть мальчик'.
 здесь I мальчик-I I быть-ПРЕЗ

Hani + j *jas* j + ugo 'Здесь есть девочка'.
 здесь II девочка-II II быть-ПРЕЗ

Hani + b *ču /rosu* b + ugo 'Здесь есть лошадь/аул'.
 здесь III лошадь-III/аул-III III быть-ПРЕЗ

Hani + r *vas + all'jas + all'ču + jall'ros + abi* r + ugo
 здесь IV МН IV быть-ПРЕЗ

'Здесь есть мальчики/девочки/лошади/аулы'.

[В аварском языке все существительные во мн. числе принадлежат к классу1 IV.]
 Таким же может быть согласование Adv с A.

Собственное согласование Adv с V

(24) а. В языке сери (Мексика) частица, маркирующая придаточное предложение и указывающая, будет ли в главном предложении то же подлежащее, что и в данном придаточном, или другое (синкатегорематичность; англ. switch-reference), согласуется по времени с глаголом своего придаточного, т.е. выражает соответствующие грамеммы [65]:

Po + koo *ta,* *in + sū + ??it + a?a*
 БУД быть.весь ДРУГОЕ.ПОДЛ.БУД 2СУБ БУД есть{БД} ИНД

²⁶ Чисто логически, ничто не мешает усматривать в (23) согласование Adv непосредственно с подлежащим. Я не знаю, как обстоит дело в действительности, т.е. могут ли в аварском языке Adv согласовываться с N БЕЗ ПОСРЕДСТВА V, и т.п. Во всяком случае, пример (23) сохраняет свою иллюстративную ценность; к тому же правило согласования Adv с V проще правила согласования Adv с N, ибо это последнее должно еще отыскивать N-подлежащее. Ср. краткое обсуждение подобных случаев в [15, с. 74, примеч. 2].

‘Они будучи [в будущем] все, ты их съешь’ = ‘Ты съешь их всех’.

$T + k\acute{o}o$ *ma*, $i + m\acute{i} + itolka$

ПРОШ быть.весь ДРУГОЕ.ПОДЛ.ПРОШ ЗОБ ПЕРФ есть[МН]

‘Оно будучи [в прошлом] все, они его съели’ = ‘Они съели все это’.

б. В малагасийском языке локативные дополнения согласуются по времени с глаголом:

$N + andeha$ *t* + *any* *Antsirabe* *Rabe*

ПРОШ идти ПРОШ туда Анцирабе Рабе

‘Р. пошел в А.’.

Мне неизвестны реальные примеры согласования А с V (скажем, со связкой); логически, однако, это могло бы быть согласование по времени или по виду²⁷.

IV

УПРАВЛЕНИЕ

1. Понятие управления.

1.2. Определение 5: управление.

Будем говорить, что в высказывании E словоформа w_1 , морфологически зависящая от словоформы w_2 по словоизменительной категории C_1 , *управляется* словоформой w_2 \Leftarrow словоформа w_2 *управляет* словоформой w_1 по этой категории, если выполняется одно из двух следующих условий:

1) либо граммема $g_1 \in 'w_1' \mid g_1 \in C_1$ выбирается в зависимости от значения γ_2 некоторого признака синтактики Σ_2 словоформы w_2 , причем Σ_2 не является ни согласовательным классом¹, ни лицом, ни (местоименным) числом;

2) либо граммема $g_1 \in 'w_1' \mid g_1 \in C_1$ выбирается в зависимости от грамлемы $g_2 \in 'w_2' \mid g_2 \in C_2$ — такой, что $C_1 \neq C_2$ и C_1 не сопряжена с C_2 .

1.2. Комментарии к Определению 5.

1.2.1. Комментарии к условиям.

1.2.1.1. Условия 1 и 2 в Определении 5 представляют собой отрицание основных условий согласования. Однако из-за существования конгруэнтности невозможно определить управление просто как “морфологическую зависимость, не являющуюся согласованием”: пришлось бы говорить “не являющаяся ни согласованием, ни конгруэнтностью”. В таком случае кажется предпочтительным выписать определяющие условия в явном виде.

1.2.1.2. *Управление признаком синтактики.* Чтобы Определение 5 покрывало экзотические примеры типа (1b-e), в него необходимо добавить, подобно Определению 4, упоминание признаков синтактики: “ w_1 , морфологически зависящая от w_2 по признаку синтактики Σ_1 , *управляется* словоформой w_2 по признаку синтактики Σ_1 , если выбор значения γ_1 признака синтактики $\Sigma_1(w_1)$ зависит от значения некоторого признака синтактики $\Sigma_2(w_2)$, причем $\Sigma_2 \neq \Sigma_1$ ”.

²⁷ Lehmann [7, с. 229] предлагает следующее остроумное объяснение того факта, что теоретически возможное согласование актантов с глаголом практически в языках не наблюдается: главная задача согласования — показывать, что относится к чему, “собирать” рассыпанные по фразе группы существительных; однако личный глагол в каждом простом предложении всего один, так что специально маркировать относящиеся к нему актанты нет необходимости: они все равно не могут относиться ни к чему другому. (В действительности дело обстоит намного сложнее: в одном простом предложении могут оказаться — и часто оказываются — многочисленные предикатные имена, так что актанты тоже вполне могут перепутываться.)

Однако и здесь корректная формулировка уточнения ведет к чрезмерному усложнению Определения 5 и также, по-видимому, требует расщепления его на два более частных определения: управление некоторой словоизменительной категорией vs. управление некоторым признаком синтактики. Как и в случае Определения 4, я ограничусь настоящей оговоркой.

1.2.2. Комментарии, касающиеся самой зависимости.

1.2.2.1. Управление и семантические актанты.

В языках с падежами I глагол морфологически управляет всеми своими Сем-актантами (= подлежащим и дополнениями): их словоизменительная форма, а именно, для N — падеж I, а для V — инфинитив/герундий/масдар, зависит от соответствующих признаков синтактики глагола-контролера, т.е. от его модели управления; совершенно аналогично управляют падежом I/инфинитивом своих Сем-актантов N и A. Предлог также управляет своим зависимым по падежу I, а такой союз, как ЧТОБЫ, — глаголом, который он вводит, по наклонению. В русском языке Num (в номинативе и неодушевленном accusative) управляет падежом I исчисляемого N (конкретно говоря, генитивом) и его числом I ("малые" Num — от ОДИН до ЧЕТЫРЕ — требуют единственного числа, остальные Num — множественного). Во всех этих случаях, как нетрудно видеть, контролер морфологически управляет своим СЕМАНТИЧЕСКИМ АКТАНТОМ. Аналогично согласованию, встает вопрос, нельзя ли определить управление через понятие Сем-актанта, а именно, сказать, что морфологическая зависимость $w_1 \xrightarrow{\text{морф/С}_1} w_2$ есть управление в том и только в том случае,

когда 'w₁' есть семантический актанта 'w₂', т.е. когда $w_1 \xleftarrow{\text{ссм}} w_2$. Как и при согласовании, в большинстве случаев это так. Однако тут тоже есть противоречащие примеры: с одной стороны, конструкции, где Сем-актанта морфологически зависит от своего Сем-хозяина, но не управляется им, а с другой стороны, конструкции, где морфологически управляемый элемент не является Сем-актантом своего контролера. Вот такие примеры.

• Сем-актанта, выраженный прилагательным при Сем-хозяине N, СОГЛАСУЕТСЯ со своим контролером, а не управляется им: *американская помощь, мамина любовь, машинный анализ, парагвайско-уругвайская война, ...* Можно также вообразить себе язык, где Сем-актанты глагола согласуются с ним по времени или по глагольному классу (стативные ~ динамические, волеуказательные ~ произвольные и т.п. глаголы); ср. примеры (16) и (23b): согласование Сем-актантом глагола с глаголом по времени.

• N-несогласованное определение при другом N квазиморфологически управляется (по падежу I), не будучи Сем-актантом своего контролера: *женщина [редкого] обаяния, путешествие длиной [в год], ...* Подобная ситуация преобладает в языках с так называемой "изафетной" конструкцией, в которой синтаксически зависимый элемент квазиморфологически управляет главным: венг. *a diak* $\xrightarrow{\text{снтг}}$ *könyv* + e, букв. 'АРТ.ОПР студент книга-принадлежащая...' = 'книга студента'; здесь синтаксическая вершина словосочетания — словоформа *könyve* — квазиморфологически управляется по категории принадлежности словоформой *diak*, тогда как семантически (и синтаксически) *diak* зависит от *könyve*.

Наличие подобных конструкций не позволяет свести понятие морфологического управления к морфологической зависимости Сем-актантов от их Сем-хозяев. Тем не менее, верно следующее:

|| В большинстве случаев при управлении контролер является Сем-хозяином мишени.

1.2.2.2. Двойное управление.

Аналогично согласованию, управление тоже может быть двойным: одна и та же словоформа w_1 может управляться сразу двумя контролерами w_2 и w_3 — разумеется, по двум разным категориям C_1 и C_2 . Примеры такого управления весьма редки, но возможны; так обстоит, например, дело с группой "числительное + существительное" в тюркских языках: если такая группа выступает как дополнение при глаголе, то падеж I у N управляется глаголом, а его число I (единственное) — числительным.

1.2.2.3. Трехзначность термина "управление".

В лингвистической литературе распространены и два других понимания термина *управление*.

Во-первых, говорится, что глагол (или некоторая другая лексема) управляет предложением, как во франц. *INSISTER sur* 'настаивать на', *S'APPROCHER de* 'приближаться к [букв. 'от']', *DEMANDER à* 'спрашивать у [букв. 'кому']'; или что во фразе *Свет решил, что он умен и очень мил* "глагол *решил* управляет предложением" [1, с. 177] и т.д. В таком словоупотреблении, однако, представлено совсем другое понятие: в подобных примерах мы имеем дело с выбором не грамеммы, а лексемы — служебной, пустой лексемы, но все же лексемы. Таким образом, тут вообще речь идет не о МОРФОЛОГИЧЕСКОМ управлении, т.е. об управлении¹, а о частном случае СИНТАГМАТИЧЕСКОГО СООТВЕТСТВИЯ между лексемами на синтаксическом уровне, о чем говорилось выше: это особое лексемное соответствие, каковое следует называть (если уж сохранять принятый термин) управление²; здесь управление² нас интересовать не должно.

Во-вторых, говорится, что, например, в *Он прошел километр/ Он проспал час* глагол управляет существительным *километр/ час*, а в *Он шел километр/ Он спал час* — нет. Здесь представлено еще одно важное понятие — управление³; оно противопоставляется не согласованию, а примыканию (см. ниже) и связано с различием актантов и сирконстантов, т.е. с семантикой и глубинным синтаксисом. В отличие от управления¹ и управления², которые суть различные случаи синтагматического соответствия (морфологическое ~ лексемное), управление³ действительно является частным случаем ПСинт-зависимости. Естественно, что и управление³ в этой статье не обсуждается.

Управление³ универсально теоретически: по своей природе оно должно быть в любом языке. Управление², скорее всего, универсально практически: логически язык мог бы и обойтись без него, но из-за психологических причин его имеют, по видимому, все языки. Управление¹ (как и согласование!) заведомо неуниверсально: его не может быть в изолирующих языках, где вообще нет морфологических зависимостей.

Поскольку в литературе логическое смешение всех трех указанных понятий весьма распространено²⁸, я считаю необходимым обратить особое внимание на их принципиальное различие.

1.2.2.4. Что может морфологически управляться чем?

Интерпретируя этот вопрос так же, как и для согласования, и используя те же четыре глубинно-синтаксические части речи — N, V, A и Adv, мы получим несколько иную картину: из 16 теоретически мыслимых типов управления представляются возможными только 9. А именно, тогда как N и V могут морфологически управляться всеми четырьмя частями речи, A морфологически управля-

²⁸ Необходимость отличать морфологическое управление от синтаксического (= наше управление 3) была отмечена в [16, с. 285, примеч 3].

ется, по-видимому, только глаголом, а наречие вообще не может быть морфологически управляемым²⁹.

1.2.2.5. Примеры управления.

(25) В русском языке хорошо представлены практически все типы управления.

- a. V $\xrightarrow{\text{управ/пад.}}$ N: (i) Иван + \emptyset обучает дет + ей географ + ии
ЕДНОМ МН.АКК ЕДДАТ
 Н + ам не хватает опыт + а.
ДАТ ЕДГЕН
- (ii) Управление со стороны граммы инфинитива
 Иван + у еще работать ; Иван + у не справить
ЕДДАТ ЕДДАТ
- b. V $\xrightarrow{\text{управ/инф.}}$ V: Иван + \emptyset старается молча + ть
ИНФ.
- c. V $\xrightarrow{\text{управ/пад.}}$ A: Иван + \emptyset нашел Маш + у здоров + ой
ЖЕН.ЕДИНСТР
 Маш + а знала Иван + а молод + ым
МУЖ.ЕДИНСТР
- d. N $\xrightarrow{\text{управ/пад.}}$ N: обучение Иван + ом дет + ей географ + ии
ЕД.ИНСТР. МН.ГЕН. ЕДДАТ
нехватка опыт + а
ЕД.ГЕН
- e. N $\xrightarrow{\text{управ/инф.}}$ V: его желание молча + ть
ИНФ
- f. A $\xrightarrow{\text{управ/пад.}}$ N: (i) равная Иван + у занятые Иван + ом
ЕДДАТ ЕДИНСТР
- (ii) Управление со стороны компаратива
умнее Иван + а, сильнее мен + я
ЕДГЕН ГЕН
- g. A $\xrightarrow{\text{управ/число}}$ N: Управление со стороны числительного
две кровать + и четыре дерев + а,
ЕДГЕН ЕДГЕН

²⁹ Случаи "управления наречием", цитируемые в [6, с. 183—184], — такие, как, например, *происходит оттуда; отсюда следует, что ...; плохо обращаться* (см. еще ранее в [1, с. 177]) — учитываться нами не должны, ибо это НЕ МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ управление. Такие наречия являются семантическими актантами соответствующих лексем, т.е. управляются ими совсем не в том смысле, который интересует нас здесь: это уже упомянутое выше "управлениеЗ", IV.1.2.2.3. — Неспособность наречия морфологически управляться является, возможно, одним из его определяющих свойств как особой части речи. В самом деле, наречие нельзя считать в принципе неизменяемым: у качественных наречий бывают степени сравнения (— *Говори громч + о/ громч + е/ по + громч + е*); в ряде языков наречия согласуются с глаголом или с его актантами по классу², падежу¹ или по времени. Могут согласовываться со своим N даже предлоги/послеслоги. Но вот управляться — в смысле морфологического управления¹ — наречия не могут.

сто двадцать одни студент + Ø, пятьдесят одной книг + е
 ЕД.НОМ ЕД.ДАТ

h. N $\xrightarrow{\text{управ/инф.}}$ V: готовый молча + ть
 ИНФ

i. Adv $\xrightarrow{\text{управ/пад.}}$ N: Управление со стороны предлога

к дом + у, о дом + е
 ЕД.ДАТ ЕД.ПРЕПОЗ

j. Adv $\xrightarrow{\text{управ/накл.}}$ N: Управление со стороны союза

чтобы он придет + л + Ø
 ПРОШ

(26) а. В алжирском языке модальные наречия-предикативы типа АКТЭКА 'невозможно' управляют императивом зависящего от них глагола:

Akt əka тә + lqut + ək 'Я не могу встать'.
 невозможно 1ЕД.СУБ.ИМПЕР встать 1ЕД.СУБ.ИМПЕР

б. В венгерском языке союз HOGY 'что/чтобы' при глаголах волеизъявления также управляет императивом зависящего глагола:

Azt akarta, hogy lassan jár + j
 то он-хотел чтобы медленно идти 2ЕД.ИМПЕР

'Он хотел, чтобы ты шел медленно'.

(27) В грузинском языке переходный глагол управляет падежом I подлежащего; более точно, этот падеж зависит от времени глагола: при глаголе в презенсе или имперфекте подлежащее получает номинатив, при глаголе в аористе — эргатив, а при глаголе в перфекте — датив. См. (8).

V

КОНГРУЭНТНОСТЬ

1. Понятие конгруэнтности.

1.1. Определение 6: конгруэнтность.

Будем говорить, что в высказывании **E** словоформа w_1 , морфологически зависящая от словоформы w_2 по словоизменительной категории C_1 , **конгруэнтна** словоформе w_2 <= находится в отношении конгруэнтности со словоформой w_2 > по этой категории, если словоформа w_1 является местоимением-заместителем, замещающим некоторое вхождение w_2 в **E**.

1.2. Комментарии к Определению 6.

1.2.1. Конгруэнтность ~ согласование.

Традиционно противопоставлять конгруэнтность и согласование не принято; оба явления обычно рассматриваются вместе под именем согласования. Тем не менее, эти два типа морфологической зависимости имеют достаточно много различий, что объясняется в первую очередь различиями их синтаксических функций: согласование (в смысле Определения 4) служит для маркировки

СИНТАКСИЧЕСКИХ зависимостей, прямых или косвенных, — в пределах предложения, тогда как конгруэнтность маркирует АНАФОРИЧЕСКИЕ отношения в пределах целого текста. Различия между согласованием и конгруэнтностью можно подытожить следующим образом:

• Семантические различия: согласование — по крайней мере прототипически — касается Сем-хозяев, конгруэнтность же — опять-таки прототипически — внеположна отношению семантической зависимости.

• Синтаксические различия: при согласовании обе словоформы w_1 и w_2 всегда находятся (= "соприсутствуют") в одном предложении³⁰, при конгруэнтности же w_1 и w_2 обычно не находятся в одном предложении.

• Морфологические различия:

а) При согласовании словоформа w_1 согласуется с w_2 "по смыслу" гораздо реже, чем при конгруэнтности (для которой согласование "по смыслу" особенно характерно: см. [10, с. 28, Fig. 2.1, 60—64].

б) При согласовании и при конгруэнтности мишени могут по-разному реагировать на одного и того же контролера. Так, в польском языке согласование (прилагательных и глаголов с существительным) различает N лично-мужского рода и все прочие N, тогда как конгруэнтность (местоимения-заместителя) мужские и не мужские N:

'хороший'	<i>dobrz + y</i>		<i>dobr + e</i>		
	<i>Polac + y</i>	<i>ps + y</i>	<i>dom + y</i>	<i>okn + a</i>	<i>ulic + y</i>
	Поляки	собаки	домá	окна	улицы
	(МУЖЛИЧН)	(МУЖ.ОДУШ)	(МУЖ.НЕОДУШ)	(СР)	(ЖЕН)
'они'		<i>on + i</i>			<i>on + e</i>

Говоря неформально, конгруэнтность — это ЧАСТНЫЙ СЛУЧАЙ СОГЛАСОВАНИЯ, а именно согласование *in absentia*: местоименная мишень w_1 согласуется со своим antecedentом-существительным w_2 в качестве контролера.

1.2.2. Двойная конгруэнтность.

Будучи частным случаем согласования, конгруэнтность также может быть двойной: местоимение w_1 может иметь в качестве antecedента два (я более) существительных w_2 и w_3 , т.е. быть конгруэнтным целой именной группе. Примеры хорошо известны:

Света ... — он + а ~ Света и Катя / Света с Катей ... — он + и; и т.п.

1.2.3. Прониминализация ≠ конгруэнтность.

Выбор местоименного заместителя не обязательно связан с МОРФОЛОГИЧЕСКИМИ зависимостями. Так, англ. BROTHER 'брат' или DOG 'собака' замещаются местоимением *he* 'он'; SISTER 'сестра' или CRUISER 'крейсер' — местоимением *she* 'она'; а BED 'постель' или LOVE 'любовь' — местоимением *it* 'оно'. При этом, однако, словоформы *she*, *he* и *it* не могут считаться формами одной лексемы, противопоставленными по словоизменительной категории рода (как, например, *он*, *она* и *оно* в русском): во-первых, эта "категория" не имела бы никаких регулярных показателей, а во-вторых, она была бы применима только к одной лексеме (или к двум, если считать *his*, *her* и *its*) словоформами другой отдельной лексемы. HE, SHE и IT суть разные лексемы английского языка, так что выбор между ними — это не дело морфологии; замена SISTER на SHE и т.д. не является примером конгруэнтности. Точно так же не относится к конгруэнтности выбор местоимения для antecedента типа *я и Света* или *я со Светой*, где требуется МЫ: Я и МЫ — это разные лексемы. Для наличия

³⁰ Разумеется, кроме случаев эллипсиса.

же конгруэнтности необходимо, чтобы местоимения-заместители, между которыми производится выбор, были формами одной лексемы, как это имеет место, например, в языке бушонг (семья банту).

(28) В языке бушонг имеется всего одна лексема — местоименный заместитель: -N; нужные формы образуются от ее основы -n посредством обычных классных префиксов:

I	<i>aa</i>	+ n	замещает существительное класса I I;
II	<i>baa</i>	+ n	замещает существительное класса I II;
III	<i>muu</i>	+ n	замещает существительное класса I III;
IV	<i>mii</i>	+ n	замещает существительное класса I IV;
V	<i>dii</i>	+ n	замещает существительное класса I V;
VI	<i>mii</i>	+ n	замещает существительное класса I VI;
VII	<i>ii</i>	+ n	замещает существительное класса I VII;
VIII	<i>bii</i>	+ n	замещает существительное класса I VIII; и т.п.

Выбор формы местоимения -N есть чистый пример конгруэнтности.

VI

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В качестве заключения я хотел бы коснуться шести следующих вопросов:

- Сопоставление согласования и управления.
- Совместимость согласования и управления в одной словоформе.
- Соотношение согласования и управления с семантическими зависимостями.
- Соотношение согласования и управления с синтаксическими зависимостями.
- "Синтаксическое" или "морфологическое" согласование/управление?
- Существование примыкания.

I. "Согласование ~ управление".

Традиционно считается, что "управление — это соответствие между словом (или его словарными особенностями) и формой слова, а согласование — соответствие между формой слова и формой слова". Эта точка зрения, однако, неверна. С одной стороны, при управлении может требоваться соответствие между формой одного слова и формой другого слова; вот четыре примера:

— в эргативной конструкции управляемый падеж I подлежащего может зависеть от времени глагола, см. (27);

— падеж I N-дополнения компаратива (прилагательного или наречия) может зависеть от граммы компаратива (славянские языки: см. (25f-ii));

— падеж I N-дополнения к V может зависеть от граммы инфинитива (славянские языки: *Мне сходить, Вам тут не пройти*; [6, с. 182]);

— падеж I N₁-дополнения к другому N₂ может зависеть от падежа I управляющего N₂:

(29) В цахурском языке для N₁, зависящего от N₂, употребляются два разных падежа I: "прямой генитив", если N₂ — в номинативе, и "косвенный генитив" (генитив-обликбус), если N₂ — не в номинативе:

<i>hammaz</i>	+ na	<i>dek^h</i> + ∅	'отец друга'
друг	ГЕН	отец	НОМ
vs.			
<i>hammaz</i>	+ ni	<i>dek^h</i> + is	'у отца друга'
друг	ГЕН.ОБЛ	отец	АДЕССИВ

С другой стороны, при согласовании может требоваться — и, как правило, требуется! — соответствие между формой слова и другим словом (т.е. его

словарными особенностями). Ведь все типы согласовательных классов I (род I, именной класс I, одушевленность), которые лежат в основе самой идеи согласования, — это не что иное, как словарные особенности лексем-контролеров.

Передко утверждается также, что между согласованием и управлением нет четкой границы; однако и эта точка зрения неверна — согласование и управление различаются совершенно четко, и никакие спорные или промежуточные случаи мне неизвестны.

Главное различие между согласованием и управлением заключается в следующем:

При СОГЛАСОВАНИИ контролируемая категория C_1 , из которой выбирается граммема g_1 для мишени w_1 , либо сопряжена с контролирующей категорией C_2 или идентична ей, либо контролируется согласовательным классом I, (местоименным) лицом или (местоименным) числом контролера w_2 ; при УПРАВЛЕНИИ C_1 либо не идентична C_2 и не является сопряженной с C_2 , либо контролируется каким-либо признаком синтактики w_2 , отличным от согласовательного класса I, лица и числа.

Иначе говоря, при согласовании и конгруэнтности мишень "ОТРАЖАЕТ" свойства контролера, при управлении же такое отражение места не имеет.

2. Совместимость согласования и управления.

Одна и та же словоформа w_1 может быть мишенью одновременно и согласования и управления — со стороны как одного и того же контролера w_2 , так и разных контролеров w_2 и w_3 (разумеется, по разным категориям). Например:

Один контролер

(30) В древнегрузинском [ср. (6)]

<i>neb</i>	+ \emptyset	+ <i>ita</i>	<i>γmrt</i>	+ \emptyset	+ <i>isa</i>	+ <i>jta</i>	‘волей Бога’
воля	ЕД	ИНСТР	Бог	ЕД	ГЕН	ИНСТР	

словоформа *γmrtisajta* управляется словоформой *nebita* по падежу I и согласуется с ней же по падежу II. (Лексема NEBI ‘воля’ навязывает своему актанту генитив — т.е. реализует управление, а ее управляемый “извне” инструменталис обуславливает согласовательный инструменталис у лексемы GMERTI ‘Бог’.)

Два контролера

(31) а. В немецком языке А согласуется с определяемым N по роду 2, числу и падежу II и в то же время управляется детерминативом по категории “тип склонения” (сильное ~ смешанное ~ слабое)³¹:

<i>ein</i>	<i>groß</i>	+ <i>er</i>	<i>Apfel</i>	~
АРТ.НЕОПР.	большой	МУЖ.ЕД.НОМ.СИЛЫ	яблоко(МУЖ)-ЕД.НОМ	
<i>der</i>	<i>groß</i>	+ <i>e</i>	<i>Apfel</i>	
АРТ.ОПР.	большой	МУЖ.ЕД.НОМ.СЛАБ	яблоко(МУЖ)-ЕД.НОМ	

vs.

³¹ См. подробное описание и анализ данной конструкции в [18]. Я предлагаю здесь наиболее традиционное описание немецкой конструкции “Det + A + N”. Возможно, однако, и иное описание, идею которого подсказал мне В. Плулунян. А именно, можно считать, что А согласуется с N по роду 2, числу II и падежу I, а с Det — по, скажем, “определенности”, каковая будет согласовательным классом I детерминантов. В самом деле, тогда DER и DIESER принадлежат к одному классу I определенности, EIN и MEIN — ко второму, а нулевой детерминант — к третьему. Указанная трактовка заслуживает самого серьезного рассмотрения.

ein	groß	+ es	Fenster ~
АРТ.НЕОПР	большой	СР.ЕД.ПОМ.СИЛЫ	окно(СР)-ЕД.НОМ
das	groß	+ e	Fenster
АРТ.ОПР.	большой	СР.ЕД.ПОМ.СЛАБ	окно(СР)-ЕД.НОМ
и т.д.			

б. В русском лексема КОТОРЫЙ согласуется по роду2 и числуII со своим антецедентом, но управляется по падежуI своим синтаксическим хозяином:

дом, котор + **ый** мы видим ~ хижина, котор + **ую** мы видим
доме, к котор + **ому** мы подходим ~ хижине, к котор + **ой** мы подходим
дома, котор + **ые** мы видим ~ хижины, котор + **ые** мы видим
домам, к котор + **ым** мы подходим ~ хижинам, к котор + **ым** мы
подходим

3. Соотношение согласования и управления с семантическими зависимостями (принцип Кинсва).

Опираясь на сказанное выше, можно (вслед за Э. Киненом) сделать следующее утверждение:

- || В пределах прототипических случаев согласования и управления,
- || — СЕМ-ХОЗЯЕВА СОГЛАСУЮТСЯ со своими актантами;
- || — СЕМ-АКТАНТЫ УПРАВЛЯЮТСЯ своими хозяевами.

Историческое развитие языков, в особенности аналогическое выравнивание, а также синтаксическая деривация (номинализации и т.п.), привели к известному числу отклонений от сформулированного принципа. Тем не менее, во всех "обычных", "неэкзотичных" конструкциях он соблюдается. Так, скажем, в элективной конструкции в языках с родом2 и падежамиI (типа "лучшая возлюбленных" ~ "лучшее сочинений") А согласуется с N по роду2, а N управляется этим А по падежуI.

4. Соотношение согласования и управления с синтаксическими зависимостями.

Между согласованием и управлением, с одной стороны, и синтаксическими зависимостями, с другой, наблюдаются следующие соотношения:

- Если w_1 морфологически СОГЛАСУЕТСЯ со словоформой w_2 , то между w_1 и w_2 в одних случаях имеет, а в других не имеет места непосредственная синтаксическая зависимость.

- Если w_1 морфологически УПРАВЛЯЕТСЯ словоформой w_2 , то между w_1 и w_2 почти всегда имеет место непосредственная синтаксическая зависимость. (Ср. аналогичное замечание в [1, с. 178].) Данное утверждение нарушается лишь в очень специальных "псевдооднородных" и сравнительных конструкциях (примеры указаны мне Н. Перцовым): *Кто*, → *кому* → *и* → *чем дал по морде?* [*кому* и *чем* управляются по падежуI глаголом *дал*, с которым они синтаксически непосредственно не связаны] или *Ваня любит Машу больше*, → *чем* Петя vs. ... *больше*, → *чем* Петю [где *Петя* vs. *Петю* управляется — также по падежуI — глаголом *любит*, хотя опять-таки не связаны с ним непосредственно].

- Если w_1 морфологически КОНГРУЭНТНА словоформе w_2 , то между w_1 и w_2 никогда не имеет места непосредственная синтаксическая зависимость³².

³² Возможное исключение (указанное мне Л. Иомдиным) — это так называемая местоименная реприза, типа фр. *Cette fille, je l'adore*, букв. 'Эту девушку, я ее обожаю!'. Если предполагать, что в подобных конструкциях проlepsическое существительное ('девушка') и местоимение-заместитель

При согласовании между контролером и мишенью может отсутствовать даже непосредственная семантическая зависимость. Вот примеры такого положения вещей (т.е. дистактного согласования) из трех типологически очень разных языков:

- (32) а. В табасаранском языке глагол-сказуемое может согласовываться в лице и числе с "обладателем" своего подлежащего, если этот "обладатель" — 1 или 2 лицо:

Jiz	<i>ümür</i>	<i>kerg</i>	+ <i>ni</i>	+ <i>jiz</i>
жй	жизнь-НОМ	начаться	ПРОШ	1ЕД

букв. 'Моя жизнь я-начался' = 'Моя жизнь началась'.

- б. В языке маитхили (Индия) глагол-сказуемое, обязательно согласуясь в лице и в (степени) почтительности с подлежащим, факультативно — но часто! — согласуется с "обладателем" любого из своих зависимых [66]:

<i>Ham</i>	torā	<i>beḷā</i>	+ <i>ke</i>	<i>dekhal</i>	+ <i>iau</i>
я-НОМ	твой.НЕЙТР	а.л.	ОБЛ	видеть-ПРОШ	1СУБ.НЕЙТР.- 2ОБ.НЕЙТР

'Я видел твоего сына'.

<i>Ham</i>	Jibach + ak	<i>kukur</i>	+ <i>ke</i>	<i>dekhal</i>	+ <i>iaim</i>	
я-НОМ	Дж.ПОЧТ	ГЕН	собака	ОБЛ	видеть-ПРОШ	1СУБ.НЕЙТР.- 3ОБ.ПОЧТ

'Я видел собаку Джибачха'.

Tohar	<i>bābu</i>	<i>Mohan</i>	+ <i>ke</i>	<i>dekhal</i>	+ <i>thun</i>
твой НЕЙТР	отец.ПОЧТ-НОМ		ОБЛ	видеть.ПРОШ	3СУБ.ПОЧТ- 2ОБ.НЕЙТР.

'Твой отец видел Мохана'.

- с. В языке чикасо (семья мускоги, США) глагол-сказуемое может согласовываться с "обладателем" подлежащего [67], каковой может отсутствовать на поверхности:

<i>Sa</i>	+ <i>pāsh</i>	+ <i>at</i>	<i>ā</i>	+ <i>litiha</i>
1ЕД	волосы	СУБЪЕКТ	1ЕД	быть.грязным

'Мои волосы грязные'.

Аналогичное согласование известно также в тангутском и в вичита³³.

При управлении же между контролером и мишенью непосредственная поверхностно-синтаксическая связь наблюдается (почти) всегда. Это может объясняться тем, что управление — это явление, гораздо более семантическое и лексикализованное, нежели согласование (ср. также [1, с. 178]); известно, что нередко близкие синонимы управляют по-разному: ср. нем. *begegnen wem* [ДАТ] ~ *treffen wen* [АКК] 'встречаться с кем' и т.п. Именно поэтому лексемам необходима в словаре *модель управления*. Во всех известных мне случаях модель управления действует на "глубину 1", т.е. касается лишь непосредственных синтаксических слуг заглавной лексемы. Если бы морфологическое управление могло "перешагивать через уровень" и касаться слуг своего слуги, или хозяина своего хозяина, или, наконец, других слуг своего хозяина, то модель управления сразу стала бы намного сложнее. Не исключено, что именно так объясняется

('ее') синтаксически связаны, то мы получаем здесь непосредственную поверхностно-синтаксическую зависимость между мишенью и контролером конгруэнтности. Я, однако, полагаю, что пролептическое существительное синтаксически зависит от глагола и с местоимением вирающую не связано. В любом случае, данная оговорка достаточна для целей этой статьи.

³³ Это — одно из проявлений хорошо известного феномена, наблюдаемого в конструкции с неотчуждаемой принадлежностью: так называемый "подъем обладателя" (Possessor Ascension).

разница, наблюдаемая между согласованием и управлением с точки зрения их соотношений с синтаксическими связями.

В данной связи интересно отметить, что — в отличие от согласования — управление может выражаться супрасегментными средствами. Так, в нилотских языках (масаи, тесо, календжин) противопоставление номинатива и эргатива³⁴, маркирующих управление, выражается различием в тоновых схемах [68]:

(33)			номинатив	эргатив
масаи	'лошадь'	<i>embártá</i>	<i>embartá</i>	
	'вещь'	<i>íóki</i>	<i>íókí</i>	
тесо	'река'	<i>éçíléí</i>	<i>éçilet</i>	
календжин	'бык'	<i>kírúk</i>	<i>kirúk</i>	

Аналогично, в иврите в конструкции $N_1 \xrightarrow{\text{синт}} N_2$ или $A \xrightarrow{\text{синт}} N$ синтаксический хозяин морфологически управляется своим зависимым, что частично выражается супрасегментно: N_1/A теряет ударение (а также получает так называемую сопряженную форму — *status constructus*). Во многих западноафриканских языках в конструкции $N_1 \xrightarrow{\text{синт}} N_2$ "управляемый" статус N_2 выражается его особой тоновой схемой и т.д. В то же время примеры на супрасегментную маркировку согласования неизвестны (ср. [2, с. 333, примеч. 1], где поставлен вопрос о супрасегментных показателях согласования). Это может быть связано с тем, что согласование — это по своей природе "дальнобойная" морфологическая зависимость, а управление¹ — зависимость "ближнего действия".

5. "Синтаксическое" или "морфологическое" согласование/управление?

Как надлежит называть определенные выше согласование и управление — "синтаксическое" или "морфологическое" согласование/управление? Ответ на этот вопрос принципиального значения не имеет: это дело соглашения. Однако в плане терминологической целесообразности представляется более удобным называть их "морфологическими": ведь они представляют собой именно МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ зависимости, противопоставленные синтаксическим. Их смешение с синтаксическими зависимостями уже не раз приводило к недоразумениям и должно всячески избегаться.

6. Существование "примыкания".

В русской грамматической традиции принято говорить также о "примыкании" как о третьем типе ... но чего? Поскольку управление и согласование определены здесь как разновидности морфологической зависимости, то "примыкание" должно было бы рассматриваться тоже как разновидность морфологической зависимости. Это, однако, логически невозможно: "примыкание" характерно как раз для морфологически неизменяемых лексем, т.е., стало быть, для лексем, которые в принципе не участвуют в морфологических зависимостях. Тем самым, "примыкания" быть не может, и этот термин должен быть оставлен. Заметим, что употребление номинатива в конструкциях типа *в городе Одесса, после матча Спасский—Ласло, весом одна тонна* или инфинитива при модальных или фазовых глаголах — это типичное управление¹, а не какое-то мистическое "примыкание". Традиционно, примыкание рассматривается в противопоставлении к управлению³: так, говорят, что в *Он пробежал целую милю* форма *милю* управляется глаголом, а в *Он бежал/шел целую милю* она к глаголу примыкает. В действительности речь здесь должна идти о синтаксическом vs. семантическом

³⁴ Нилотский номинатив является лексикографической формой и формой названия предметов; он маркирует также (почти) все синтаксические роли — кроме подлежащего и агента при пассиве: эти последние реализуются эргативом. (Традиционные названия указанных падежей I — аккузатив [= наш номинатив]/абсолютив или номинатив [= наш эргатив].)

употреблении падежей (неуправляемые, или свободные, падежи в [14, с. 348—352]); во втором случае аккузатив означает 'на ПРОТЯЖЕНИИ мили' и форма *милю* выступает как сирконстант. Таким образом, примыкание не имеет отношения к морфологическим зависимостям.

БЛАГОДАРНОСТИ

Настоящая статья выросла из обработки перевода (с французского языка) одного раздела из моей книги "Cours de morphologie générale (théorique et descriptive)", выполненного В. Плунгяном; я искренне признателен ему как за перевод, так и за ряд критических замечаний, которые помогли мне улучшить изложение: без его инициативы эта работа не была бы даже предпринята. Первый вариант статьи был прочитан В. Туровским; его критика и последующее обсуждение позволили мне привести статью в ее настоящий вид. Готовую рукопись прочли Д. Вайсс, Л. Ваннер, Л. Иомдин, Л. Иорданская, В. Лефельдт, Н. Перцов, В. Плунгян, Е. Саввина, еще раз В. Туровский и Н. Эванс, а окончательный вариант — снова Н. Перцов; я постарался учесть их замечания в полной мере. Мое сердечное спасибо всем названным здесь лицам! — Работа над статьей была выполнена весной 1992 г. во время моего пребывания в Мюнхене, на кафедре славянских языков Мюнхенского университета (завкафедрой — проф. Д. Вайсс) в качестве лауреата премии Гумбольдта. Да будет мне позволено поблагодарить здесь и Фонд им. А. Гумбольдта за создание весьма благоприятных условий для работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кибрик А.Е.* О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М., 1977.
2. *Moravcsik E.* Agreement // Universals of human language. V. 3 / Ed. by Greenberg J.H. et al. Stanford, 1978.
3. *Keenan E.* On surface form and logical form // Studies in the linguistic sciences. 1979. 2.
4. *Lehfeldt W.* Управление, согласование, примыкание в русском языке. Попытка операционного определения // RLing. 1980. 4.
5. *Lehfeldt W.* Zum gegenwärtigen Stand von Definition und Beschreibung der Kongruenz im Russischen // ZSI Ph. 1991. 51. 1.
6. *Анрески Ю.* О возможности определения лингвистических понятий // RLing. 1982. 6.
7. *Lehmann Ch.* Universal and typological aspects of agreement // Apprehension. Т. II / Ed. by Seiler H., Stachowiak F.J. Tübingen, 1982.
8. *Lehmann Ch.* Rektion und syntaktische Relationen // FL. 1983. 17.
9. *Lehmann Ch.* On the function of agreement // Agreement in natural language: approaches, theories, descriptions / Ed. by Barlow M., Ferguson Ch.A. Stanford, 1988.
10. *Corbett G.G.* Hierarchies, targets and controllers: agreement patterns in Slavic. University Park, 1983.
11. *Corbett G.G.* Resolution rules: agreement in person, number, and gender // Order, concord and constituency / Ed. by Gazdar G., Klein E., Pullum G. Dordrecht, 1983.
12. *Corbett G.G.* Agreement: a partial specification, based on Slavonic data // Linguistics. 1986. 24.
13. *Schmidt P., Lehfeldt W.* Typen der morphologischen Markierung — Zur Explikation von "Kongruenz", "Rektion", "Adjunktion" // Slavistische Linguistik. 1983 / Hrsg. von Rehder P. München, 1984.
14. *Lapointe S.* A theory of grammatical agreement. N.Y.; L., 1985.
15. *Lapointe S.* Toward a unified theory of agreement // Agreement in natural language: approaches, theories, descriptions / Ed. by Barlow M., Ferguson Ch.A., Stanford, 1988.
16. *Nichols J.* The directionality of agreement // BLS. 1985. 11.
17. *Seiler H.* The universal dimension of apprehension // Apprehension. Das sprachliche Erfassen von Gegenständen. Т. III / Hrsg. von Seiler H., Lehman Ch. Tübingen, 1986.
18. *Zwicky A.* German adjective agreement in GPSG / Linguistics. 1986. 24.
19. Agreement in natural language: approaches, theories, descriptions / Ed. by Barlow M., Ferguson Ch.A., Stanford, 1988.
20. Parasession on agreement in grammatical theory // Papers from the 24-th Annual regional meeting of the Chicago Linguistic Society. Pt II / Ed. by Brentari D., Larson G., MacLeod L. Chicago, 1988.
21. *Dingwall W.O.* Government, concord and feature-change rules. Glossa, 1969. 3.
22. *Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.

23. *Сова Л.З.* Аналитическая лингвистика. М., 1970.
24. *Гаспаров Б.* Опыт теории синтагматических связей (на материале современного русского языка) // Уч. зап. Тартуского Гос. ун-та. 1971. Вып. 266.
25. *Скобличкова Е.С.* Согласование и управление в русском языке. М., 1971.
26. *Crockett D.* Agreement in contemporary standard Russian. Cambridge, 1975.
27. *Иомдин Л.* Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. М., 1990.
28. *Кибрик А.Е.* Опыт структурного описания арчинского языка. Т. III: Динамическая грамматика. М., 1977.
29. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей "Смысл ↔ Текст". М., 1974.
30. *Meĭ ĭuk I.* Towards a language of linguistics. A system of formal notions for theoretical morphology. München, 1982.
31. *Meĭ ĭuk I.* Cours de morphologie générale. V. 1. Montréal, 1993.
32. *Мельчук И.А.* О "внутренней флексии" в семитских языках // ВЯ. 1963. 4.
33. *Мельчук И., Холодович А.* Залог (Определение. Исчисление) // Народы Азии и Африки. 1970. 4.
34. *Meĭ ĭuk I.* On suppletion // Linguistics. 1976. 170.
35. *Meĭ ĭuk I.* Meaning-Text models: A recent trend in Soviet linguistics. // Annual review of anthropology. 1981. 10.
36. *Meĭ ĭuk I.* Dependency syntax. Theory and practice. Albany, N.Y., 1988.
37. *Мельчук И.А.* Типы связей между элементами текста и типология языков // Материалы конференции "Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д. Поливанова". Т. 1. Самарканд, 1964.
38. *Meĭ ĭuk I.* Types de dépendance syntagmatique entre les mots-formes d'une phrase // BSLP. 1981. 76. 1.
39. *Бабицкий К.* Согласование членов как необходимое условие правильности предложения // Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода. М., 1974. Вып. 4.
40. *Мельчук И.А.* Два оператора установления соответствия (для автоматического синтаксического анализа). М, 1961.
41. *Иорданская Л.* Два оператора обработки словосочетаний с "сильным управлением" (для автоматического синтаксического анализа). М., 1961.
42. *Мельчук И.А.* Поверхностный синтаксис русских членивых выражений // Wiener Slawistischer Almanach. 1985.
43. *Meĭ ĭuk I., Pertsov N.* Surface syntax of English. A formal model within the Meaning-Text framework. Amsterdam; Philadelphia, 1987.
44. *Иомдин Л.* Еще раз о синтаксическом согласовании в русском языке. М., 1979.
45. *Meĭ ĭuk I.* Animacy in Russian cardinal numerals and adjectives as an inflectional category // Lg. 1980. 56.
46. *Мельчук И.А.* О падеже существительного в русской конструкции типа ИДТИ В СОЛДАТЫ // Svantevit. 1980. 5. 1/2.
47. *Rothstein R.* A Note on a grammatical metonymy in Russian // FS. 1977. 1:1.
48. *Evans N.* Morphological ergativity and fixed-transitivity phenomenon in Australian languages. Ms. [paper read at the Conference on non-standard case. Tucson. AR, July, 1989]
49. *Meĭ ĭuk I.* Toward a definition of case // Case in Slavic Ed. by Brecht R.D., Levine J.S., 1986.
50. *Ostrowski M.* Zum Konzept der Kongruenz // Apprehension. T. I. / Ed. by Seiler H., Stachowiak P.J. Tübingen, 1982.
51. *Глацкий А.В.* Попытка формального определения понятий падежа и рода существительного // Проблемы грамматического моделирования / Под ред. Зализняка А. М., 1973.
52. *Meĭ ĭuk I., Bakiza É.* Les classes nominales en kirundi // BSLP. 1987. 82. 1.
53. *Пешковский А.М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.
54. *Pollard C., Sag I.* An information-based theory of agreement // Parasession on agreement in grammatical theory // Papers from the 24th Annual regional meeting of the Chicago Linguistic Society. Pt II / Ed. by Brentani D., Gary Larson, Lynn MacLeod. Chicago, 1988. IL.
55. *Chafe W.* A semantically based sketch of Onondaga. Pt II // Suppl. IJAL. 1970. 36. 2.
56. *Frajzyngier Z.* Ergativity, number, and agreement // BSL. 1985. 11.
57. *Keenan E.* The functional principle: generalizing the notion of "Subject-of" // CLS. 1992. 10.
58. *Keenan E.* Logical semantics and universal grammar // ThL. 1978. 5.
59. *Богуславская О.* Раздвоение грамматических категорий числа и согласовательного класса и аспектные конструкции в дагестанских языках // Типология грамматических категорий / Под. ред. Бирюлина Л., Храковского В. Л., 1991.
60. *Aissen J.L.* Extensions of brother-in-law agreement // Agreement in natural language: approaches, theories, descriptions / Ed. by Barlow M., Ferguson Ch.A. Stanford, 1988.
61. *Островский Б.Я.* К описанию значений личных форм глаголов дари. Ст. 1.: Граммемы и их соотношения с маркерами // Вестн. МГУ. Сер. 13: Востоковедение. 1991. № 2.
62. *Marr N., Brière M.* La langue géorgienne. P., 1931.
63. *Evans N.* Odd topic marking in Kayardild // Complex sentence constructions in Australian languages / Ed. by Austin P. Amsterdam/Philadelphia, 1988.
64. *Troike R.C.* Subject-object concord in Coahuilteco // Lg. 1981. 57. 3.

65. *Moser M.B.* Switch-reference in Seri // *IJAL*. 1978. 44.
66. *Stump G., Yadav R.* Maithili verb agreement and the control agreement principle // *Parasession on agreement in grammatical theory. Papers from the 24-th Annual regional meeting of the Chicago Linguistic Society. Pt II / Ed. by Brentari D., Gary Larson, Lynn MacLeod. Chicago, 1988, IL.*
67. *Munroe P.* The syntactic status of object possessor raising in Western Muskogean // *BLS*. 1984. 10.
68. *Bennett P.R.* Tone and the Nilotic case system // *BSOAS*. 1974. 37. 1.

© 1993 г. СОКОЛОВСКАЯ К.А.

ПРАГМАТИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АСПЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

1. Аспектуальная характеристика высказываний базируется на грамматической семантике видовых форм. Прагматические же компоненты как лингвистически не структурированные принадлежат смысловому уровню, и прагматическая ориентация аспектуально характеризованных высказываний реализуется на глубинном смысловом уровне.

"Неизоморфность языковой структуры содержания текста и смысловой структуры" [1, с. 100] находит истолкование в рамках теории вторичного означивания [2], в исследовании А.В. Бондарко проблематики языковой интерпретации смыслового содержания [1, 3]. В смысловом содержании высказывания различаются: внутренний смысл языковой структуры и изначально лингвистически не структурированное смысловое содержание. При этом центральный процесс образования "речевого смысла" [1, с. 100] – взаимное перекодирование языкового содержания и его внутреннего смысла. В создание "речевого смысла" включаются и лингвистически не структурированные смыслы. В рамках проблематики данной работы в число последних входят прежде всего прагматические компоненты, что и обеспечивает намеренность, целенаправленность воздействия речевого смысла высказывания на коммуникантов.

Вместе с тем допущение возможности языкового кодирования не только "смыслов, выражаемых определенными языковыми единицами" [3], но и лингвистически не структурированных прагматических компонентов смысла требует уточнения.

Такое допущение может быть объяснено, если включить его в более широкую проблематику эксплицитного / имплицитного в высказывании [4–6]. С этих позиций прагматические компоненты речевого акта изначально неэксплицитны: цель (интенция) предваряет вербальный план, а "исходный материал высказывания" [7] (прагматическая пресуппозиция) – "это то, что говорящий считает само собой разумеющимся или известным слушателю" [8]. Ощутимо противоречие между изначальной неэксплицитностью смысловых прагматических компонентов и их косвенным обнаружением, перекодированием, а иногда и экспликацией в поверхностном вербальном плане. Ниже делается попытка пронаблюдать, как разрешается это противоречие в аспектуально характеризованных высказываниях.

2. Обращение к прагматической интерпретации грамматической семантики высказываний – одна из задач описания их "речевого смысла", ради выражения которого люди и вступают в языковое общение.

"Речевой смысл" устанавливается как отношение, связывающее семантический и прагматический компоненты, которое возникает оттого, что "языковые единицы определенным образом прагматически ориентированы" [9]. Прагматический подход "предполагает внутреннюю по отношению к знаку, включенную в него прагматическую составляющую рядом с составляющей семантической" [10]. Очевидно, постулируется прагматическая ориентированность единиц разного уровня, в том числе высказывания и формирующих его грамматических категорий.

3. В данной работе рассматривается прагматическая интерпретация аспектуальной семантики высказывания. Такой подход становится возможным при введении понятия аспектуальной ситуации или аспектуальной характеристики высказывания. "Аспектуальные значения сосредоточены прежде всего в сфере глагольного предиката, в сфере действия. Однако аспектуальность выходит за пределы действия – предиката. Поэтому речь может идти об аспектуальной характеристике не только предиката, но и высказывания в целом (хотя во всех случаях эта характеристика относится прежде всего к предикату и шире – к "предикативному центру", включающему предикат и детерминирующие его элементы)" [11]. Аспектуальная ситуация определяется как "типовая содержательная структура, базирующаяся на аспектуальной семантике, представляющая собой ту сторону выражаемой в высказывании общей ситуации, которая связана с выражением характера протекания действия во времени" [11, с. 41].

4. Без учета прагматических факторов не поддаются истолкованию аспектуальные ситуации, где в процессе речевого общения устанавливается факт действия, передаваемый несовершенным видом (НСВ)¹ в общефактическом значении, а также ситуации, где проявляется актуальный для коммуникантов результат действия, выраженного совершенным видом (СВ) в перфектном значении. Эти ситуации ориентированы на прагматические характеристики: преднамеренность высказывания, знания адресанта и адресата о мире вещей и друг о друге.

5. Прагматические ориентиры включаются в смысловую структуру указанных аспектуальных ситуаций, и вопрос в том, свободна ли языковая аспектуальная семантика от воздействия прагматических (презумптивных и интенциональных) компонентов, например: – *Нина, сходи в магазин. – Я уби р а л а* квартиру (1).

Семантическая аспектуальная характеристика НСВ общефактического (*убирала*) в ответной реплике (1) представлена признаками неограниченности, неконкретности, общности; невыраженностью кратности и результативности. С точки зрения целеустановки высказывание понимается как отказ. Такое понимание обеспечивается имплицитной прагматической пресуппозицией коммуникантов: договоренностью, которая существует между ними, о том, что *убиравший* квартиру не идет в магазин. Употребив НСВ *убирала*, говорящий напоминает об этой договоренности и тем самым отказывается выполнить то, что ее нарушило бы.

Имплицитный смысл, понимаемый адресатом, можно эксплицировать: "Мы ведь договаривались, что *убиравший* квартиру не идет в магазин. Я напоминаю вам об этой договоренности; я *убирала* квартиру и поэтому отказываюсь идти в магазин" (2).

6. Что же предсказывает интерпретацию данной ситуации семантикой НСВ? Денотативное содержание ситуации? Влияние презумптивного и коммуникативно-целевого компонентов?

Если бы денотативное содержание предсказывало употребление только НСВ, то исключался бы в этой ситуации СВ. Но в ответной реплике СВ возможен (при сохранении презумптивного и коммуникативно-целевого компонентов): – *Нина, сходи в магазин. – Я у б р а л а* квартиру, а в магазин пусть Зоя сходит (3). Но нельзя: *Я у б р а л а* квартиру* (4). В (3) интенция отказа должна быть эксплицирована ("В магазин пусть Зоя сходит"), в противном случае ответное высказывание с СВ (4) понимается как новая информация, не связанная с репликой говорящего.

Если денотативная ситуация допускает употребление и НСВ (1), и СВ (3), но

¹ Нумерация примеров дается в круглых скобках.

отказ выражен имплицитно только в (1), то значит ли это, что интенция отказа обычно кодируется в форме НСВ? Такая постановка вопроса исходит из допущения, что во внутреннее смысловое содержание, перекодированное в семантику частных видовых значений, входят прагматически ориентированные компоненты, благодаря которым и устанавливается координация с прагматической пресуппозицией и целеустановкой данного речевого акта.

7.1. Семантический компонент.

Семантика НСВ в общефактическом значении и СВ в перфектном значении получила истолкование в работах Маслова [12, 13], Бондарко [11, 14, 15], Рассудовой [16], Гловинской [17], Падучевой [18, 19], Форсайта [20], Соколовской [21], где в различных комбинациях и с разных позиций определяются конститутивные признаки указанных частновидовых значений, представленные ниже.

7.1.1. Типовые ситуации установления факта действия [например: – *Дома переведите текст "Помощь идет". – Ведь мы его уже перевели!* (5)] интерпретируются частными функциями общефактического значения НСВ. Факт действия представляется безотносительно к границам действия, т.е. без указания на его возникновение и завершение – неограниченным; неконкретным, т.е. вне конкретных обстоятельств его совершения; обобщенным – действие мыслится "в принципиальной плоскости" [13, с. 167]; неопределенным в отношении кратности; неопределенным в отношении временного распределения; не акцентирующим нового качества следующей ситуации; относящимся к двум ситуациям – ситуации действия и интерпретирующей речевой ситуации. Характерны ненаблюдаемость действия (наблюдаемое действие мыслилось бы как конкретный процесс); разобщенность, т.е. отделенность времени действия от времени интерпретирующей его речевой ситуации; неопределенность в отношении "эффекта действия" [17, с. 118]. В общефактическом значении проявляет себя различие видов по информативности/неинформативности. НСВ как немаркированный член видовой оппозиции, характеризующийся широтой и невалифицированностью семантики, не фиксирующий точек перелома событий, – берет на себя интерпретацию информации, уже сообщенной эксплицитно или имплицитно предполагаемой участниками общения, информации, лишенной "элемента сюрприза" [22], характерного для семантики СВ.

Функция установления факта действия в рассматриваемом типе аспектуальных ситуаций реализуется перечисленными выше частными функциями НСВ. При прагмасемантическом подходе устанавливается отличие семантических видовых функций от прагматически ориентированных. Последние составляют "невяные" имплицитные смысловые компоненты частновидовых значений [23]: для НСВ общефактического это ориентационный компонент: (временной разрыв ситуации действия и речевой ситуации); пресуппозициональный (презумпция информированности/неинформированности адресата); коммуникативно-целевой (задача установления факта действия, ненужности действия и т.п.).

7.1.2. Ситуации актуального результата действия [представленные на примере (6)] интерпретируются частными функциями СВ в перфектном значении: – *Этот текст мы уже перевели. Можно переводить следующий?* (6). СВ *перевели* актуализируется исчерпанность действия; "сохранение итогового состояния в момент речи" [19, с. 41]; конкретность представления результата действия в ситуации общения; распределенность действия между двумя временными планами: действие осуществилось в предшествующем временном плане, а его результат актуален для более позднего временного плана, совпадающего со временем общения; неповторяемость действия; акцентирование последующей ситуации; большая информативность СВ как выразителя качественных изменений в характере протекания действия.

Среди перечисленных частных функций СВ, реализующих типовую ситуацию

актуального результата действия, наряду с семантическими функциями выделяются и "неявные", имплицитные – прагматические компоненты: ориентационный (наблюдаемость результата действия в ситуации общения); пресуппозиционный (презумпция ожидания последующей ситуации); коммуникативно-целевой (намерение привлечь внимание адресата к результату действия).

7.1.3. О семантическом языковом компоненте в смысловой структуре высказывания утверждается, что "собственно языковые отношения одерживают верх над частными языковыми намерениями говорящего" [24]. Применительно к проблематике аспектуальных ситуаций эту мысль следует понимать так, что противопоставление СВ/НСВ в рассмотренных аспектуальных ситуациях реализуется видовыми семантическими функциями, "одерживая верх" над прагматическими.

8.1.1. Безусловное признание верховенства семантических функций в реализации видового противопоставления не снимает, однако, вопроса об их координации с соотносительным прагматическим содержанием высказывания.

Свойства прагматической пресуппозиции можно рассмотреть, вернувшись к (1) на примере презумптивной договоренности: "Тот, кто убирает квартиру, не идет в магазин". (Семантические основания для интерпретации данной ситуации НСВ *убирала* в общефактическом значении рассмотрены в п. 5.) В высказывании: *Я убирала квартиру* содержится напоминание о существующей договоренности, на основании которой говорящий отказывается выполнить поручение. В семантику интенционального слова напоминание включен имплицитный компонент "известное": напоминать можно о том, что известно адресату, и НСВ *убирала* относят в данной ситуации мысль собеседника к известной им обоим презумптивной договоренности. Семантический признак известное – это точка соприкосновения презумптивного и семантического компонентов, так как НСВ общефактическому свойственно выражать не новую, известную информацию.

Параллельное употребление СВ в ситуации (3) имеет прежде всего свои семантические основания (см. выше), но при согласовании с презумптивным компонентом план выражения данной ситуации корректируется: СВ (*убрала*), в силу своей большой информативности, не относит высказывание к известной участникам общения договоренности, и отказ в (3) приходится выражать эксплицитно: "А в магазин пусть Зоя ходит".

В ситуациях типа (1) и (3) языковой семантический компонент "одерживает верх", допуская параллельное употребление СВ и НСВ. Но при контакте с соотносительным презумптивным содержанием координируется коммуникативная ценность видовой семантики, в соответствии с которой накладывается запрет на (4) и говорящий выбирает один из двух возможных способов выражения отказа: имплицитный с НСВ, как в (1), или эксплицитный с СВ, как в (3). Таким образом, наблюдается взаимное перекодирование смысла прагматической пресуппозиции и смысла языкового выражения в аспектуальной ситуации.

8.1.2. Прагматическая презумпция обнаруживает себя и при различении внутривидовых значений: – *Прими лекарство!* – *Я принимала его на ночь* (6). В зависимости от презумптивной договоренности, ответная реплика – отказ – может выражать разные значения: "У меня есть собственный опыт: обычно я принимала лекарство на ночь, поэтому сейчас (утром, днем) принимать его отказываюсь" (6а). "Я принимала лекарство вчера на ночь, а так как оно принимается один раз, то сейчас принимать его излишне" (6б). В (6а) НСВ выражает, при согласовании с презумптивным компонентом, – кратность; в (6б) – общефактическое значение НСВ, имплицитное значение однократность и результативность.

8.2.1. Прагматические пресуппозиции в (1), (3), (6а), (6б) – представляют собой имплицитные, неязыковые смыслы, они лингвистически не структурированы и

вместе с тем каким-то образом кодируются в языковой семантике видовых форм. В рассмотренных речевых актах из прагматического потенциала говорящего можно выделить презумптивное содержание, соотносимое с неявными прагматическими компонентами НСВ ["опыт" в (6а); презумпция ненужности повтора действия в (6б) и т.п.]. Такие "аспектуализированные" смыслы, очевидно, способны влиять на различие внутривидовых значений.

8.2.2. Содержание презумптивного компонента неоднородно. Общие для участников речевого акта неэксплицитные договоренности, их знания друг о друге (А знает, что Б знает нечто об А; Б знает, что А знает нечто о Б), мнение об информированности/неинформированности собеседника – составляют то содержание пресуппозиций, которое можно интерпретировать как межличностное. Другую часть "исходного материала высказывания" [7] составляет неэксплицитное внешнеситуационное содержание: ориентация времени речевого общения и времени действия; позиция наблюдателя; презумпция ожидания последующей ситуации и т.п.

9.1. Обращение к коммуникативно-целевому компоненту аспектуальных ситуаций приводит к поиску ответа на вопрос о возможности интенциональной интерпретации семантического компонента.

О характере связи между целеустановкой и семантикой высказывания можно судить по широко известным фактам, когда различные интенции соотносятся с одним и тем же языковым выражением (7а, 7б, 7в), когда одна и та же интенция соотносится с разными высказываниями (1), (3) и, наконец, когда для реализации коммуникативного намерения более подходящей оказывается та, а не другая грамматическая форма (1). – Ты бы лучше письмо написала бабушке! Я написала (опровержение) (7а). – Не делаете ли вы мне перевод текста? – Я написала (согласие) (7б). – Я написала! – Ну, давай твоё упражнение поскорее (информация о готовности) (7в).

9.2. Очевидно есть факторы, которые либо разрешают, либо нейтрализуют взаимную интерпретацию коммуникативно-целевого компонента и аспектуальной семантики высказывания. При семантическом разложении лексических значений слов, характеризующих целенаправленность высказывания: отказ, подтверждение, напоминание, признание, сознание, раскаивание и т.п., – в некоторых из них вычлениются аспектуально соотносимые "прагматические доли значения" [25] ("аспектуализированные" смыслы). Так, например, в истолковании слова, обозначающего интенцию сознания ("признание в своей вине, проступке" [26]), имплицитруется презумпция: "Собеседник осведомлен о действии либо допускает, что оно имело место". Этот семантический компонент в слове, обозначающем интенцию сознания, согласуется с неинформативностью НСВ общефактического в высказываниях, нацеленных на сознание в своей вине, проступке. "Несколько лет назад я был автором телепередачи о Лескове. Эта передача и вынуждает меня к покаянию: – Говорил, ох, говорил, кидался на роман Лескова "На ножах", сра мил его! Я грешен перед романом. Да ведь прежде русская интеллигенция дружно осуждала Лескова за этот роман" (Ю. Нагибин) (8). По поводу (1) было отмечено, что интенцией напоминания также имплицитруется презумпция осведомленности адресата о действии, в связи с чем при интенции напоминания большую коммуникативную ценность приобретает малоинформативный НСВ в общефактическом значении: – Ты зачем, Куликов, ко мне пришел? Только честно. – Ну, помните, я вам бумагу одну приносил, докладную. – Бумага... Докладная... Это когда же было? – В пятницу (Б. Гуреев) (9). Все, все забыто! Ты же клятвы давал! В любви обьяснился! (Из телефильма) (10). Таких интенциональных слов (а иногда словосочетаний), подобных приведенным здесь (сознание, напоминание), которые в силу своих лексических значений корректируют коммуникативную ценность

видового значения, – отмечено немного: избличение (11), идентификация лица или предмета (12), ссылка на прецедент (13), оправдание (14) и некот. др. – *Знать ничего не знаю и ведасть не ведаю, – бойко говорил старенький попик. – Но ведь вы же венчали, – с тупым, усталым отчаянием повторял Владимир. – Вы же венчали, вот здесь, на этом месте. Ведь это же было, было не приснилось же мне все это!* (Б. Васильев. Были и небыли) (11). – *Вот эту пьесу и запрячь али ставить. – Жаль, что столько лет она не шла в театре* (Разг. речь) (12а). *Бим уселся там, прижавшись к стеночке, чтобы не мешать, уселся в волнении: ведь именно этот шофер и вез их когда-то до леса, на охоту* (Г. Троепольский) (12б). – *И я хочу, чтобы вы, ребята, получили бы такое же удовлетворение от сегодняшней встречи, какое мы получили 10 лет назад* (Г. Каспаров) (13). – *Подумайте! Вы ни разу не побывали у Саши в больнице! – Но мы ему фрукты... цветы послали* (из телефильма) (14).

В ситуациях типа (8–14) семантика НСВ общефактического согласуется с "аспектуализированными" компонентами слов, обозначающих интенции избличения, идентификации лица или предмета, сознания (компонент "известное"), оправдания (компонент "установление факта").

Другие интенциональные слова (а их большинство): предостережение, опровержение, одобрение, неодобрение, подтверждение, упрек и т.п. – не содержат в своем лексическом значении "аспектуализированных" составляющих: – *Наверняка вернусь через три часа. Встречу туристов – и назад. – Смотри, вчера такой рейс сильно опоздал* (15а). – *Смотри, на днях этот рейс сильно опоздал* (15б).

В (15а) и в (15б) ответная реплика имеет целью предостеречь адресата. Так как интенция предостережения не кодируется в аспектуальном содержании высказывания², она эксплицируется в усилительных частицах: *Смотри* (те), (но) *учти* (те), (но) *имей* (те) в виду.

10.1. В рассматриваемых типах аспектуальных ситуаций интерпретирующее воздействие прагматических компонентов может вести к актуализации прагматических ориентированных функций частных видовых значений (общефактического НСВ и перфектного СВ). По степени интерпретирующего воздействия презумптивного и коммуникативно-целевого компонентов и преобладания того или другого, – аспектуальные ситуации различаются следующим образом:

10.1.1. Целенаправленность высказывания эксплицируется перформативами (или другими средствами, принадлежащими функционально-семантической категории перформативности) и поэтому не имплицуется аспектуальной семантикой высказывания. – *Заходите, это моя единственная просьба. – Обещаю. Буде заходить / зайдете* (16). – *Прошу прощения. Я вас перебею / перебеваю* (17).

10.1.2. Прагматическая интерпретация относится к высказыванию в целом, не кодируясь в его аспектуальной семантике: – *Видел Туркова? – Видеть-то видел. Да он даже не поздоровался. – А ты ему бензин одалжи в ал* (18а) / *одолжил!* (18б) (разг. речь).

Высказывания (18а) и (18б) содержат упрек, косвенно адресованный некоему Туркову, оказавшемуся недостойным доброго отношения. Слово *упрек* принадлежит к тем интенциональным словам, в которых не содержится "аспектуализированных" прагматических компонентов, и поэтому нет основы для

² В отличие от реального наклонения (в форме прошедшего времени), в "потенциальных" формах интенции предостережения и опасения имплицуруются СВ: *Осторожно, упадешь (можешь упасть, не упади)*

взаимной перекодировки прагматического смысла и частновидовой семантики (общенного факта – НСВ и перфектного значения – СВ).

Коммуникативно-целевой и презумптивный компоненты в подобных случаях "представлены не прямо, а косвенно, через взаимодействие" [6, с. 77] речевых смыслов высказываний в рамках рассматриваемого речевого акта.

Прагматическая интерпретация не затрагивает аспектуальной характеристики действия в тех высказываниях, где в коммуникативно-целевом и презумптивном компонентах отсутствует соотносимое аспектуализированное содержание.

10.1.3. Имплицитные презумптивный и интенциональный компоненты интерпретируют коммуникативную значимость членов слабого видового противопоставления. См., например, (1), (3), а также (19): – *У нас остались лишние завтраки. Может быть, раздавать их ребятам?* – *Мы и вчера раздавали* (а) / *р а з д а л и* (б) (19). Реплика говорящего выражает запрос о согласии, которое может быть выражено множеством способов: Да, конечно, давайте раздадим и др. (варианты выражения согласия см. [27, 28]). Обе ли ответные реплики (19а и 19б) в равной степени выражают согласие?

В (19а) в реплике адресата с малоинформативным НСВ *раздавали* презумпция идентификации с действием, обозначенным в реплике адресанта (*может быть, раздавать...*), делает согласие явным, недвусмысленным³. В (19б) имплицитна презумпция ожидания новой информации и продвижения действия вперед. Исходя из такой презумпции, адресат реагирует на реплику адресанта высказыванием с совершенным видом. Причем эта реакция своеобразна: отвечая презумптивным ожиданиям, адресат не столько обращается к осмыслению запроса о согласии, сколько к сообщению новой информации (*раздали*) и акцентированию возможной последующей ситуации, например: *Мы и вчера раздали и сразу ушли домой*. Целенаправленность такого высказывания двусмысленна: возможно, это согласие, а может быть, сообщение о том, что совершилось действие, за которым последовал какой-то результат. В зависимости от тонких различий в презумптивных ожиданиях и большей или меньшей ясности коммуникативных намерений адресат прибегнет к одной из возможных форм ответа и тем выразит нужный ему смысл: – *На втором курсе многие хорошо поют. Не устроит ли нам конкурс певцов?* – *Конкурс певцов мы и на первом курсе устраивали* (а) / *у стро и ли* (б) (20). – *Джек уже поправился. Не выпустить ли его в сад?* – *Я и вчера его выпускала* (а) / *в ы п у с т и л а* (б) (21).

При теоретически допустимом параллельном употреблении видов в (19–21) более коммуникативно значимы высказывания с НСВ, которые яснее интерпретируются как согласие, запрос о котором выражен в реплике адресанта.

10.1.4. Презумптивный компонент интерпретирует внутривидовые различия, что приводит к формированию частновидовых значений: см., например, (6), (6а), (6б), а также: – *Как достать билеты в Лужники?* – *Я покупал в кассе метро* (22а, 22б). В зависимости от презумптивных договоренностей НСВ *покупал* будет употреблен: (22а) – в общефактическом значении. Презумпция: участники общения знают, что у адресата уже имеется билет на предстоящий матч. Смысл ответной реплики – указание на источник обладания. НСВ *покупал* имплицитно подразумевает результативность (наличие билета) и однократность (имеется в виду один предстоящий матч); (22б) – в значении многократности. Презумпция: у

³ В интерпретацию смысла высказывания (19а, 19б) как согласия с репликой говорящего включается союз "и", о котором С.О. Карцевский писал: "...и является сочинительным союзом... Он указывает на отсутствие перерыва, прот и в о п о с т а в л е н и я..." (разрядка наша. – С.К.) [29].

адресата имеется некий опыт обычных действий, и НСВ *покупал* имплицитно подразумевает обычность, повторяемость. Высказывание адресата выражает уже другой смысл: ссылку на имеющийся опыт.

В силу широты и некалфицированности НСВ импликация презумптивных смыслов приводит к дифференциации его частных значений, к заметной деформации их семантической структуры [ср. (22а–22б)].

Иной механизм проникновения прагматических компонентов в семантическую структуру частных значений СВ. Вспомним нередко возникающий тип диалога: – Ты *подписался* на "Октябрь"? – Да. А что? а) – Да ничего. Просто так спросил. б) – Хотел у тебя первый номер попросить (23). – Вы уже *написали* заявление об отпуске? – Да. А что? а) – Да ничего. Я тоже вчера написал. б) – Не знаете, наши заявления еще не подписаны ректором? (24). Вопрос "А что?" свидетельствует о неясности презумптивного ожидания адресата, о непроработанности "исходного материала высказывания", невыраженности интенционального значения.

Из реплики (23б) явствует презумптивное ожидание говорящего: "собеседник обладает нужным ему предметом"; из реплики (24б) – ожидание, что "собеседник обладает нужной ему информацией". Тем самым актуализируется прагматически ориентированная функция совершенного вида *подписался, написали* – "акцент на последующей ситуации" – и реализуется перфектное значение.

В (23а, 24а) проясняется, что адресат интересовался информацией о совершившемся факте действия, которое в данной ситуации было весьма вероятным. Мысль говорящего о действии целиком отнесена в прошлое. Поэтому совершенным видом *подписался, написали* не актуализируется прагматическая функция "акцент на последующей ситуации" и реализуется конкретно-фактическое значение.

В данных типовых аспектуальных ситуациях (23, 24) различие между перфектным и конкретно-фактическим значениями совершенного вида сводится к актуализация/неактуализации (под влиянием презумптивных ожиданий участников общения) прагматической функции: "акцента на последующей ситуации". СВ, в отличие от НСВ, не имплицитно под влиянием прагматического компонента речевого акта таких значений, которые приводили бы к деформации его семантической структуры, тогда как НСВ дифференцируется на частные значения с несходной семантической структурой.

10.1.5. В русском языке оформились клишированные высказывания с закрепленной видовой формой, предназначение которых – кодировать прагматический компонент, специализированно воздействовать на адресата: – *Смотри, на экзамене провалишься!* – А когда это я проваливался? (опровержение) (25). – *Говорят, собор этот будут восстанавливать.* – Кто его будет восстанавливать! (несогласие) (26). – *Придется тебе огород полить.* – Вот еще! Буду я его поливать! (отказ) (27). – *Объясни мне это еще раз.* – Разве я когда-нибудь тебе это объяснял? (опровержение) (28). – *Зайди за Машей в детский сад.* – Я сам собирался/думал/хотел/намеревался (согласие) (29). – *Пусть Светлана за билетами ходит.* – Так она тебе и пошла (косвенный отказ) (30). – *В кои-то веки собрались в театр.* – Нашли время! (упрек) (31).

В (25–31) и подобных им типологизированных разговорных конструкциях закрепились экспрессивно окрашенные интенциональные значения (опровержение, отказ, несогласие, упрек, согласие и т.п.), которые кодируются в семантике видовых форм (и других лексико-грамматических средств), а также в интонационных конструкциях. Так, в передачу смысла опровержения в (25)

включается выраженное НСВ общефактическим полное отсутствие факта действия, возможность которого допускается адресантом.

10.2.1. Существуют высказывания, в которых носителем прагматической информации являются конститутивные семантические функции частных видовых значений. См., например: Дети дарят К.И. Чуковскому макет его сказки. К.И.: – *Какую вы траву чудесную сделали!* Лена: – *Сначала р и с о е а л и, а потом в ы р е з á л и* (из радиопередачи) (32). – *А если я поддакивал тому, что ты молодец, то... чтобы выведать твои мысли. Я тебя обманывал, а ты обрадовался и поверил* (Ф.М. Достоевский) (33). – *Вам тут письмо, – сказала дежурная Эльвира, милая, улыбочивая, всегда спокойная. Я удивился: – Письмо? Сюда? – А вы да в а л и адрес гостиницы? – Конечно, нет! – Значит, проведали. Решили поздравить, – сказала Эльвира, улыбаясь* (А. Приставкин) (34). *Весь день у Корнея Ивановича были гости. С языковедами он р а б о т а л, затем их р а з в л е к а л. В е с е л и л и следующих гостей. После этого у него хватило сил писать письмо* (Н. Ильина) (35). – *Куда девалась трагедия? Может быть, этот жанр вообще у с т а р е л? Нет, его просто незаметно и з ж и л и. Когда приходят в движение эстетические тормоза, трагедия как жанр уходит* (А. Эфрос) (36).

В (32) цель ответного высказывания – дать самую общую информацию о том, как создавался макет. В принципе такое сообщение мог бы выразить и СВ: *Сначала мы нарисовали, раскрасили, потом вырезали травку, наклеили ее на картон*. Но такое высказывание, столь конкретная информация исключается логикой ситуации: это торжественный визит детей к писателю в день юбилея. Интересно, что совсем маленькая девочка ощутила смысловые акценты ситуации и в соответствии со своей целеустановкой употребила несовершенный вид: *рисовали, вырезáли* (приводилась документальная запись диалога писателя с детьми). В (33) семантика НСВ в общефактическом значении с оттенком процессности (*обманывал*) "нагружена" интенциональным смыслом – информацией об истинном содержании ситуации. В (34) общефактическое значение НСВ (*давали адрес*) употреблено с целью установить источник информации. В (35) НСВ со значением обобщенного факта (с процессным оттенком): *работал, веселил, развлекал, хватило сил писать* употреблен с целью "восстановить картину прошлых событий" [16, с. 53]. В (36), употребив совершенный вид с оттенком совершенного вида (*устарел, изжили*), говорящий привлекает внимание адресата к состоянию, которым ко времени речевого общения завершился процесс, протекавший (имплицитно) в предшествующем временном плане. Носителем этого прагматического значения является совершенный вид, совершенное значение которого относит действие к двум временным планам и передает "сохранение итогового состояния".

В (32–36) наблюдается то, что А.В. Бондарко назвал "смысловым осознанием", когда "видовые значения включаются в смысловые отношения, осознаваемые говорящим" [3, с. 12].

10.2.2. "В прагматизированности" частных видовых значений дает себя знать то свойство языка, о котором Г.В. Коляшанский писал: "в самой природе языка изначально заложена его коммуникативная функция, предпрещающая собственно цели и результаты, достигаемые человеком в процессе его использования" [30, с. 149].

Высказывания, в которых частными видовыми функциями интерпретируется также и прагматическое содержание, характеризуются следующим:

а) Семантический и прагматический компоненты, вербализуясь в одной и той же видовой форме, состоят в диалектическом единстве: при соотношении с денотативной ситуацией актуализируется семантическое содержание формы,

а при соотношении с говорящим – ее семантическое содержание "прагматизируется". Говорящий может придавать высказыванию только ту целенаправленность, которая не противоречит семантическому содержанию формы.

б) Презумптивный и интенциональный компоненты вписаны в эксплицитную логическую структуру диалогического единства (или монологического высказывания), а не являются "источниками и компонентами речевого смысла, внешними по отношению к данному тексту" [1, с. 100].

в) Содержательно интенции в 10.2.1. отличаются от тех, что рассматривались в 10.1.1–5, представляя собой разнообразную информацию (например, об источнике наличия, появления кого-либо или чего-либо, как в (34), об операциях, составляющих целое действие, как в (32), об истинном содержании чего-либо, как в (33), о наблюдаемом переходе в итоговое состояние, как в (36); восстановление картины прошлых событий, как в (35), а также: обоснование ситуации каким-либо действием; ссылка на прецедент; удостоверение, подтверждение факта действия при колебаниях, неуверенности собеседника; запрос или информация об источнике знания, умения, опыта; о фактах действия, второстепенных по отношению к главному действию; анкетирование и т.п.). См. также у О.П. Рассудовой [16, с. 53–54].

г) В отличие от интенций типа: оправдание, несогласие, отказ, упрек и т.п. – информативные интенции чаще не нацелены на то, чтобы вызвать ответное ментальное действие или изменение физического состояния адресата. Цель воздействия говорящего на адресата сводится к претворению состояния незнания в состояние знания; или от знания – к его интерпретации, расширению, детализации, уточнению.

11. В 10.1.1–5 и 10.2.1 находит подтверждение мысль Е.С. Кубряковой о том, что "скрытое или явное указание на то или иное намерение говорящего" выступает в качестве "первого пласта в семантике высказывания" [31]. В рассмотренном материале выявилось, в каких типах высказываний прагматическое содержание выступает явно, а где – неявно; в каких речевых актах прагматический компонент интерпретируется аспектуальной семантикой, а в каких – нет. В 10.1.1 целеустановка высказывания выражена вербально, лексически и не отражается в аспектуальной характеристике высказывания. В 10.1.2 прагматические компоненты косвенно представлены в смысловых связях реплик диалога, не затрагивая его аспектуальных характеристик. В 10.1.3 и 10.1.4 прагматическое содержание проецируется в область аспектуальной семантики (косвенно влияя на реализацию слабого видового противопоставления и актуализацию частных видовых значений). В 10.1.5 прагматическое содержание поглощается аспектуальной семантикой типологизированных структур, явно предназначенных для его выражения. В 10.2.1 семантические функции видовых форм нагружены прагматической информацией, которая таким образом получает явное выражение.

Итак, в силу лингвистической неструктурированности прагматическое содержание пронизывает как поверхностный, вербальный (лексический, грамматический, текстовый), так и невербальный, с ысловой уровни речевого акта.

12. Сама по себе сделанная в данной работе попытка вычлнить прагматику аспектуальной ситуации из общей сигнификативной ситуации не всем авторам кажется бесспорной. Так, О.П. Рассудова пишет: "Семантика такой единицы, как предложение, несомненно приспособлена для выражения многообразных смыслов, составляющих содержание коммуникации. Существуют специальные коммуникативные механизмы, обеспечивающие переход от предложения к высказыванию... Семантика же языковых категорий не имеет таких прямых выходов в общий смысл высказывания" [32].

Рассмотренные факты языка дают основание не исключать категориальные аспектуальные ситуации как объект прагматическо-семантического подхода, так как в

ряде случаев смысл, базирующийся на категориальной аспектуальной ситуации, может раскрывать смысл высказывания в целом. Сошлемся также на анализ прагматики и семантики видов глагола в [33]. Интерпретационный характер категории глагольного вида [3, с. 8] побуждает к исследованию прагматической ориентированности типовых аспектуальных ситуаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бондарко А.В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.
2. *Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
3. *Бондарко А.В.* К проблеме соотношения идиознтических аспектов семантики: интерпретационный компонент грамматических значений // ВЯ. 1992. № 3. С. 9.
4. *Горелов И.Н.* Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980.
5. *Долинин К.А.* ИмPLICITное содержание высказывания // ВЯ. 1983. № 6.
6. *Кривоноев А.Т.* Мышление – без языка? // ВЯ. 1992. № 2.
7. *Гак В.Г.* К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 12.
8. *Падучева Е.В.* Пресуппозиция // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
9. *Ломов А.М.* Номинативный и прагматический синтаксис // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц: Тез. докл. и выступл. М., 1991. С. 117.
10. *Сусов И.П.* Два пути построения прагматики языкового знака // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц: Тез. докл. и выступл. М., 1991. С. 192.
11. *Бондарко А.В.* Аспектуальность // Теория функциональной грамматики. Л., 1987. С. 40.
12. *Маслов Ю.С.* Глагольный вид в современном болгарском языке (значение и употребление) // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М., 1959. С. 235–270 и 311–312.
13. *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Л., 1984. С. 72–84.
14. *Бондарко А.В.* Вид и время русского глагола. М., 1971. С. 11–89.
15. *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983. С. 160–190.
16. *Рассудова О.П.* Употребление видов глагола в современном русском языке. 2-е изд. М., 1982.
17. *Гловинская М.Я.* Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982. С. 116–144.
18. *Падучева Е.В.* Семантика вида и точка отсчета // ИАН СЛЯ. 1984. № 5.
19. *Падучева Е.В.* К семантике несовершенного вида в русском языке: общефактическое и акциональное значения // ВЯ. 1991. № 6.
20. *Forsyth G.A.* Grammar of aspect usage and meaning in the Russian verb. Cambridge, 1970.
21. *Соколовская К.А.* Дифференцированность и единство семантики несовершенного вида // Болгарская русистика. 1985. № 4.
22. *Булыгина Т.В.* О нейтрализации семантических оппозиций // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 135.
23. *Гловинская М.Я.* Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм // Грамматические исследования. Функционально-стилистический аспект. М., 1989. С. 75.
24. *Лаптева О.А.* Идеи коммуникативной лингвистики в коммуникативной методике // Русский язык за рубежом. 1990. № 2. С. 69.
25. *Заботкина В.И.* К вопросу о природе прагматической доли значения слова // Прагматические аспекты функционирования языковых единиц: Тезисы докл. и выступл. М., 1991. С. 78.
26. Словарь русского языка. Т. IV. / Ред. Евгеньева А.П. М., 1988.
27. *Акишина А.А., Формановская Н.И.* Русский речевой этикет. М., 1978. С. 84–96.
28. *Формановская Н.И., Акишина А.А., Акишина Т.Е.* Спросите, попросите... М., 1989. С. 126–127.
29. *Карцевский С.О.* Бессоюзие и подчинение в русском языке // ВЯ. 1961. № 2. С. 131.
30. *Кошланский Г.В.* Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
31. *Кубрякова Е.С.* Модели порождения речи // Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи. М., 1991. С. 47.
32. *Рассудова О.П.* Смысл высказывания и языковые категории // Русский язык за рубежом. 1990. № 3. С. 90.
33. *Крекич Й.* Семантика и прагматика временно-предельных глаголов. Изменения значений. Будапешт, 1989.

© 1993 г. ТАРАСОВА И.П.

СТРУКТУРА ЛИЧНОСТИ КОММУНИКАНТА И РЕЧЕВОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ

Исследование речевого воздействия может вестись и, как известно, ведется с позиций различных отраслей знания¹, являясь одной из задач изучения в рамках прагмалингвистики [10], поскольку она занимается, в частности, перлокутивным эффектом речи и перлокутивными актами. Перлокутивный акт может быть определен как "... то воздействие, которое данное высказывание оказывает на адресата. При этом имеется в виду не сам факт понимания адресатом смысла высказывания, а те изменения в состоянии или поведении адресата, которые являются результатом этого понимания" [11, с. 336].

В настоящее время положения прагмалингвистики могут быть дополнены анализом смысла коммуникативной единицы с позиций лингвистики общения [12]. Эта отрасль коммуникативной лингвистики призвана исследовать смысл лингвистической единицы в соотношении с факторами общения, и в частности с личностью коммуниканта.

При рассмотрении в рамках анализа смысла предложения-высказывания коммуникант предстает как одновременно целостная личность и совокупность ряда ипостасей. Лингвистика общения, учитывая разнообразие факторы общения, вычленяет в структуре личности коммуниканта Я телесное (физическое), Я социальное, Я интеллектуальное, Я психологическое (эмоциональное) и Я речемыслительное. Ипостаси Я имеют различные формы манифестации. Так, Я психологическое может проявляться в психологических ролях в качестве Родителя, Ребенка или Взрослого, которые исследуются в рамках трансактного анализа [13].

Смысл предложения-высказывания, функционирующего в составе процесса общения, отражает особенности речевого поведения коммуникантов, реализуемые ими стратегии и тактики, которые охватывают и общее построение диалога, и социальные и психологические роли коммуникантов, и ипостаси их Я, ядерирующие на данном этапе коммуникативного процесса. Исследование коммуникативных стратегий и тактик позволяет, с одной стороны, формулировать и уточнять ролевые предписания речевого поведения носителей языка (а они еще не изучены и не описаны во всей полноте), а с другой – углублять описание смысла предложения-высказывания.

Среди смыслов, передаваемых предложением-высказыванием, должны быть выделены пресуппозиция и импликация, однако использование этих понятий в "чистом" виде при лингвистическом анализе обширного языкового материала осложняется рядом причин, которые должны быть рассмотрены отдельно, поскольку они не нашли отражения в нашей статье, предшествующей данной работе [14].

¹Таких как психология [1], социология и социопсихология [2], психоанализ и психотерапия [3], журналистика [4], реклама [5], лингводидактика [6], культура речи [7], стилистика [8], риторика [9]. Порядок перечисления не связан ни со значимостью отдельных дисциплин, ни со временем их появления или с историей развития. Следует также оговорить, что рамки статьи не позволяют привести отсылки в более полном виде.

Следует подчеркнуть, что в настоящее время нет единого мнения по вопросу о том, что есть пресуппозиция. Так, Дж. Кац указывает на два приемлемых для науки о языке подхода к толкованию данного понятия: 1) пресуппозиция – это то условие, удовлетворяя которому предложение, выражающее утвердительную пропозицию, может использоваться (при обычных обстоятельствах) для утверждения истины или лжи; 2) пресуппозицией предложения является другое предложение, которое логически следует из этого предложения как в его положительной, так и отрицательной форме [15]. Однако эти подходы нельзя считать правомерными. Как показывает Кац, первый подход не применим при анализе неассертивных пропозиций (*Who ate the cookies? Find the ring before eating any more cookies*). Второй является уязвимым, поскольку свойство быть логически имплицитным утвердительным предложением и его отрицательной формой не является для пресуппозиции ни необходимым, ни достаточным условием. Например, предложение *Who did not eat the cookies?*, которое является отрицанием предложения *Who ate the cookies?*, не имеет в качестве пресуппозиции предложение *Someone ate the cookies*. Его пресуппозиция – это *Someone did not eat the cookies* [15, с. 258].

Помимо прочего Дж. Кац доказывает, что рассматриваемый второй подход к толкованию понятия пресуппозиции подразумевает невозможность для пресуппозиции быть ложной. "Предположим, что пресуппозиция предложения S является ложной". Согласно же правилу, "пресуппозиция S' подразумевается как самим S, так и –S. Но поскольку любое предложение, которое подразумевает нечто ложное, само является ложным, постольку как S, так и –S являются ложными. В то же время S и –S не могут быть ложными одновременно, так как –S является отрицанием S, и вследствие этого пресуппозиция S' не может быть ложной. Таким образом, пресуппозиция не может быть ложной" [15, с. 259–260].

Высказанные Дж. Кацем положения как нельзя лучше подкрепляют тенденцию в языковедческой литературе (имеющей дело с необозримым морем вариативных фактов, а не с отдельными кристально четкими примерами) выйти за рамки собственно логической природы пресуппозиции и как следствие этого расширить применимость понятия пресуппозиции при анализе языкового материала. В частности, в "Грамматике современного английского языка" Р. Кверка, С. Гринбаума, Дж. Лича и Я. Свартвика отмечается, что всякий wh-question может быть соотнесен с утверждением, которое является его пресуппозицией. Например, *Who ever opened my letter?* "Да кто же это вскрыл мое письмо?"; *Someone opened my letter* "Кто-то вскрыл мое письмо" [16, с. 395–397].

Пресуппозиции, опирающиеся на понятие истинности, в строгом смысле этого слова, не должны выделяться в вопросительных предложениях-высказываниях, поскольку последние не могут быть истинными или ложными. Однако образец даваемого в приведенном примере анализа смысла безусловно интересен и полезен, особенно в учебных целях. Было бы неверным отрицать возможность выделения пресуппозиции вопросительного предложения-высказывания в том случае, когда речь идет о его лингвистическом, а не о строгом логическом анализе.

Можно также сослаться на статью Т.Ф. ван Дейка "Вопросы прагматики текста" [17], в которой понятие пресуппозиции (имеющей как бы более свободный вид по сравнению со строгими логическими построениями и дефинициями) связывается с понятием референции и через него включается в сферу изучения культурного фона языковых явлений. Будучи частью акта референции, той его частью, в которой происходит отсылка к фактам, пресуппозиция оказывается взаимосвязанной со знанием коммуникантами окружающего мира.

Можно заключить, что снимая жесткую логическую определенность понятия пресуппозиции, исследователь расширяет границы его применения при анализе языкового материала и может включить в работу также материал речевой. В

свою очередь, это делает правомерным использование понятий, хотя и связанных с термином "пресуппозиция", но имеющих более широкое и свободное содержание – "исходная мысль", или "исходный смысл". Наряду с этими используются и понятия "вытекающей мысли", или "смысла-следствия", связанные с термином "импликация".

Итак, утверждая нечто, задавая вопрос, отдавая распоряжение, совершая какой-либо другой локутивный акт, адресант исходит из некоторых предположений, представлений, знаний, размышлений, которые могут быть правильными или неправильными (истинными или ложными) или которые он считает правильными или неправильными. Эти предположения, мысли и могут быть охарактеризованы как исходные смыслы. Являясь отправным пунктом формулирования в предложении-высказывании (дискурсе, тексте) некоторой мысли, исходный смысл существенным образом влияет на их построение.

Смысл-следствие непосредственно "вытекает" из эксплицируемой части предложения-высказывания. Возможность имплицитной передачи смыслов-следствий дает коммуникантам богатую возможность избежать их прямого формулирования, и это является важным фактором построения коммуникативных единиц различных уровней.

Так, предложение-высказывание *It is going to rain today, according to the forecast* "По прогнозу сегодня будет дождь" имеет в качестве одного из своих исходных смыслов следующую мысль:

– Когда человек попадает под дождь, это может оказать неблагоприятное воздействие на его физическое Я. Зная это (это знает мое интеллектуальное Я), исходя из твоих, адресат, интересов (это делает мое социальное Я) и проявляя о тебе заботу (это делает мой психологический Родитель), я сообщаю тебе (это делает мое речемыслительное Я): По прогнозу сегодня будет дождь²:

Рассматриваемое сообщение несет некоторый набор фоновых смыслов, отражающих быт народа – носителя языка в данной местности. Предположим, что этот набор смыслов можно описать так:

– Для того чтобы предохранить себя от неблагоприятных последствий дождя, человек использует зонт, плащ, галоши либо банановый лист / заклинания.

На основании вышесказанного можно заключить, что в ситуациях некоторого рода сообщение "По прогнозу сегодня будет дождь" является косвенным речевым актом и может передавать иллокутивную силу:

– Адресат (человек физический), возьми зонт и надень плащ.

Эта иллокутивная сила оборачивается для адресата определенным смыслом-следствием, который не обязательно совпадает с самой иллокутивной силой по составу своих компонентов. В рассматриваемом случае смысл-следствие может иметь вид:

– Мне нужно взять зонт и надеть галоши.

Не вдаваясь в дальнейшие детали, отметим, что исходные смыслы и смыслы-следствия, передаваемые предложением-высказыванием, связаны с ролями коммуникантов и с ипостасями их Я, а это является одним из оснований для использования их в целях оказания речевого воздействия.

Рассмотрим некоторые примеры того, как аппарат исследования, включающий понятия множественности личности коммуниканта, стратегии и тактики речевого общения, роли (психологической и социальной), исходного смысла (и смысла-следствия), используется при анализе речевого материала.

Первый пример – это отрывок из книги Дж. Виндхэма "День триффид" (J. Wyndham, *The day of the triffids*). Герой повествования лежит в больнице, у него забинтованы глаза. В это время в небесах совершается необычайный по

²За недостатком места толкования смыслов приводятся только на русском языке, истолкования же на языке английском здесь опускаются.

красоте и силе фейерверк. Герой слушает репортаж по радио. Входит медсестра и начинает рассказывать о фейерверке, хотя, конечно, она не может не понимать, что пациент не расположен к общению: он угнетен и подавлен.

Она говорит:

– The sky's simply full of shooting stars. All bright green. They make people's faces look frightfully ghastly.

Повсюду в небе метеоры. Все ярко-зеленые. В их свете лица людей выглядят как призраки.

Интеллектуальное Я медсестры здраво оценивает ситуацию и осознает, что пациент все это и так уже услышал по радио. Но заботливая женщина дает волю своему речемыслительному Я, которое, с согласия, конечно же, ее Я социального, устанавливает дружелюбный контакт с временно незрячим и подавленным человеком. Кроме того, поскольку физическое Я пациента лишено зрения, он, предположительно, нуждается в любых дополнительных источниках информации, которые бы компенсировали этот дефект, поэтому дублирование информации в речи медсестры должно способствовать созданию у пациента чувства уверенности в себе.

Первый ответ, который медсестра "извлекает" из пациента, – это выражение согласия:

– It's such a pity you can't see it, isn't it?

– It is, – I agreed somewhat shortly.

– Такая жалость, что вы не можете все это наблюдать, правда?

– Да действительно, – ответил я довольно односложно.

Медсестра добилась того, что ее монолог преобразовался в диалог. Далее пациент, будучи воспитанным человеком, вынужден поддерживать "беседу". Впрочем, беседы как таковой нет – говорит одна медсестра, а пациент изредка, из вежливости, произносит что-либо для поддержания разговора (можно сказать, что социальное Я пациента как бы через силу понуждает речемыслительное Я взаимодействовать с речемыслительным Я медсестры и таким образом реализовать этикетную функцию речи, хотя и в минимальном объеме). В конце концов пациент предлагает медсестре удалиться:

– What a pity you couldn't see it.

– Isn't it? – I agreed. – Now do go away, there's a good girl.

– Какая жалость, что вы не могли этого видеть.

– Действительно, – согласился я. – А теперь бегите по своим делам, будьте умницей.

Последняя ремарка сделана отнюдь не с позиций психологического Больного, которому отводится роль послушного Ребенка при всемогущих и мудрых Родителях – медицинских работников. В ней пациент разговаривает с медсестрой не просто как равный с равным, но как снисходительный Взрослый, отдающий команды младшему. Итак, адресат поднялся над приличествующей ему ролью послушного Страдальца и вышел из состояния подавленной угнетенности. Этого не произошло бы, если бы сестра всю сцену молчала, а тем более, если бы она была демонстративно раздражена. Таким образом, можно говорить о том, что в рассматриваемом случае имело место речевое воздействие на адресата, причем положительное, направленное на его благо. Это воздействие охватило как психологическую роль адресата (он поднялся над позицией Ребенка), так и эмоциональную ипостась его Я. Адресант применил тактику "извлечения" из адресата ремарок согласия, которые в рассматриваемой сцене вписываются в общую стратегию установления с адресатом доброжелательного речевого контакта, а вместе с тем и самовыражения – вербализации адресантом своих чувств и эмоций.

Речемыслительное Я медсестры выстраивает ремарки таким образом, как будто они рассчитаны на передачу адресату некоторой новой информации:

– Адресат, свое Я интеллектуальное не располагает информацией о том, что Х. И я тебе передаю информацию о том, что Х.

Однако в рассматриваемой ситуации общения адресат информацией располагает. Поэтому для него получаемые сведения – это как бы псевдоинформация. Но она констатируется³ и при этом оказывается нагруженной рядом дополнительных смысловых напластований (смыслов-следствий):

– Да, небо полно падающих звезд. Да, говорят, что такого никогда раньше не бывало. Да, ты, адресат (физическое лицо), не можешь этого видеть. Да, мне, адресанту (моему эмоциональному Я), это жаль – не менее, но и не более того. Передав тебе эти смыслы, я имею в виду показать (передать тебе и смысл-следствие): все не так плохо, не так страшно, не так трагично, как тебе это сейчас представляется.

Вернемся к анализу ремарки *It's such a pity you can't see it, isn't it?* В составе данной коммуникативной единицы предложение *You can't see it* образует констатацию очевидного для обоих коммуникантов положения вещей, хотя эта констатация, не будучи выражена в отдельном предложении-высказывании, не является самостоятельной. Она подана в контексте эмоциональной оценки (*It's such a pity*), и, таким образом, сам неблагоприятный для адресата факт сообщается не столько его Я интеллектуальному, которое призвано прямо и холодно смотреть фактам в глаза, каковы бы ни были эти факты, сколько Я эмоциональному, которое побуждается пожалеть Я физическое. Переадресовав подачу неблагоприятного факта в рамках структуры личности коммуниканта, говорящий применяет свособразный тактический прием речевого воздействия, который может быть назван камуфлированием неприятности. В рассматриваемом примере интересно и то, что Я речемыслительное говорящего акцентирует не сам прискорбный факт (*you can't see it*), а отношение к нему, причем отношение далеко не трагичное. В результате этот факт оказывается поданным не столь остро для больного, вернее, для его Я эмоционального.

Действенность всей ремарки в целом определяется, в частности, тем, что ее "хвостовая" часть побуждает адресата (речемыслительную составляющую его Я) отозваться и тем самым выйти из состояния угрюмого молчания.

Рассматриваемое предложение-высказывание имеет в качестве одного из исходных смыслов такой:

– Адресат, ты хочешь это видеть.

В нем отражена позиция адресата, учитываемая медсестрой и влияющая на все построение ее речи. Этот исходный смысл присущ и ряду других ее высказываний:

– *If only you hadn't those bandages on, you'd have a wonderful view of it from here.*

– Если бы только ваши глаза не были забинтованы, вы бы отсюда все отлично видели.

– *Still, even if you'd had your bandages off I don't expect they'd have let you watch it.*

– Даже если бы и сняли повязку, вам бы сегодня вряд ли разрешили любоваться (фейерверком).

– *You'll have to take things gently at first, and some of the flashes are bright.*

– Вам сначала нужно будет поберечься, а некоторые вспышки очень яркие.

– *What a pity you couldn't see it.*

– Какая жалость, что вы не можете этого видеть.

Мысль о том, что адресат хочет видеть зрелище, является одним из стержней всей речи медсестры. Обращаясь к пациенту, сообщая ему о своих мыслях и чувствах, она соотносит содержание и оформление своей речи с тем, что, по ее

³В рамках проводимого исследования констатацию можно описать так: Адресат, твое и мое Я интеллектуальное знают, что Х, и я констатирую: да, имеет место Х, ср. [18].

представлению, волнует адресата, что ему известно или не известно, что адресат хочет услышать или чего он слышать не хочет. Таким образом, мнения, умонастроения и знания адресата, представленные в его Я интеллектуальном, его чувства и желания, отображенные его Я эмоциональным, активно воздействуют на смысл и построение речи медсестры в целом и отдельных ее предложений-высказываний. Следовательно, фактор адресата (по Н.Д. Арутюновой), позиция адресата, как она понимается говорящим, может формулироваться им в своей речи или вплестаться в исходные смыслы высказывания, и в этом проявляется, в частности, взаимодействие Я социального и Я речемыслительного обоих коммуникантов.

Говоря о том, что даже если бы повязку сняли с глаз пациента в тот день, ему не разрешили бы наблюдать вспышки на небе, медсестра подразумевает, конечно же, не только то, что адресат хочет видеть вообще, и видеть зрелище на небе в частности, но и то, что не может быть сомнений в эффективности лечения. Важность этой мысли для Я физического адресата трудно переоценить, и ее передача также не может не содействовать улучшению его настроения, т.е., не влияя на его Я эмоциональное. Медсестра убеждает пациента, что поначалу ему придется быть осторожным, и тем самым она проявляет заботу о его интересах, о его физическом Я. Естественно, что эти сведения, сообщаемые Я интеллектуальному пациенту, отличаются высокой степенью ценности для него и обладают (по крайней мере потенциально) большой силой воздействия.

В некоторых случаях речевое воздействие может быть рассчитано таким образом, чтобы противопоставить друг другу различные стороны личности адресата. Так, в исследуемых далее двух эпизодах из книги М. Кричтона "Человек-терминал" (M. Crichton, *The terminal man*) пациент, имеющий преступные намерения, апеллирует к профессиональной роли адресата как врача. В первом случае пациент, Гэрри Бенсон, заманил доктора Морриса в темный ангар для самолетов и хочет на него напасть, но врачу удается спрятаться. Тогда Бенсон взывает о помощи к доктору Моррису:

– Please, help me, Dr. Morris. – Пожалуйста, помогите мне, доктор Моррис.

В данном примере социальное Я адресата противопоставляется его физическому Я, стремящемуся к самосохранению. Социальная роль врача подразумевает его обязанность помогать страждущим при любых обстоятельствах, и доктор Моррис откликается на призыв больного о помощи в ущерб своей безопасности. Таким образом, тактика, выбранная преступником (ее можно назвать тактикой "противопоставляй и властвуй"), оказалась эффективной.

Во втором эпизоде диалог происходит между тем же Гэрри Бенсоном и доктором Дженет Росс. В руках Росс пистолет. Намерением Бенсона является приблизиться к ней и пистолет отобрать. Тем временем Бенсон должен сказать что-то такое, чтобы Дженет Росс не выстрелила. Бенсон, в частности, напоминает ей, что она – его лечащий врач (*You are my doctor*). Тем самым Бенсон указывает, что врач не должен повредить пациенту ни при каких обстоятельствах. Однако нельзя не заметить, что максима такого типа верна лишь в том случае, когда пациент выступает именно как пациент, а не как лицо с преступными намерениями. Апелляция к Я социальному при данных обстоятельствах оказывается тактикой манипулирования адресатом с целью получить односторонние преимущества. Доктор Росс не попадает на этот маневр и предпринимает шаги к самозащите.

Воздействие на любую ипостась может оказывать значительное влияние на остальные стороны личности адресата. В частности, это имеет место в рассматриваемом ниже примере воздействия при целенаправленном нарушении правил речевого этикета.

Соблюдение или несоблюдение правил речевого этикета, а также их использование для принижения или завышения социального статуса адресата речи

может оказать существенное воздействие на последнего. Показательный пример приводит С.М. Эрвин-Трипп в "Социолингвистических правилах обращения" [19]. Автор цитирует работу А.Ф. Пуссена "Негр-психиатр толкует душу негра":

Сценка на улице в США:

– What's your name, boy? – the policeman asked.

– Dr Poussaint. I'm a physician.

– What's your first name, boy?

– Alvin.

– Как тебя зовут, парень?

– Доктор Пуссен. Я врач.

– Как твое имя, парень?

– Алвин.

Далее приводится описание того, что чувствовал доктор Пуссен: "Сердце мое трепетало, я бормотал в полнейшем унижении... В данную минуту у меня отняли мое мужское достоинство... Никакое самолюбие не могло бы спасти мое чувство собственного достоинства, сохранить мою цельность... Я почувствовал ненависть к себе" [19, с. 225]. Как поясняет Эрвин-Трипп, причиной этого крайнего эмоционального напряжения явилось то, что доктор Пуссен вынужден принять публичное оскорбление, заключающееся в нарушении широко признаваемых и общепринятых правил обращения. Полицейский дает недвусмысленно понять: "Черным не следует претендовать на статус взрослых или профессиональное положение. Вы – дети" [19, с. 230].

Продолжим анализ этого примера с изложенных выше позиций. Стратегической целью первого говорящего (полицейского) в рассматриваемой сценке является подавление адресата и его унижение, что, возможно, придает ему (будем продолжать называть для краткости первого говорящего полицейским) значительность в собственных глазах. Для достижения своей цели полицейский использует тактику нарушения норм речевого этикета, причем такого нарушения, которое воздействует на социальную и психологическую роли адресата, а также на ипостаси его Я.

Предположительно, доктор Пуссен ведет себя как психологический Взрослый. Соответственно, он вправе ожидать, что и другие будут обращаться с ним как с психологическим Взрослым. В рассматриваемой же сценке адресант настойчиво третирует адресата в качестве психологического Ребенка, игнорируя его социальный статус, поскольку доктор Пуссен – цветной. То, что адресату навязывается психологическая роль, в данном случае является агрессией по отношению к нему как к личности, а это, в свою очередь, отрицательно влияет на его эмоциональное Я. Назвав взрослого человека парнем и настаивая на этом обращении, адресант наносит оскорбление прежде всего социальной ипостаси Я адресата. Кроме того, навязываемая доктору Пуссену психологическая роль Ребенка также снижает его социальный статус, что, в свою очередь, затрагивает его социальное Я. Речевое поведение адресанта, третирующего Я социальное адресата и его психологическую роль Взрослого, приводит к нарушению благополучия прежде всего двух ипостасей Я адресата – его Я социального и Я эмоционального. Доктор Пуссен почувствовал оскорбление настолько сильно, что воздействию подверглось и его Я физическое ("сердце мое трепетало"). Воздействию подверглось и его Я речемыслительное ("я бормотал в полнейшем унижении").

Исследование статусных параметров и коммуникативных характеристик социальных и психологических ролей, а также их взаимоотношение между собой и с ипостасями Я общающихся может, как представляется, обнаружить интересные особенности не только механизма речевого воздействия на человека, но и коммуникативного процесса и его единицы – предложения-высказывания.

Прежде чем рассмотреть следующий пример, необходимо заметить, что, как

известно, выступая в некоторой роли (социальной или психологической), человек должен вести себя соответствующим общественно-установленным образом. Но кроме того, он вправе ожидать, что и другие будут вести себя с ним определенным образом, хотя бы в некоторых отношениях. Так, отец рассчитывает, что его отпрыск будет проявлять к нему уважение и соблюдать в своем поведении, и в частности поведении речевом, целый ряд правил. В то же время сам отпрыск может стремиться утвердить свое Я, поступать сообразно своим желаниям и устремлениям, требовать уважения к своей личности, что нередко идет вразрез с ожиданиями и требованиями отца. Возникает характерный конфликт. Примером может служить сцена ссоры в "Ярмарке тщеславия Уильяма Теккерея между Осборном-старшим и сыном Джорджем.

Отец добивается, чтобы сын забыл Амелию Седли, с которой тот помолвлен, причем по настоянию отца же, с юности. Ко времени ссоры отца с сыном отец Амелии разорился и Осборн-старший хочет, чтобы сын женился на мисс Суорц обладательнице большого состояния. Однако Джордж сообщает мисс Суорц в присутствии своего отца, что он любит Амелию. Тем самым он нарушает оба требования отца – забыть Амелию и жениться на мисс Суорц. Когда отец и сын остаются наедине, между ними происходит спор. Его сценарий имеет в качестве своей оси ролевые и статусные характеристики коммуникантов, в то время как предметом спора является перспектива женитьбы Джорджа и решение в этой связи финансовых вопросов.

Разумеется, каждый из спорящих стремится (имеет стратегической целью) отстоять свою позицию, свои интересы и оказать максимальное воздействие на партнера. При этом применяется целый ряд тактических приемов.

Обладая статусом в деловых и финансовых кругах и авторитетом отца и главы семейства в своем доме, Осборн-старший разговаривает с сыном с позиций своего превосходства. Он начинает разговор словами:

– How dare you, sir, mention that person's name before miss Swarts to-day in my drawing-room? I ask you, Sir, how dare you do it?

– Как Вы смели, сэр, упомянуть имя этой особы у меня в гостиной, да еще в присутствии мисс Суорц? Я Вас спрашиваю, сэр, как вы посмели это сделать?

Высказывание отца облечено в форму вопроса, говорящий даже подчеркивает, что спрашивает, как сын осмелился так поступить, да еще на его, отца, собственной территории. Однако слова "я Вас спрашиваю" не делают речь Осборна-старшего просто эксплицитным вопросом – анализируемые два предложения-высказывания передают иллюкутивные силы возмущения, упрека и даже запрета, каждая из которых нацеливается на адресата для того, чтобы повлиять на него в определенном направлении. Причем повтор "как Вы смели" призван сделать эти иллюкутивные силы еще более действенными.

Следует заметить, что упоминая о развитии сцены в своем доме, отец акцентирует обоснованность своих требований по отношению к сыну и недопустимость неповиновения со стороны последнего. Исходным смыслом слов "у меня в гостиной" является представление о том, что имущественная зависимость адресата от говорящего придает словам больший вес по сравнению с теми случаями, когда такой зависимости не наблюдается. Предположительно, если бы сцена разыгрывалась в доме сына, то отец не имел бы столь же "незыблемых" оснований для выражения своих требований и эмоций.

Рассматриваемое высказывание отца произносится психологическим Родителем, отчитывающим своего отпрыска. Являясь отцом и полновластным хозяином семейных финансов, Осборн-старший полагает себя вправе ожидать от сына повиновения. Непокорность Джорджа сердит его, и он проявляет свой гнев в полной мере. Гневаясь же, он дает волю своему Ребенку, в то время как рассудительный Взрослый спокойно выяснил бы причины неповиновения Джорджа и, возможно, добился бы своего. Когда Осборн-старший уступает своему психологи-

ческому Ребенку, его позиция Родителя фактически ослабляется, и, чтобы компенсировать это обстоятельство, он продолжает нанизывать упреки, адресованные Я социальному сыну, а также и Я эмоциональному, которое призвано откликаться на родительские слова.

Обе психологические позиции (Родителя и Ребенка), в которых выступает отец, призваны оказать на Джорджа свое специфическое воздействие. Когда отец встает в позицию Родителя, то он, вольно или невольно, навязывает сыну роль зависимого от него Ребенка. Когда же Родитель уступает своему Ребенку, последний воздействует на адресата своими бурными эмоциями. В рассматриваемом случае устами Ребенка глаголет Я эмоциональное (психологическое) Осборна-старшего. Именно Я эмоциональное понуждает Я речемыслительное сделать повтор: как Вы смели. В свою очередь, и речемыслительное Я напрямую заявляет о своем существовании ("*Я Вас спрашиваю*"), но подчиняется опять-таки Я эмоциональному, которое демонстрирует свое негодование.

Поскольку слова отца – это не вопрос, постольку ответом на них не может служить пояснение того, к а к именно Джордж осмеливается упоминать имя Амелии в присутствии другой девушки. Ответ в таком духе был бы вызовом отцу. В качестве ответа отец ожидает, в конечном итоге, добиться повиновения сына. Однако Джордж реагирует не на скрытый смысл слов отца, равносильный требованию, а на словесное наполнение его речи и говорит:

– Stop, Sir, don't say 'dare', sir.

– Остановитесь, сэр, не произносите "как Вы смели", сэр.

Игнорируя требование, передаваемое обращенным к нему высказыванием отца, Джордж уже тем самым это требование отвергает, что является вызовом. Вызовом является и то, что Джордж выговаривает отцу за слово *dare*. От Джорджа-сына ожидается, что он не посмеет возражать против речевых формул, употребляемых отцом. Противоположностью Джорджа рассчитано на то, чтобы оказать на отца вполне определенное воздействие. Причем в данном случае воздействие адресуется в первую очередь речемыслительной составляющей Я Джорджа.

Вслед за этим Осборн-младший делает попытку закрепить мысль о том, что он выступает не в роли сына: Джордж поясняет, что такие слова, как *dare*, не могут адресоваться капитану британской армии:

– 'Dare' isn't a word to be used to a Captain in the British Army.

Говоря о том, что он капитан, Джордж использует в качестве приема речевого воздействия аргументацию, основывающуюся на статусных параметрах своей социальной роли. Джордж дает понять, что отец своими речевыми действиями задевает его статус. Тем самым Джордж обращается к Я речемыслительному отцу и указывает ему на то, что оно, это Я, нарушает правила речевого поведения по отношению к Я социальному Джорджа.

Вернемся к ремарке *Stop, sir, don't say 'dare', sir*. В этом предложении-высказывании социальное (и речемыслительное) Я Осборна-младшего делает акцент на употреблении вежливого обращения к отцу: "сэр". Очевидно, повторное обращение должно было бы символизировать наибольшую степень вежливости. На самом деле это повторение отражает скорее нарастающую степень протеста и негативных эмоций. Можно сказать, что повтор символизирует борьбу Я социального с Я психологическим Джорджа, причем Я психологическое энергично стремится пробиться в поверхностную структуру предложения-высказывания и продемонстрировать при этом свое негодование. Подавляя свое эмоциональное Я и говоря от имени своего Я социального, Джордж предстает как психологический Взрослый, однако не эта роль определяет существо его речевого поведения. Джордж бунтует против уготованной ему позиции вечно зависимого психологического Ребенка и социального дитяти и стремится утвердить свой социальный статус капитана армии и джентльмена. При этом он сердится, упи-

рается и спорит, доказывая, что он взрослый. Если бы он действовал с позиции Взрослого, Джордж обсудил бы ситуацию с отцом без гнева и раздражения, он разъяснил бы, почему не хочет жениться на мисс Суорц, и разъяснил бы разумно. Впрочем, это не так просто сделать, особенно если адресат – психологический Глухарь, который слышит только свою собственную песню.

Отец отвечает:

– I shall say what I like to my son.

– Я буду говорить своему сыну то, что захочу.

Он настаивает:

– I w i l l say what I like to my son.

– Нравится вам это или нет, я буду говорить своему сыну то, что захочу.

Отнюдь не случайно Осборн-старший употребляет в своей речи слово *сын*.

Это напоминание признано воздействовать на Джорджа в том плане, чтобы он исполнял свои сыновние обязанности, которые вытекают из социальной роли сына. Отец подкрепляет свои слова указанием на то, что финансы в его руках и он может оставить сына без гроша в кармане. Подобная угроза имеет прямое следствие для Я физического адресата, которое, в случае ее выполнения, может попасть в весьма неблагоприятные условия.

В ответ Джордж признает правомерность напоминания о том, что он остается сыном, но противопоставляет роли сына свой статус джентльмена:

– I'm a gentleman though I a m your son, sir.

– Я джентльмен, хотя и ваш сын, сэр.

Таким образом, он выступает в споре не только как сын, и уже тем самым напоминание отца о его сыновнем долге оказывается битым. В рамках анализируемой проблематики интересно отметить, что речемыслительное Я говорящего противопоставляет социальные роли сына и джентльмена, чтобы понудить Я речемыслительное (и Я социальное) адресата соблюдать те этикетные правила, которые охватывают взаимодействие с персоной, наделенной статусом джентльмена. А из этого, как можно предположить, вытекает требование более уважительного обращения с Джорджем, чем если бы он был наделен одним только статусом сына.

Затем Джордж высказывает "открытым текстом" свое настояние, чтобы отец облакал речь в формы, которые он, Джордж, привык слышать в своей роли джентльмена:

– Any communication which you have to make to me, or any orders which you may please to give, I beg may be couched in that kind of language which I am accustomed to hear.

– Всякого рода сообщения, которые вы имеете мне сделать, или приказания, какие вам угодно будет мне отдать, я попросил бы излагать таким языком, к которому я привык.

Итак, отвергнув естественно о ж и д а н и е отца, что сын будет выступать в предписанной ему роли, отвергнув затем н а с т о я н и е отца, чтобы он выступал в роли сына, молодой человек указывает отцу на то, что является джентльменом. Таким образом, статус джентльмена оказывается как бы выше статуса сына, и это обстоятельство фигурирует как основание для того, чтобы потребовать от отца не говорить "как Вы смели". Этот вызов усугубляется еще и тем обстоятельством, что Осборн-старший не является джентльменом в той же степени, что и его сын. (Отец создал для сына необходимые условия, которых сам он был лишен в свое время, и сын стал джентльменом, поднявшись выше своего отца.) Следовательно, Я социальное Осборна-старшего оказывается менее весомым, чем Я социальное Осборна-младшего. Нельзя, впрочем, не заметить, что такое развитие спора приводит к нарушению правила долга. Согласно ему, то, что человек является отцом (или матерью) перевешивает все остальные факторы и уж тем более статусные характеристики какой-либо социальной роли.

Нарушение правила долга, да еще столь явное, выводит в поверхностную структуру спора еще одну ось – нравственную. Отец напоминает:

– My father didn't give me the education you have had, nor the advantages you have had, nor the money you have had.

– Мой отец не дал мне образования, какое получили Вы, он не предоставил мне ни тех преимуществ, какие имели у Вас, ни тех денежных средств, какими располагаете Вы.

Таким образом, если Я социальное говорящего и уступает в весе Я социальному адресата, то сын оказывается призванным относиться к отцу с тем большим почтением. Затем Осборн-старший подчеркивает, что в его время джентльмен не оскорблял отца (*But it wasn't considered the part of a gentleman, in my time, for a man to insult his father.*) Безусловно, это противопоставление времен подразумевает и противопоставление нравов, которые, по мнению отцов, раньше были лучше. В то старое, доброе время роль джентльмена не подразумевала возможности оскорбительного отношения к родителям. Тем самым Осборн-старший снимает введенное Джорджем противопоставление ролей сына и джентльмена. Характеризуя само это противопоставление как следствие дурных нравов, свойственных новому времени, говорящий призывает Я социальное адресата изменить свою позицию и вести себя подобающим образом.

Осборн-младший не опровергает высказанную мысль. Он отвергает слова отца о том, что он, Джордж, его оскорбил (*I never insulted you, sir*), и поясняет:

– I said I begged you to remember your son was a gentleman as well as yourself.

– Я сказал, что прошу Вас помнить, что ваш сын такой же джентльмен, как и Вы сами.

Здесь впервые за время ссоры Джордж уравнивает свою позицию как сына и позицию своего отца: они оба являются джентльменами, а значит, и их Я социальные имеют тождественный статус, хотя бы в этой роли, в роли джентльменов. А раз так, то и Я социальное адресата (отца) оказывается призванным относиться к Я социальному адресанта как к своей равне.

Затем Джордж признает справедливость одного из высказанных отцом положений ("Я знаю очень хорошо, что Вы дадите мне кучу денег"), но лишь затем, чтобы нанести следующий удар ("Вы упоминаете об этом довольно часто, сэр. Незачем опасаться, что я это забуду!") Это дает основание Осборну-старшему снова подчеркнуть свое превосходство и командные позиции:

– I'm the master.

– Я хозяин.

Вслед за этим разгорается спор по поводу истории взаимоотношений Джорджа и Амелии Седли.

Весьма предварительно здесь могут быть сформулированы некоторые из тактических приемов оказания воздействия на адресата, примененные в рассматриваемом диалоге:

– повтор ("как Вы смели"; "я Вас спрашиваю, сэр");

– игнорирование части мысли, сформулированной в речи говорящего;

– атака на речевые формы и передаваемые ими смыслы;

– игра на различии социальных ролей с их различающимися статусными характеристиками: воздействие на адресата через посредство указания на его подчиненный или менее весомый социальный статус; воздействие путем акцентирования прав и обязанностей определенной социальной роли (сын – джентльмен); воздействие путем отождествления социальных ролей (мы оба джентльмены) как стимул адресату признать равные права партнера по коммуникации; опора на различие имущественного положения коммуникантов как средство подкрепить весомость своего статуса; указание на свою роль хозяина и распорядителя;

– опора на факт протекания общения на территории говорящего;

– игра на разнице психологических ролей: оказание давления на Я психологическое адресата посредством постановки его в зависимую роль психологического Ребенка;

– совмещение позиции Родителя (наделенного, по природе и установлению, правом указывать Детям как им себя вести и требовать от Детей выполнения действий, которые, как считает Родитель, будут содействовать их благу) с позицией Ребенка, который то грозит адресату новыми выходками, если его желания не будут удовлетворены беспрекословно и немедленно, то обрушивает на адресата безудержный гнев, причем устами авторитетного Родителя.

Подытоживая сказанное, можно заключить, что речевое воздействие являет собой многомерный фактор коммуникации, и его исследование и описание может производиться с позиций лингвистики общения с привлечением понятий множественности личности коммуниканта, стратегии и тактики речевого общения, ролей (психологических и социальных), исходного смысла и смысла-следствия.

Реализация изложенного подхода позволяет углубить и расширить толкование смысла и функционирования предложения-высказывания. А это, в свою очередь, позволяет приблизиться к выявлению моделей человеческого общения. Однако в настоящее время мы можем лишь постулировать существование подобных моделей, само же их описание – это задача будущих разысканий.

Как представляется, модели человеческого общения могут исследоваться с позиций различных наук: логики, философии, социологии, психологии, психиатрии, истории культуры, филологии. Лингвистика общения стремится к интеграции этих отраслей человеческого знания в тех их частях, которые наиболее близки к проблемам толкования смысла языковых выражений и интерпретации коммуникативного процесса. Таким образом, одной из целей лингвистики общения является вычленение основополагающих принципов, а также необходимых, но недостаточных факторов, при помощи которых можно было бы анализировать человеческое общение, манифестирующееся в предложении-высказывании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Леонтьев А.Н.* Некоторые психологические вопросы воздействия на личность // Проблемы научного коммунизма. Вып. 2. М., 1968.
2. *Андреева Г.М.* Социальная психология. М., 1980.
3. *Шерток Л., Соссюр Р.де.* Рождение психоаналитика. От Месмера до Фрейда. М., 1991.
4. *Стриженко А.А.* Роль языка в системе средств пропаганды. Томск, 1980.
5. *McQuade D., Atwan R.* Popular writing in America. The interaction of style and audience. N.Y., 1974.
6. *Richmond V.P., McCroskey J.C., Kearney P., Plax T.G.* Power in the classroom // Communication education. 1987. V. 36. N 1.
7. *Головин Б.Н.* Основы культуры речи. М., 1980.
8. *Гальперин И.Р.* Очерки по стилистике английского языка. М., 1958.
9. Античные риторика / Под ред. Тахо-Годи А.А. М., 1978.
10. Speech act theory and pragmatics / Ed. by Searle J.R., Kiefer F., Bierwisch M. Dordrecht, 1980.
11. *Булыгина Т.В.* О границах и содержании прагматики // ИАН СЛЯ. 1981. № 4.
12. *Тарасова И.П.* Смысл предложения-высказывания и коммуникация: Автореф. дис... докт. филол. наук. М., 1992.
13. *Берн Э.* Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы. М., 1988.
14. *Тарасова И.П.* Структура смысла и структура личности коммуниканта // ВЯ. 1992. № 4.
15. *Katz J.J.* On defining "presupposition" // Linguistic inquiry. 1973. V. IV. N 2.
16. *Quirk R., Greenbaum S., Leech G., Svartvik J.* A grammar of contemporary English. L., 1972.
17. *Дејк Т. ван.* Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. VIII: Лингвистика текста. 1978.
18. *Кондаков Н.И.* Логический словарь-справочник. М., 1975.
19. *Ervin-Tripp S.M.* Sociolinguistic rules of address // Sociolinguistics. Selected readings / Ed. by Pride J.B. and Holmes J. Harmondsworth, 1972.

© 1993 г. ПОТАПОВ В.В.

**ЯЗЫКОВАЯ СПЕЦИФИКА СТРУКТУРНО-КОМПОНЕНТНОЙ
АКТУАЛИЗАЦИИ РИТМА РЕЧИ**

Одним из перспективных направлений в языкознании, привлекающим в последние десятилетия особое внимание лингвистов, является исследование различных аспектов звучащей речи. В ряду проблем, касающихся ее изучения, значительная роль принадлежит проблеме ритмической организации речи.

Ритм является важным показателем выражения специфических особенностей перцептивной и акустической (в частности, просодической) структурированности речи в различных формах словесного творчества. При этом под ритмом звучащего прозаического текста подразумевается специфика распределения во времени определенных речевых сегментов (например, звуков, слогов, ритмических структур и т.д.), и их фонетического (качественного и количественного) выражения. С данных позиций изучение ритма звучащего текста, т.е. текста в его устно реализуемой форме, представляет особую сложность и заслуживает самого пристального внимания лингвистов.

В настоящем исследовании в качестве базовой единицы описания ритмической организации высказывания рассматривается ритмическая структура (РС), понимаемая как одно или несколько слов (полнозначных или служебных), объединенных одним словесным ударением [1]. Термин "ритмическая структура" в отличие от родственного термина "фонетическое слогу" подчеркивает принадлежность данной единицы к системе единиц ритма и позволяет представить ее как структурно организованный звуковой и слоговой комплекс. Интерес последних лет к изучению единиц ритма, анализ их особенностей свидетельствуют о целесообразности выделения РС в качестве базовой единицы ритма, ибо данная единица является носителем смысла и одновременно носителем просодической информации; она относительно дискретно актуализируется в речевом высказывании и может быть выделена из контекста; РС может функционировать самостоятельно (т.е. выступать в роли слова-фразы), а также входить в состав целостного текста, выполняя определенные ритмические и семантические функции. В речевой коммуникации РС является одновременно как единицей речеобразования, так и единицей речевосприятия [1].

В качестве более крупной единицы, в рамках которой осуществляется анализ исследуемого языкового материала, выступает синтагма, рассматриваемая Л.В. Щербой как "фонетическое единство, выражающее смысловое целое в процессе речи-мысли" [2]. Многие фонетисты подчеркивают, что синтагма представляет собой единицу смыслового и формального плана одновременно, а способность образовывать интонационно-смысловое единство рассматривается как одно из основных ее свойств. Синтагма предполагает наличие либо одной РС, либо нескольких РС, выражающих относительно законченное смысловое целое, которое может быть вычленено аудиторами при прослушивании текстов, а также на уровне акустического эксперимента. В качестве основных параметров, характеризующих синтагму, будут рассмотрены величина синтагмы по числу РС и слогов, и порядок следования РС в синтагме, т.е. типы ритмических схем синтагм (РСС).

Экспериментальное изучение речи последнего десятилетия подтвердило тот

факт, что звучащая прозаическая речь характеризуется определенным ритмом [3–7]. Эта специфика обусловлена сочетанием физиологических факторов речепроизводства, артикуляционной базой языка, звукового и слогового состава, а также всей фонетико-фонологической структурой языка. Ритм прозаического текста, трактуемый в нашем исследовании как распределение во времени специфических качественных и количественных признаков различных фонетических единиц, рассматривается с позиций внутренне организованной иерархической структуры. Базовый уровень в иерархии ритмического членения речи (уровень слогового ритма) непосредственно взаимодействует с уровнем синтагматического и фразового ритма, который в свою очередь коррелирует с логико-семантическими и синтактико-грамматическими особенностями языка. Ритмический компонент органично "вплетен" в интонационную ткань речевого высказывания. Все уровни тесно взаимосвязаны, взаимозависимы и образуют целостную ритмическую структуру [8, 9].

В настоящее время исследователи выделяют три основных аспекта ритма: чередование, группировка и временное моделирование. Эти понятия используются в разработке проблемы ритма речи, например, у И. Лехисте [10], согласно концепции которой ритм сводится к чередованию интервалов времени ударных слогов и интервалов, заполненных безударными слогами, разделяющими ударные слоги. Подобное чередование интервалов времени образует основу для группирования слогов в языках, где ударение выступает в качестве важнейшей структурной характеристики. Р. Дауер [11], рассматривая ритм при сопоставлении различных языков, расширяет основу для группирования, включая наряду с ударением и другие аспекты языковой структуры. Возможно, что во всех языках слоги группируются в большие единицы, даже если основа для группирования несколько отличается от фактора ударения. Повторение определенных звуков, слогов, грамматических маркеров или интонационной модели также может быть использовано для группирования слогов в большие единицы [11].

Специальная литература в области ритма речи располагает многообразием терминов для обозначения ритмической единицы, служащей мерой отчета: "phonetic word", "rhythmic group", "foot", "stress group", "rhythmical unit", "accentual group" – в английском языке, "фонетическое слово", "ритмическая группа", "акцентная группа", "такт" и другие – в русском языке.

В зависимости от локализации ударного слога в рамках, например, такта, предлагается следующая дифференциация языков [12, 13].

1. Языки, характеризующиеся главным образом нисходящими тактами, где ударный слог располагается в начале такта. Наиболее ярким примером для языков с нисходящим тактом является чешский язык:

Préd jeskyní | bylo tlicho; ||mužovélodešll | hnedl zránal¹.

2. Языки преимущественно с восходящим тактом. В этом случае ударный слог локализуется в конце такта. Примером может служить французский язык.

Sur le cadran, | il y a deux aiguilles: ||une petite aiguille| qui marque les heures, ||et une grande aiguille| qui marque les minutes||.

3. Языки, характеризующиеся наличием "окруженных" тактов, где ударный слог приходится чаще всего на середину слова. Например, польский язык:

Terenem, |lna którym|l rozgry wa się|l akcja|l powieści, || jest dawna|l gubernia|l kielecka, || a przed|l wszystkim|l osada|l fabryczna|l Poręba||.

4. Языки, в которых одновременно встречаются все три вида речевого такта. Например:

русский язык: Куда|хочет| схаты| хозяин?||

¹ Ударный слог подчеркнут одной горизонтальной линией; РС отграничены друг от друга одной вертикальной линией; границы между синтагмами обозначены двумя вертикальными линиями (абсолютная пауза).

английский язык:

Quickly! hurry up-ll it's all right! don't worry!

немецкий язык:

Die schönen! Sommertage! sind schon! zu Ende!

Сложность проблемы заключается еще и в том, что при исследовании речевого ритма возможно использование различных минимальных базовых единиц в зависимости от типа ударения в тех или иных языках, разного понимания ритмического членения и концептуальных подходов к изучаемому объекту.

Несмотря на разнообразие точек зрения по вопросу выделения элементарных базовых единиц ритма, можно утверждать, что все они объединены унифицированным подходом к определению основного фактора, маркирующего ритмический компонент речи. Таким фактором является ударение, что естественно вытекает из самой природы речепроизводства и речевосприятия. Как известно, восприятие ударения предполагает не абсолютную, а относительную выделенность слова, которая идентифицируется на речевом отрезке, не меньше, чем элементарная ритмическая единица [14, 15], а иногда и больше [9]. Ударение, выступая как структурное соотношение слогов по длительности, громкости, высоте тона и качеству звуков, одновременно конституирует элементарную ритмическую единицу и создает иерархичность ее фонетической структуры [16].

Нельзя не отметить и тот факт, что существует определенная традиция, основателем которой является К.Пайк, в рамках которой все языки дифференцируются на тактосчитающие и слогосчитающие. Можно предположить, что ритмическая актуализация речи на любом языке является ритмизованной в том смысле, что определенные речевые единицы имеют более или менее равную временную экспликацию. В языках, характеризующихся как тактосчитающие, интервалы между ударными слогами считаются приблизительно идентичными по времени (ср., например, английский [10, 11, 17, 18], немецкий [9], шведский [20]). В других языках, характеризующихся как слогосчитающие, слоги эксплицируются как приблизительно равные по длительности, примерно изохронные (например, испанский [21] и французский [22]). В языках, подобно французскому, где имеется скорее восходящий, чем нисходящий ритм, ритмические единицы могут быть определены как состоящие из одного ударного и всех предшествующих безударных слогов [22]. Ударные группы часто соединяют границы слов, которые не рассматриваются как основные единицы ритма, хотя и признается влияние границы слов [23].

В исследованиях на материале английского языка считается, что ритмические единицы содержат один ударный слог, а все последующие – безударны вплоть до следующего ударного слога [11].

Согласно американской и английской фонетической традиции исходной минимальной единицей ритма выступает, как правило, ритмическая группа ("rhythmic group") – группа слогов, представляющая собой речевой отрезок от одного словесного ударения до другого, в результате чего границы ритмических групп достаточно часто проходят внутри фонетического слова и объединяют части фонетических слов (ритмических структур). Результаты акустического и перцептивного экспериментов обнаружили относительную изохронность вышеуказанных отрезков речевого высказывания.

Вместе с тем эксперименты по определению длительности сегментов, равных ритмической структуре, на материале английской художественной прозы дают тот же результат относительно изохронности отрезков речи, равных ритмической структуре (фонетическому слову). Аудитивные опыты подтвердили эти данные. Ранее проведенный специальный эксперимент по сегментации текста на ритмические структуры при условии подавления речевого сигнала шумом, а также эксперимент на материале псевдотекстов подтвердили положение об организующей роли словесного ударения для слогов ритмической структуры, что

и создало возможность сегментации указанных текстов на ритмические структуры [8,9].

Еще одним важным моментом при выявлении базовой ритмической единицы речи является разграничение ритмической единицы применительно к речи в прозе и поэзии. По мнению Р.О. Якобсона [24], стих и поэзию следует рассматривать как творчески используемую систему ограничений, которые накладываются на язык. Стиховая ритмика основана на общих закономерностях ритмической организации речи. Но для стиховой речи (в отличие от речи прозаической) характерно наличие не только ритма, но и метра (размера). Сопоставление ритма прозы и ритма поэзии (ритмическая структура языка и метрическая структура поэзии) проводилось в работах И. Лехисте [10]. Сначала исследовались черты сходства и различия между ритмом разговорной речи и ритмической структурой устной стихотворной речи. Далее брались различия между прозой и поэзией, с одной стороны, и поэзией, построенной по принципу свободного стиха или основанной на классическом метре (трохеическом), с другой. В результате проделанных экспериментов получены основные выводы, согласно которым длительность метрической стопы стиха менее вариативна, нежели длительность того же отрезка речи, построенного в форме прозы. Усредненная суммарная длительность метрических стоп стихотворных текстов превышает ту же характеристику в текстах, реализуемых в прозе.

Экспериментальные исследования прозаического и стихотворного текстов на материале русской художественной литературы [8] также показали, что поэтическая речь обладает специфическими особенностями строения звучащего текста, выражающимися: 1) в увеличении времени звучания всего текста за счет гласных звуков, преимущественно ударных, и гласных, завершающих синтагму; 2) в особенностях спектральной картины ударных гласных звуков, где постоянно наблюдается увеличение суммарной энергии за счет расширения частотных областей первой и второй формант, а также возрастание роли частотной области четвертой форманты; 3) в особенностях употребления типов ритмических структур; 4) в специфике интонационного оформления; 5) в смене тесситуры. Анализ ритмической организации прозаических и стихотворных текстов обнаруживает и еще одно существенное различие: в стихотворном тексте в несколько раз меньше ритмических схем синтагм, чем в прозаических текстах [8]. Таким образом, различия между стихотворным и прозаическим текстами объясняются метроритмической, ритмо-синтаксической, строфической организацией стихотворного текста, которая влияет на фонетическую актуализацию стихотворной речи.

Следовательно, поэтическая речь в целом отличается от прозаической следующими взаимосвязанными свойствами: а) замедленным темпом, б) монотонностью (интонационной нейтральностью, выровненностью), в) строгой системой паузирования, г) интонационной выделенностью почти каждого полнозначного слова, д) нейтрализацией логического и фразового ударения [8, 25].

Вопрос о членении речевого потока на дискретные единицы вообще и ритмические единицы в частности непосредственно связан с вопросом функционирования пограничных сигналов. Например, на основании сравнения двух словесных структур – древнеиндийской и рунической – устанавливается следующая закономерность: максимальная акцентная организация слова предполагает наличие минимального количества пограничных сигналов; минимальная акцентная характеристика слова предполагает наличие максимального количества пограничных сигналов [26, с. 94]. Синхронные исследования в этом направлении говорят о том, что при определении границ тех или иных языковых единиц можно опираться на акустические характеристики стыковых звуков [10, 15, 27]. Однако выделение границ определенным акустическим пограничным сигналом является необязательным и, по мнению некоторых исследователей, зависит от семантического фактора [28].

Трудности, связанные с определением объективных границ ритмических структур на акустическом уровне, невозможность их точного установления на уровне восприятия (если только границы ритмической структуры не совпадают с паузой) дают основание предполагать, что вычленяемость ритмической структуры в речевом континууме обеспечивается совокупностью просодических признаков, маркирующих данную ритмическую структуру. При этом различия между ритмическими структурами в разных видах речи должны проявляться в специфических особенностях их просодического оформления, что, однако, не отрицает возможного сходства отдельных компонентов этого оформления. Исследование просодических признаков, присущих ритмической единице каждого конкретного языка и отличающих ее от соответствующих единиц в других языках, представляется тем более реальным, что набор классов ритмических структур² в речи ограничен.

Обращаясь к ритмической актуализации речевого высказывания, следует прежде всего принять во внимание наличие различных типов текста. Подобно тому как предложения разделяют на экзистенциальные, предикативные, идентифицирующие, предложения тождества и др., тексты классифицируют как по функциональным стилям, так и по характеру информации [29]. Выбор и объединение в одну группу публицистических и научно-технических текстов применительно к нашему исследованию связаны с тем, что речевое общение (и это совпадает с точкой зрения многих лингвистов [30]) распадается на некоторое количество основных сфер использования языка, в которых реализуются соответствующие типы речи. При этом важно отметить, что ряд лингвистов, например, Е. Бенеш, склоняется к трехчленной исходной системе сфер общения: "сфера бытовых отношений", "сфера производственной и общественно-политической деятельности" и "сфера эстетически обусловленного применения языка" [31].

В ходе исследования экспериментальные тексты ($n = 40$ для каждого языка) читывались в безэховой камере носителями литературного происхождения исследуемых языков ($n = 15$ для каждого языка). Через три месяца после проведения записи те же испытуемые участвовали в аудиторском анализе текстов, цель которого заключалась в прослушивании всего материала, коррекции допущенных произносительных ошибок и повторном воспроизведении откорректированного материала. Далее проводился слуховой анализ, задача которого заключалась в фиксации ударных слогов и членении предъявляемых звучащих текстов на минимальные речевые фрагменты – цепочки слогов, объединенных одним ударением. Слуховой анализ многократно проводился бинаурально по двум программам: а) запись предъявляемых фраз текста и их последующее членение на РС и синтагмы; б) членение звучащего текста на минимальные речевые отрезки, объединенные одним ударением, с ориентацией на письменный текст, напечатанный без заглавных букв, знаков препинания и пробелов, т.е. как непрерывная цепочка буквенных символов.

Экспериментальные данные по членению потока речи на РС на материале трех славянских языков с опорой на языковое сознание носителей языка также сопоставлялись с некоторыми ранее проведенными исследованиями других авторов и собственными наблюдениями на материале германских языков.

Для публицистических и научно-технических текстов по сравнению с текстами художественной прозы наблюдается расхождение по классам РС, образующим группу наиболее частотных структур (в публицистических и научно-технических текстах в эту группу входят наряду с одно-, дву- и трехсложными РС также РС с большим числом слогов по сравнению с текстами художественной прозы); для чешского языка наблюдается более специфическое распределение РС по

² Тип РС – условная запись РС в виде дроби, числитель которой соответствует количеству слогов, а знаменатель – номеру ударного слога.

Распределение классов и типов РС на материале публицистических, научно-технических текстов и текстов художественной прозы в чешском, болгарском и русском языках (%)

Классы и типы РС	Языки					
	Чешский		Болгарский		Русский	
	Публицистические и научно-технические тексты	Тексты художественной прозы	Публицистические и научно-технические тексты	Тексты художественной прозы	Публицистические и научно-технические тексты	Тексты художественной прозы
1/1	2,1	15,2	–	13,8	2,9	13,0
2/1	19,4	40,6	12,3	13,8	12,9	16,8
2/2	–	3,8	6,1	10,6	8,8	21,3
3/1	39,4	17,1	4,0	2,3	5,2	6,0
3/2	3,1	7,6	12,3	16,5	14,7	19,6
3/3	–	–	3,5	2,0	3,3	7,0
4/1	15,2	5,7	3,0	1,3	1,7	1,8
4/2	5,2	5,7	13,2	16,6	16,4	4,0
4/3	–	0,3	12,0	11,7	9,4	9,2
4/4	–	–	–	1,3	1,7	1,4
5/1	7,8	1,1	–	–	–	–
5/2	2,6	–	5,7	7,8	2,3	–
5/3	–	–	10,4	10,9	4,7	5,0

сравнению с русским и болгарским языками, а также более контрастное распределение РС по их частотности для текстов обеих разновидностей (публицистических и научно-технических, с одной стороны, и художественных, с другой); для болгарского языка по признаку частотности РС между публицистическими и научно-техническими текстами и текстами художественной прозы обнаруживается менее четкая дифференциация (см. табл. 1).

При рассмотрении классов РС в исследуемых текстах удалось установить, что для чешской речи основным массивом РС с максимальной слоговой длиной являются дву- и трехсложные РС; для болгарской речи – дву-, четырех-, пятисложные; для русской речи – дву-, трех- и четырехсложные. Высокую частоту употребления в английском языке имеют односложные структуры, например, *hob, hold, home, neat, neck, set, soap* и т.д. Частотное функционирование односложных ритмических структур объясняется наличием дифтонгов, а также односложных корневых морфем в английском языке.

Сопоставление ритмической схемы синтагм (РСС) с учетом специфики РС позволило обнаружить следующее: наиболее частотные РСС в чешском языке состоят из двух РС (3/1 3/3; 4/1 3/1; 2/1 4/1 и т.д.), из трех и четырех РС (3/1 3/1 3/1; 3/1 4/1 6/1; 2/1 3/2 4/1 и т.д.).

Для РСС болгарского языка наблюдается иная картина: в синтагмах из двух РС изменяется тип РСС (2/1 4/3; 2/1 3/2; 3/1 5/2 и т.д.), в синтагмах из трех РС прослеживается то же самое (2/1 3/3 2/2; 3/2 3/1 2/1; 4/2 4/3 4/3 и т.д.). Среди наиболее частотных РСС в русском языке были выделены РСС, состоящие из двух РС (3/2 2/1; 3/2 3/1; 3/3 3/2 и т.д.) и из трех РС (2/1 3/1 3/2; 2/1 2/3 5/3; 2/1 1/1 5/2 и т.д.).

Наименее представлены в чешской речи синтагмы из девяти РС, в болгарской речи – из одиннадцати и двенадцати РС, в русской речи – из девяти, десяти и двенадцати РС (см. табл. 2).

Распределение синтагм с учетом числа содержащихся в них РС на материале публицистических и научно-технических текстов в чешском, болгарском и русском языках по данным слухового анализа (%)

Языки	Число РС в синтагме (PCC)										
	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Чешский	18	15	24	12	11	6	11	3			
Болгарский	25	22	6	6	8	14	8		6	3	3
Русский	20	18	12	12	8	8	4	2	2		2

Анализ слоговой длины синтагм показал, что в чешских текстах синтагмы из двух РС состоят в среднем из 7,6 слогов, из трех РС – из 10 слогов. В болгарском языке синтагмы, содержащие две РС, состоят в среднем из 7 слогов, три РС – из 12, 6 слогов. В русском языке синтагмы, включающие две РС, имеют в среднем 7 слогов, три РС – 9,9 слогов. Общим из исследуемых языков является преобладание синтагм, состоящих из двух РС. Русский и болгарский языки объединяет признак большей частотности синтагм, состоящих из трех РС. Ядром всех реализованных в текстах синтагм для трех славянских языков можно считать массив синтагм дву- и трехчленного ритмико-структурного типа, а периферией – все остальные виды.

Несомненный интерес представляла также задача выявления определенных тенденций в закреплённости РС за позициями начала и конца синтагмы в исследуемых языках. При этом предполагалось, что специфика языкового ритма формируется не только преобладанием определенных классов и типов РС, но также и их предпочтительным употреблением в рамках синтагмы, где в качестве гипотетически маркированных теми или иными РС позиций можно рассматривать начало синтагмы, куда входят первая и следующая за ней РС, и конец синтагмы, включающий предпоследнюю и последнюю РС.

Опираясь на полученные данные, чешскую синтагму можно было бы представить в виде следующей формализованной условной схемы:

$$3/1 \ 2/1 \dots \ n/n \dots \ 2/1 \ 3/1$$

Болгарская синтагма может быть представлена в виде схемы:

$$n/2 \ (n/3; \ n/1) \ n/2 \ (n/3; \ n/1) \dots \ n/n \dots \ n/3 \ (n/2; \ n/1) \ n/3 \ (n/2; \ n/1)$$

Схема русской синтагмы выглядит следующим образом:

$$n/2 \ (n/3; \ n/1) \ n/3 \ (n/2; \ n/1) \dots \ n/n \dots \ n/2 \ (n/3; \ n/1) \ n/2 \ (n/1; \ n/3)$$

Реальное основание применимости количественного изучения языка в речи следует усматривать в том, что частоты различных элементов языка в речевом потоке подчиняются, по-видимому, тем или иным статистическим законам [32]. Именно поэтому полученные опытным путем данные, например, о частотах и вероятностях частей речи, говорят о колебаниях частоты каждого изучавшегося элемента языка около некоторой средней величины, причем колебания эти, как правило, статистически закономерны. В специальной литературе представлен в основном анализ частей речи, содержащихся в произведениях художественной литературы [34–36]. Аналогичная работа на материале публицистических и научно-технических текстов проводилась в меньшей степени. С этой точки зрения представлялось целесообразным рассмотреть грамматический (в частности морфологический) состав РС в исследуемых текстах. В результате сопоставительного анализа морфологического состава РС нами установлено, что для публицистических и научно-технических текстов характерно существенное преобладание РС – имен существительных. Эта грамматико-ритмико-струк-

турная доминанта присуща чешскому, болгарскому и русскому языкам в равной степени. Для текстов художественной прозы характерно функционирование более частотных РС – глаголов. В то же время для текстов художественной прозы РС характеризуются большим грамматическим спектром (например, более широкой комбинаторикой служебных и знаменательных частей речи). Для публицистических и научно-технических текстов второе место по частотности, как правило, занимает имя прилагательное, образующее самостоятельную РС. Для текстов художественной прозы подобной картины не наблюдается. Наиболее частотным сочетанием частей речи в составе РС является сочетание предлога с существительным. Данная ситуация характерна для всех публицистических и научно-технических текстов, а также текстов художественной прозы во всех исследуемых языках. Довольно часто второе место по частотности занимает сочетание предлога с прилагательным. Сочетание трех и четырех частей речи в одной РС встречается очень редко в публицистических, научно-технических текстах и текстах художественной прозы. Самым частотным сочетанием трех частей речи является сочетание союза, предлога и существительного. Здесь можно упомянуть также и сочетание союза, предлога (или местоимения) и прилагательного. Сочетания знаменательных частей речи (например, сочетания двух существительных, двух глаголов, двух местоимений) в ритмико-структурной организации текстов встречаются довольно редко.

Таким образом, частотность РС с учетом их морфологического состава обнаруживает вполне определенные тенденции. В то же время стилистическая дифференциация текстов может влиять в известной степени на использование тех или иных частей речи, образующих определенные РС. Сопоставление данных с учетом максимальной частотности частей речи и РС позволяет выделить на материале анализируемых языков два массива РС: первый образуют РС с меньшим числом слогов (от одного до трех), представленные существительным, прилагательным и глаголом, второй – РС с числом слогов, большим трех, представленные как вышеуказанными частями речи, так и сочетаниями служебных и знаменательных частей речи. Первый массив РС характерен в основном для чешского языка, второй – для чешского, болгарского и русского. Последний имеет более широкий диапазон РС, включающих свыше шести слогов с опорой на сочетания различных частей речи. Рассмотрение частотности частей речи и их комбинаторики в рамках РС дает основание полагать, что в болгарском языке преобладают РС составного грамматического типа, в русском языке, как правило, – простого грамматического типа, в чешском – комбинированного типа, т.е. с приблизительно равной степенью простых и сложных форм. Исключением являются РС, включающие сочетания предлога с именем существительным.

Вследствие аналитизма болгарского языка ритмическая структура в сравнении с русским и чешским организована по-другому: почти 50% ритмических структур болгарского языка – это структуры с клитиками, объединяющие от двух до четырех словоформ; в русском языке этот показатель в два раза меньше. Для болгарского языка характерно активное участие клитик, оканчивающихся на гласный. Предлог *на*, частицы *да*, *се*, глаголы-связки *са*, *е* и др., широкие гласные [а], [е] в этой позиции способствуют увеличению фонетической самостоятельности клитик и реализации специфических явлений сандхи на стыке клитики и знаменательного слова. Речь идет об ослаблении коартикуляции слогов на стыках или реализации межсловной паузы (на 20–30 мс). Структуры с клитиками в потоке русской речи характеризуются слитностью элементов: в некоторых случаях клитики имеют характер подвижных префиксов и суффиксов; они как бы растворяются в структуре и слитная единица становится тождественной слову.

Существенное влияние морфологического фактора и на восприятие языка

экспериментально подтверждается в некоторых работах [37]. Например, для русского и для немецкого существенны факторы "ударная гласная", "частотность", "часть речи" и некот. др. Выдвигалась даже гипотеза о наличии универсалий или во всяком случае фреквенталий (термин Б.А. Серебренникова) в процессе восприятия. Однако показатели по факторам существенно отличаются. Наличие отделяемых приставок, широко распространенное словосложение, отделяемость грамматического показателя – артикля – от лексемы в немецком языке влияют на возникновение у носителей языка опоры на морфологические части слова. Таким образом, русские осуществляют перцептивную опору в речевом ритме как на слог, так и на морфему, но на слог в 1,5 раза чаще, а немцы – в основном только на морфему.

Для русского языка самая тесная зависимость существует между восприятием слова и его длиной в слогах. Для немецкого связь распознавания с длиной в слогах незначительна, а с длиной в морфемах – весьма существенна.

В связи с этим можно предположить слоговую ритмическую ориентацию для носителей русского языка и морфемную – для носителей немецкого.

Следует обратить внимание на лексический состав ритмических структур в английском языке [9, 38]. Наиболее часто встречаются случаи, когда ритмическая структура равна словоформе. Представляет также большой интерес объединение в одну ритмическую структуру двух, а иногда и трех словоформ, причем обычно это свойственно служебным и знаменательным словам, однако возможно объединение и двух знаменательных словоформ, хотя это бывает значительно реже.

Нередко объединяются в единую ритмическую структуру последовательности из трех словоформ: двусложный предлог, односложное числительное и односложное существительное с ударением на существительном (случай проклитики). Сочетание из трех словоформ может быть с энклитикой, например, при такой последовательности, как глагол под ударением, односложный предлог, двусложное местоимение. Четыре словоформы образуют одну ритмическую структуру довольно редко. Это, в частности, три проклитики: союз, местоимение, частица, которые объединяются с наречием, стоящим под ударением.

Все вышеизложенное позволяет предположить, что ритмико-структурная специфика того или иного языка обусловлена в значительной степени его грамматическим строем. Разнообразие РС языков аналитического типа является следствием широкого употребления служебных частей речи в сочетании со знаменательными, что подтверждают результаты наших исследований болгарского языка, грамматический строй которого характеризуется аналитическим типом именного и местоименного склонения, а также данные, полученные ранее при анализе английского языка. Для языков синтетического типа (например, русского) специфика РС скорее вызвана разнообразием флексивных форм в комбинации с предлогами, союзами и т.д. Приблизительно такая же картина наблюдается и в чешском языке. Следовательно, формирование ритмических особенностей зависит не только от просодических факторов, но также и от специфики грамматического строя того или иного языка.

Основная задача заключалась также и в том, чтобы выявить характер изменений длительности, частоты основного тона (ч.о.т.) и интенсивности в рамках РС и РСС в каждом из трех рассматриваемых языков на материале различных типов текста. Анализировались следующие параметры: длительность [абсолютная суммарная длительность РС, относительная (нормированная) суммарная длительность РС, абсолютная длительность гласных в РС, относительная длительность гласных в РС, средняя длительность гласных в синтагме и др. (см. табл. 3)].

Проведенный анализ позволил установить, что РС в потоке чешской речи маркирована на двух участках начала и конца структуры, но разными просоди-

Распределение просодических параметров в анализируемых текстах на материале чешского, болгарского и русского языков

Языки \ Параметры	$t_{\text{вок.}}$ (в %)	$\bar{t}_{\text{вок.}}$ (мс)	\bar{t}_{PC} (мс)	\bar{p}_{PC} (в син таг-мс)	$\bar{t}_{\text{сл.}}$ (мс)	$J_{\text{вок.}}$ (в PC)	$\bar{F}_{0\omega}$ (в пт в синт.)	$\bar{F}_{0\omega}$ (в пт. на гр. м/ж PC)	$\bar{F}_{0\omega}$ (в пт. внутри PC)
Чешский	48	60	550	7	160	35	0-3	1-3	0-1
Болгарский	36	60	517	5	137	34	0-5	0-4	0-4
Русский	43	80	654	5	205	41	0-8	2-5	1-8

чешскими средствами: положительным или отрицательным мелодическим интервалом на границе PC (в 75% случаев), падением интенсивности на конечном участке PC (в 75% случаев), увеличением длительности конечной гласной или сонанта в PC (в 50% случаев). Чешские PC регулярно имеют два просодически маркированных участка: начальный и конечный. Эти участки образуют как бы просодическую "рамку", воспринимаемую на слуховом уровне.

На протяжении реализации синтагмы в чешских научно-технических и художественных текстах прослеживается, как правило, равная выделенность слогов по их интенсивности. Значения ч.о.т. обнаруживают тенденцию к сглаженному контуру – монотону. Наблюдается также изохронность PC и ударных гласных в составе PC. Следует отметить тот факт, что длительность ч.о.т. и интенсивность PC в научно-технических звучащих текстах обладают более сходными значениями, чем в текстах художественной прозы.

Для PC в болгарском языке обнаруживаются явления двоякого рода – общие для разных типов текста и специфические. В первом случае можно говорить о стабильном характере акустической выделенности ударного гласного всеми просодическими средствами и особенно длительностью и интенсивностью, во втором – о разнице в структурном соотношении этих средств. Наличие большего динамического диапазона на ударных гласных PC и большего контраста по длительности между безударными и ударными гласными в PC способствует созданию эффекта большей выразительности при устной реализации публицистических текстов по сравнению с научно-техническими. Об этом свидетельствует также более широкий диапазон изменений ч.о.т. в полутонах (от 1 пт до 10 пт в публицистических текстах и от 1 пт до 5 пт в научно-технических).

Сопоставление суммарной длительности каждой PC в синтагме показало отсутствие изохронности PC в болгарской речи, что прямо противоположно наличию изохронности PC в чешской речи. К числу языковой специфики следует отнести также большую степень мелодической вариативности и больший мелодический диапазон в болгарской речи по сравнению с данными параметрами в чешской. Различны и способы реализации ударения в PC, локализующиеся на самом ударном гласном и имеющие максимальные значения в болгарской речи и функционирующие на участке перехода от конечного гласного одной PC к началному гласному соседней PC в потоке чешской речи. К специфике просодического оформления PC в чешской речи относится, как было указано выше, маркированность ее начала и конца. Для болгарской же речи характерно отсутствие регулярных просодических признаков подобного рода.

Просодическая выраженность с учетом типов текстов в обоих языках характеризуется одной и той же тенденцией: большей маркированностью PC в публицистических звучащих текстах и соответственно меньшей – в научно-технических.

Для РС в рамках синтагмы в русской речи обнаружено, что длительность РС в синтагме сильно варьирует и зависит главным образом от слоговой длины РС. Этот факт оказывает более сильное влияние на формирование суммарной длительности РС, чем позиционный фактор.

Сравнение просодических характеристик РС в трех языках проводилось с учетом следующих параметров: длительности вокалического состава синтагмы (%), средней длительности гласного, суммарной длительности РС, числа гласных и слогов за единицу времени, средней длительности слога, суммарной интенсивности РС, диапазона ч.о.т. в синтагме, интервала ч.о.т. на стыке между РС и др.

По параметру суммарной длительности гласных в синтагме анализируемые языки характеризуются следующим распределением:

	$\bar{t}_{\text{вокализма}}$	$\bar{t}_{\text{консонантизма}}$
Болгарский язык	36%	64%
Русский язык	43%	57%
Чешский язык	48%	52%

Общим является то, что время реализации гласных в потоке речи на материале трех языков меньше по сравнению со временем реализации согласных. Прямо противоположные позиции занимают болгарский и чешский языки: минимальное время звучания гласных – в болгарском, максимальное – в чешском. Русский язык находится как бы в промежуточном положении, превосходя по времени звучания гласных болгарский язык и уступая чешскому. Наибольший контраст по времени реализации вокализма и консонантизма в потоке речи присущ болгарскому языку.

Сравнение значений средней длительности гласных на материале анализируемых текстов в трех языках показало, что наибольшей средней длительностью гласных характеризуется русский язык ($\bar{t}_{\text{гл.}} = 80$ мс). Болгарский и чешский языки по данному параметру не различаются ($\bar{t}_{\text{гл.}} = 60$ мс). Иными словами, при реализации всех типов анализируемых текстов русская речь отличается более замедленным темпом произнесения гласных по сравнению с болгарской и чешской.

Если сопоставить по трем языкам значения средней длительности слога, то можно утверждать, что максимальная средняя длительность слога присуща русской речи ($\bar{t}_{\text{сл.}} = 205$ мс), минимальная – болгарской ($\bar{t}_{\text{сл.}} = 137$ мс). Чешская речь занимает срединную позицию ($\bar{t}_{\text{сл.}} = 160$ мс). В соответствии с этими значениями темп русской речи может характеризоваться величиной, равной приблизительно пяти слогам в секунду, болгарской – семи и чешской – шести. Наиболее быстрым темпом характеризуется болгарская речь, а наименее – русская. Темп чешской речи является средним между темпом русской и болгарской речи.

По параметру интенсивности ударных гласных в РС маркированной является русская речь. Интенсивность ударных гласных РС в среднем для чешской и болгарской речи несколько меньше, чем в русской, что свидетельствует о большей энергетической насыщенности русской речи.

Были выявлены различия между исследуемыми языками и по параметру ч.о.т. В данном случае наиболее широкий диапазон ч.о.т. во фразе присущ русской речи (до 8 пт), наиболее узкий – чешской – (до 3 пт). Промежуточное положение по данному параметру занимает болгарская речь (до 5 пт).

Для каждой анализируемой выборки звучащих текстов подсчитывались значения средней суммарной длительности РС (для русского языка $\bar{t}_{\Sigma\text{pc}} = 654$ мс, для чешского – $\bar{t}_{\Sigma\text{pc}} = 550$ мс, для болгарского $\bar{t}_{\Sigma\text{pc}} = 517$ мс). Средняя длительность

РС варьирует от максимального значения в русской речи до минимального значения – в чешской речи (1,3:1). Значения средней длительности РС в чешской и болгарской речи близки и не столь велики, как в русской, что позволяет охарактеризовать членение чешской и болгарской речи на РС как более дробное по сравнению с членением на РС русской речи.

Таким образом, межъязыковое сопоставление звучащих текстов с опорой на РС позволяет характеризовать чешскую речь как речь с узким мелодическим диапазоном, минимальной мелодической изрезанностью, средней энергетической выраженностью, дробным членением синтагм на изохронные РС (до $n = 7$), умеренным темпом, перенесением произносительного "центра тяжести" на фонологически долгие гласные и сонанты, что создает впечатление ритмической синкопы.

Анализ болгарской речи в сопоставительном аспекте дал возможность констатировать, что болгарская речь характеризуется как речь со средним мелодическим диапазоном, средней степенью мелодической изрезанности, средней энергетической выраженностью, равномерным членением синтагм на РС (в среднем до $n = 5$), быстрым темпом, временной опорой на консонантизм.

Что касается соответствующих параметров для русской речи, то здесь можно говорить о максимально широком (по сравнению с чешским и болгарским языками) мелодическом диапазоне, значительной мелодической изрезанности, максимальной энергетической насыщенности, равномерном членении синтагм на РС (в среднем до $n = 5$), замедленном (по сравнению с чешским и болгарским) темпе, приблизительно равной временной опорой на вокализм и консонантизм.

Речевая реальность того или иного языка располагает определенной системой акустических признаков разграничения потока речи на РС. Установлено, что стыковые гласные и согласные обладают определенными акустическими признаками. Наиболее информативным акустическим параметром членения на РС в русской речи является длительность. Параметры максимальной интенсивности и скорости изменения ч.о.т. также могут быть использованы как дополнительные. На материале чешской речи опора на сонанты и гласные с привлечением вышеуказанных параметров позволила установить, что наиболее информативна также длительность соответствующего сонанта в начальной позиции перед гласным.

Аналогичные результаты были получены при акустической сегментации болгарской речи, где в качестве информативных параметров стыковых звуков между РС выступали длительность, скорость изменения ч.о.т. и интенсивность.

Описание ударных гласных в РС было бы неполным без обращения к их спектральным характеристикам. Тем более, что выше указывалось на то, что просодические характеристики не полностью определяют принадлежность гласного к числу ударных. В связи с этим было сочтено целесообразным провести сопоставительный анализ ударных гласных в исследуемых языках. Для более полного описания особенностей фонетической реализации РС фрагменты исследуемых текстов на материале трех славянских языков были подвергнуты спектральному анализу. В его ходе удалось обнаружить, что для чешских ударных гласных, являющихся и не являющихся фонологически долгими, спектральные данные различаются. Так, например, \bar{F}_1 и \bar{F}_2 ударных гласных и \bar{F}_1 и \bar{F}_2 соответствующих фонологически долгих гласных систематически различаются количественно и качественно, т.е. по \bar{F}_n -картине. Например, распределение \bar{F}_1 и \bar{F}_2 у фонологически долгих гласных свидетельствует о том, что эти гласные характеризуются тенденцией к более передней артикуляции. Чешский заударный и ударный вокализм (вне фактора фонологической долготы) качественно не различаются.

Для болгарского вокализма принцип сопоставления был иным: анализировался

спектр ударных и соответствующих безударных гласных. Исследование показало, что болгарские безударные гласные могут рассматриваться как более закрытые по сравнению с ударными. Для безударных гласных характерен меньший челюстной раствор и меньшая степень продвинутой языка вперед. Безударные болгарские гласные отличаются от соответствующих ударных не только количественно, но и качественно. Спектр позволяет судить о том, что артикуляция болгарских ударных гласных отличается большей полнотой реализации по сравнению с безударными гласными, характеризующимися сильной качественной и количественной редукцией. Что же касается спектрального анализа русских ударных и безударных гласных, то результаты нашего исследования, проведенного с помощью машинного выделения формант, показали, что в основном прослеживается закономерность, установленная ранее другими исследователями. Ударные гласные характеризуются специфическими качественными признаками.

Вышеописанные результаты помогают глубже понять специфику формирования акцента в исследуемых языках, а следовательно, и специфику их ритмической организации. Так, для чешских РС характерно совпадение качественных показателей ударного и безударного вокализма, одинаковая степень артикуляторного усилия и одинаковое время, необходимое для реализации ударных и безударных гласных. Из этой картины "выпадает" описание фонологически долгих гласных, маркированных как количественно, так и качественно. В целом подобное распределение влияет на ритмическую организацию чешского слова, характеризующегося отсутствием редукции гласных, идентичностью качественных и количественных показателей ударных и безударных гласных, маркированностью фонологически долгих гласных. Подобная спектрально-временная структура гласных в рамках чешского слова, закрепленность психологической активности говорящего и слушающего за первым слогом слова и создает ту особую ритмическую специфику чешской речи, которая резко отличается от спектрально-временной структуры гласных в составе слова в болгарском и русском языках, близких по наличию контраста между качественными и количественными характеристиками ударных и безударных гласных, отсутствию гласных с фонологической долготой, функционированию свободного и подвижного ударения.

Таким образом, на основе сопоставительного анализа ритмических структур на материале художественных, публицистических и научно-технических текстов исследуемых языков удалось получить следующие результаты.

В ходе перцептивного анализа звучащих публицистических и научно-технических текстов, а также текстов художественной прозы выявляется определенная специфика в ритмической структурированности прозаической речи. Резких стилистических отличий в функционировании РС внутри каждого языка не наблюдается. Можно говорить лишь о перегруппировках классов и типов РС, характерных для определенных типов текста. Исследование подтвердило обнаруженную ранее закономерность, характерную для ряда индоевропейских языков – функционирование в потоке речи двусложных РС с ударением на первом слоге. Наряду с этим установлено функционирование других частотных РС (в частности, трех- и четырехсложных). Если обратиться к слоговой длине РС, то во всех трех языках основной массив составили РС, содержащие от двух до четырех слогов. Зоной перекрытия (ядром) всех встретившихся в текстах синтагм для трех языков можно считать массив, состоящий из синтагм трехчленного ритмико-структурного типа, а периферией – массив из синтагм одночленного и многочленного ритмико-структурного типа.

Частотность РС с учетом их морфологического состава в каждом из исследуемых языков подчиняется определенным законам индоевропейских языков. Применительно к данной характеристике основополагающим является принад-

лежность языка к числу синтетических или аналитических, что влияет на формирование РС, а следовательно, и на формирование ритмической специфики речевого высказывания. В то же время стилистическая дифференциация текстов также может влиять на доминирующий грамматический состав РС. Однако по силе воздействия этот фактор значительно уступает вышеуказанному фактору грамматического строя языка.

В результате акустического анализа определена фонетическая специфика РС и РСС, на которую влияет фонетическая природа ударения в РС, реализуемая в исследуемых языках разными средствами: соотношением просодических характеристик гласных на участке между соседними РС в чешской речи, динамическим компонентом – в болгарской и спектрально-временным – в русской. Все эти признаки создают специфику комбинаторики количественных и качественных параметров при формировании ритма звучащего прозаического текста в исследуемых языках. Определенную роль в вычленении РС играют, наряду с фактором ударения, акустические признаки границ между РС, функционирование которых имеет место в потоке речи, но определение которых сопряжено с рядом трудностей, связанных со слабой акустической выраженностью этих признаков.

С позиции целостного восприятия речевого потока специфика чешского ритма может быть представлена образно, как штрих-пунктирная линия, где точкам соответствуют равновыделенные гласные (слоги), а штрихам – особо количественно выделенные гласные (слоги), функционирующие благодаря наличию фонологических долгот, широких гласных, слогаобразующих сонантов, позиции конца РС. Соответственно болгарскую речь можно представить в виде пунктирной линии, где точки – это минимально количественно выраженные гласные (слоги). Русская речь с наибольшей по сравнению с чешской и болгарской речью протяженностью во времени гласного (слога) может быть представлена в виде штриховой линии (или прерывистой волнистой).

Экспериментально-фонетическое подтверждение получило также предположение о большем сходстве ритмической организации по ряду параметров между русским и болгарским языками по сравнению с чешским языком.

Таким образом, проведенное исследование позволило подтвердить состоятельность нашей гипотезы относительно существования определенной иерархии факторов, влияющих на ритмико-структурную организацию речевого высказывания: основополагающим является фактор специфики ударения; срединное положение занимает грамматический строй языка, который воздействует на ритмико-структурную с п е ц и ф и к у речевого высказывания опосредованно, т.е. через комбинаторику частей речи, формируя проклитики и энклитики; в наименьшей степени на ритмико-структурную организацию речи влияет фактор функционально-стилистической принадлежности звучащего текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Златоустова Л.В., Хитина М.В.* Частотность единиц ритма русской речи // Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология. 1988. № 1.
2. *Шерба Л.В.* Фонетика французского языка. 7-е изд., перераб. и доп. М., 1963.
3. *Златоустова Л.В.* Фонетические особенности словесного ударения в русском и болгарском языках // Уч. зап. Казан. гос. ун-та. 1962. Т. 122. Кн. 5.
4. *Николаева Т.М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
5. *Потанова Р.К., Блохина Л.П.* Средства фонетического членения речевого потока в немецком и русском языках. М., 1986.
6. *Потанова Р.К., Люднер Г.* Особенности немецкого произношения. М., 1991.
7. *Fotarov V.V.* On the rhythmic organization of spoken Czech, Bulgarian and Russian // *Phonetica Francofortensia*, 1991, 5.
8. *Златоустова Л.В.* Изучение звучащего стиха и художественной прозы инструментальными методами // Контекст. 1976. Литературно-теоретические исследования. М., 1977.
9. *Златоустова Л.В.* Универсалии в просодической организации текста // Вестн. МГУ. Сер. 9: Филология. 1983. № 4.

10. *Lehiste I.* Rhythm of poetry, rhythm of prose // *Phonetic linguistics. Essays in honor of Ladefoged P.* /Ed. by Fromkin V.A. Orlando; San Diego; New York; Toronto; Montreal. 1985.
11. *Dauer R.M.* Stress-timing and syllable-timing reanalyzed // *Journal of phonetics.* 1983. XI.
12. *Ondráčková J.* Contribution to the question concerning the rhythmical units in Czech // *Phonetica.* 1962. 8.
13. *Ondráčková J.* О некоторых аспектах výzkumu přízvучnosti // *SaS.* 1968. Č. 2.
14. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка. М: 1956.
15. *Барышникова К.К.* Ритм и интонация // Экспериментально-фонетические исследования речи. Вып. 3. Минск. 1969.
16. *Бондарко Л.В., Зиндер Л.П., Светозарова Н.Д.* Разграничение слов в потоке речи // В.Я. 1968. № 2.
17. *Shen Y., Peterson G.G.* Isochronism in English // *University of Buffalo studies in linguistics. Occasional papers.* 1962. 9.
18. *Udall E.T.* Isochronous stresses in R.P. // *Form and substance. Phonetic and linguistic papers presented to Eli Fischer-Jørgensen* / Ed. by Hammerich L.L., Jakobson R., Zwirner E. Copenhagen, 1971.
19. *Kohler K.J.* Stress-timing and speech rate in German. A production model // *Arbeitsberichte. Institut für Phonetik der Universität Kiel.* 1983. 20.
20. *Strangert E.* Swedish speech rhythm in a cross-language perspective. 1985.
21. *Manrique A.M.B. de, Signorini A.* Segmental duration and rhythm in Spanish / *Journal of phonetics.* 1983. 11.
22. *Wenk B.J., Wioland F.* Is French really syllable-timed? // *Journal of phonetics.* 1982. 10.
23. *Fischer-Jørgensen E.* Segment duration in Danish words in dependency on higher level phonological units // *Annual report of the Institute of phonetics. University of Copenhagen.* 16. 1982.
24. *Jakobson R.* Retrospect // *Jakobson R. Selected writings. V., The Hague; Paris,* 1979.
25. *Антипова А.М.* Ритмическая система английской речи. М., 1984.
26. *Макаев Э.А.* Язык древнейших рунических надписей. М., 1965.
27. *Блохина Л.Л., Потанова Р.К.* Просодические характеристики речи. М., 1970.
28. *Bolinger D.L.* Length, vowel, juncture // *Linguistics.* 1963. V. 1.
29. Типы научно-технических текстов и их лингвистические особенности. Ч. 2. М., 1985.
30. *Кожина М.И.* Стилистика русского языка. М., 1977.
31. *Venes E.* Zur Typologie der Stilgattungen der wissenschaftlichen Prosa // *Deutsch als Fremdsprache.* 1969. N 3.
32. *Головин Б.Н.* Язык и статистика. М, 1971.
33. *Palková Z.* Přízvuková předražka z hlediska prosaického rytmu // *SaS.* 1966. XXVII.
34. *Черемисина Н.В.* Русская интонация: поэзия, проза, разговорная речь. М., 1982.
35. *Гаспаров М.Л.* Ритмический словарь и ритмико-синтаксические клише // *Проблемы структурной лингвистики.* 1982. М., 1984.
36. *Зубкова Л.Г.* Морфемно-слоговая корреляция в акцентной структуре имени и глагола в русском языке // *Экспериментально-фонетический анализ речи. Проблемы и методы.* Вып. 1. Л., 1984.
37. *Штерн А.С.* Статистическая модель восприятия слова по лингвистическим признакам // *Экспериментальная фонетика.* М., 1989.
38. *Потанов В.В.* К проблеме ритмической организации английской прозаической речи // *Актуальные проблемы англистики.* Архангельск, 1992.

© 1993 г. ИВАНОВА С.А., КАЗЕНИН К.П.

**О КОММУНИКАТИВНЫХ ОГРАНИЧЕНИЯХ
НА ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЗНАЧЕНИЙ ЛЕКСЕМ**

Всякое высказывание на естественном языке включает в себя указание не только на некоторую ситуацию, но и на отношение участников коммуникации к этой ситуации и шире – ко всему передаваемому сообщению. С этой точки зрения компоненты сообщения противопоставляются друг другу как данное/новое, известное/неизвестное, более важное/менее важное, а также по ряду других коммуникативных оппозиций (подробнее см. [1, 2]). Кроме того, говорящий может не только сообщать о некоторой ситуации, но и давать ей свою эмоциональную оценку. Все компоненты такого рода, как бы наслаивающиеся на собственно семантический, или сигнификативный, компонент значения, образуют прагматическое содержание сообщения.

В последние десятилетия для большинства лингвистов стало очевидно, что в языковых правилах самых разных уровней прагматика может играть перво-степенную роль. Важность прагматики для синтаксиса обосновывается, например, в [3–5]. На необходимость разграничения собственно семантической и прагматической информации при описании значений лексем в словаре указывается в [6]. Тем не менее конкретные пути влияния прагматики, и в частности коммуникативных характеристик сообщения, на структуру языка описаны пока далеко не полно. Нашей задачей будет определение места коммуникативно ориентированных правил в таком важном компоненте семантической теории, как описание сложения значений.

Правила сложения значений, т.е. правила, устанавливающие, как значения сложных языковых единиц – словосочетаний, предложений и т.д. – складываются из более простых их компонентов и какие ограничения накладываются на этот процесс, имеются практически в каждой порождающей модели языка (примеры см. в [7, 8]). При всем разнообразии подобных правил, вызванном, в частности, различиями самих моделей, у них существует одна важная общая черта: коммуникативные ограничения на сложение значений в этих правилах учитываются гораздо слабее, чем ограничения, связанные с сигнификативным компонентом значения. Однако оправданно ли это? Факты русского языка заставляют дать отрицательный ответ на данный вопрос.

Наиболее простые ограничения на сочетаемость, не отражаемые в большинстве семантических теорий (см., однако [9, 10]) и имеющие, на наш взгляд, непосредственное отношение к коммуникативной структуре высказывания, связаны с делением смысла на ассерцию и пресуппозицию, или, более точно, на ассертивную и неассертивную части (см. [11]). Согласно сложившейся в семантике традиции, ассерцией называется тот компонент смысла лексемы, который регулярно входит в сферу действия присоединяемого к этой лексеме отрицания вне контекстов контрастного противопоставления. Данное формальное определение имеет ряд важных содержательных импликаций. Как показано в [12], ассертивный компонент, как правило, несет в себе наиболее актуальную, важную часть передаваемого сообщения, тогда как пресуппозицию обычно формирует подразумеваемая или известная слушающему информация. Это связано с тем, что естественно отрицать пропозицию, истинность или ложность которой не

была оговорена в предтексте. Чтобы убедиться в существовании данной закономерности, достаточно сопоставить употребление в речи лексем, отличающихся друг от друга не составом значения, а лишь членением на ассерцию и пресуппозицию. Выбор конкретной лексемы из таких пар осуществляется на основе коммуникативного задания и функционально схож с выбором ремы предложения в потоке речи. Это хорошо видно на классической паре глаголов такого рода – *обвинять* и *осуждать*, различия семантических структур которых описаны в [13]. Фраза типа *Я осуждаю X-а за P* употребляется тогда, когда информация о совершении человеком *X* действия *P* является известной слушающему или подразумеваемой, а информация о том, что действие *P* оценивается субъектом отрицательно, составляет наиболее актуальную часть сообщения, на которой сфокусировано внимание. Легко заметить, что именно эта часть смысла входит в сферу действия отрицания и является, следовательно, ассерцией глагола *осуждать*. Обратное соотношение мы наблюдаем у глагола *обвинять*.

Итак, отнесение некоторой информации к ассерции означает ее прагматическую выделенность. Чтобы показать, что членение смысла на ассерцию и пресуппозицию оказывает влияние на сочетаемость лексем, рассмотрим сочетаемостные особенности русских глаголов, образованных по продуктивным словообразовательным моделям, меняющим границы ассертивной части смысла. Одной из таких моделей является присоединение к глаголу приставки *до-* со значением завершения действия. Легко проверить, что у глаголов с этой приставкой к ассерции относится только смысл "закончить действие". Например, во фразе *Я не дочитал эту книгу* отрицается только то, что субъект завершил чтение. Тот же факт, что субъект читал книгу, не отрицается, а напротив, подразумевается и относится к пресуппозиции. Многие модификаторы, свободно сочетающиеся с глаголами без приставки *до-*, при ее прибавлении теряют возможность сочетаться с ними: *говорил по-английски* / ^{??}*договорил по-английски*, *громко пел* / ^{??}*громко допел*, *лечил его от ангины* / ^{??}*долечил его от ангины*, *лечил его народными средствами* / ^{??}*долечил его народными средствами*, *строил дом из кирпича* / ^{??}*достроил дом из кирпича*.

Совершенно аналогичные изменения членения смысла на ассерцию и пресуппозицию происходят и при присоединении большинства других русских приставок, например, приставки *пере-* со значением повторного выполнения действия, что отражается и на сочетаемостных свойствах глаголов: *зарядил автомат патронами* / ^{??}*перезарядил автомат патронами*, *думал, что P* / ^{??}*передумал, что P*, *воспитал его мужественным* / ^{??}*перевоспитал его мужественным*, *спрятал письмо в стол* / ^{??}*перепрятал письмо в стол*. Сходные явления можно наблюдать также при анализе сочетаемости русских глаголов движения с приставкой *при-*: они не сочетаются с обстоятельствами, характеризующими процесс движения, ср.: *ехал по ухабистой дороге* / **приехал по ухабистой дороге*, *осторожно шел вдоль обрыва* / **осторожно пришел*. Очевидно, что семантический предикат "движение" у глаголов с приставкой *при-* не относится к ассерции: *не приехал куда-либо* = "не начал находиться где-либо", а не "не ехал". Значит, у этих глаголов, как и у глаголов с приставками *до-* и *пере-*, ограничена сочетаемость с теми лексемами, которые воздействуют на семантические предикаты, находящиеся не в ассертивной части глагола. Запрещена прежде всего сочетаемость с соответствующими обстоятельствами образа действия и именными группами, заполняющими факультативные валентности предикатов.

Ограничения на сочетаемость, связанные с делением смысла лексемы на пресуппозицию и ассерцию, представляют собой наиболее простой пример того, как большая или меньшая прагматическая выделенность некоторого компонента значения лексемы влияет на его способность к взаимодействию со смыслами дру-

гих лексем. Это влияние подтверждается другими запретами на сочетаемость, не имеющими отношения к ассертивности/неассертивности смысловых компонентов. Рассмотрим следующие пары предложений:

1а. *Преступник бежал от преследователей.*

1б. *Преступник неся/мчался от преследователей.*

2а. *Он хвалил мне своего друга.*

2б. *Он расхваливал мне своего друга.*

3а. *Он ругал мне своих подчиненных.*

3б. *Он поносил/обличал мне своих подчиненных.*

4а. *Ребенок ел фрукты из миски.*

4б. *Ребенок лакомялся фруктами из миски.*

5а. *Дрова быстро горели.*

5б. *Дрова бы ст ро пылали/польхали.*

6а. *Собака лаяла на меня.*

6б. *Собака разлаялась на меня.*

7а. *Он оделся в пальто.*

7б. *Он разоделся в пальто.*

Разрядкой выделены составляющие, без которых 1б–7б были бы вполне приемлемыми.

Легко заметить, что в предложениях, помеченных как аномальные или сомнительные, глаголы содержат в своем значении указание на превосходную степень некоторого признака действия, т.е. семантический предикат вида "очень", "в высокой степени". Этим они отличаются от соответствующих глаголов в предложениях 1а–7а. Таким образом, налицо квазисинонимические пары *бежать* – *нестись/мчаться*, *хвалить* – *расхваливать*, *ругать* – *поносить/обличать*, *гореть* – *польхаться/пылать*, *лаять* – *разлаяться*, *одеться* – *разодеться*. Семантический предикат "в высокой степени" имеет своей сферой действия не весь смысл лексемы, а один из его компонентов, поскольку можно говорить о высокой степени некоторого признака, параметра действия, а не действия в целом. Естественно, что именно этот компонент в семантике интересующих нас глаголов находится в фокусе внимания говорящего, так как в противном случае, т.е. если бы он имел для говорящего второстепенное значение, следовало бы ожидать употребления "нейтральных" глаголов из предложений 1а–7а, где отсутствует фокусировка внимания на каком-либо отдельном компоненте смысла. Можно показать, однако, что в предложениях 1б–7б выделенные разрядкой лексемы воздействуют на другие компоненты смысла, которые находятся вне сферы действия предиката "в высокой степени" и, следовательно, вне фокуса внимания. Сравним, например, 5а и 5б. Значение глагола *гореть* можно представить в виде "уничтожаться, излучая свет и тепло" (см. описание значения этого глагола в [14]). В глаголах же *польхаться* и *пылать* полнее, чем в *гореть*, охарактеризован второй компонент толкования: *польхаться* (= *пылать*) = "уничтожаться, излучая ярк и й свет и тепло" (= "много света и тепла"). Таким образом, эти два глагола естественно употребить, когда наибольший интерес представляет не горение, т.е. уничтожение предмета, само по себе, а производимый им внешний эффект. Наречие *быстро*, однако, может модифицировать только смысл "уничтожаться", который в 5б вне фокуса внимания. Аналогичные явления мы наблюдаем в предложениях 4а–4б. Глагол *лакомиться* обозначает "принимать пищу, получая большое удовольствие от ее вкуса". обстоятельство *из миски* уточняет характеристики физического акта приема пищи, а не сопутствующих ощущений субъекта, т.е. так же, как *быстро* в 5б, воздействуют не на тот семантический предикат, который находится в центре внимания. То же самое можно сказать об обстоятельстве *от преследователей* в предложении 1б. В глаголах *нестись* и *мчаться*, в отличие от *бежать*, налицо

фокусировка внимания на очень высокую скорость бега. Присоединяемое же к глаголу обстоятельство модифицирует другой параметр действия, не находящийся в фокусе. Таким же образом в 6б глагол *разлаяться* указывает на повышенную громкость и продолжительность лая, а обстоятельственная группа *на меня* характеризует другой параметр действия, находящийся вне сферы действия предиката "в высокой степени". Похожую картину можно усмотреть и в других приведенных примерах.

Итак, анализ предложений 1–7 показывает, что фокусировка внимания на одном из компонентов значения лексемы как на находящемся в сфере действия предиката "в высокой степени" затрудняет сочетаемость лексемы с теми единицами, которые воздействуют на другие компоненты смысла. Тем не менее оказывается, что это правило есть частный случай одной более общей закономерности, регулирующей сочетаемость лексем. Прежде чем сформулировать ее, рассмотрим некоторые другие примеры ее действия.

1) Как мы уже отмечали, в глаголах движения со значением "в результате движения начать находиться где-либо" к ассерции относится только компонент "начать находиться", и поэтому такие глаголы, как *прийти*, *приехать* и т.д., не присоединяют модификаторов, воздействующих на смысл "движение". Тем не менее ряд других глаголов движения с таким же членением смысла на пресуппозицию и ассерцию допускает сочетаемость с подобными модификаторами. Так, при невозможности словосочетаний **медленно прийти*, **осторожно прийти* вполне приемлемы сочетания *медленно/осторожно войти*, *медленно/осторожно взойти на гору*. Аналогичные явления мы наблюдаем у глаголов со значением "в результате движения перестать находиться где-либо": неправильны сочетания **медленно/осторожно уйти откуда-либо*, но возможны *медленно/осторожно выйти*, *медленно/осторожно сойти*. Глаголы, допускающие сочетания с наречиями, характеризующими процесс движения (*взойти*, *войти*, *выйти*, *сойти*), отличаются от глаголов, не допускающих таковые (*уйти*, *уехать*, *прийти*, *приехать*), тем, что содержат более подробную характеристику процесса движения уже в своей собственной семантике. Так, глагол *войти*, в отличие от *прийти*, означает прибытие не просто в какую-то точку, а в некоторое замкнутое пространство. Однако ясно, что если субъект в результате движения оказался в некотором замкнутом пространстве, то он обязательно должен был пройти через некоторый проем (дверь, ворота и т.д.), который соединяет это пространство с внешним миром. Таким образом, глагол *войти* имплицитно содержит в себе информацию о пути движения субъекта, которая в глаголе *прийти* отсутствует. Аналогично глагол *взойти* обозначает, что субъект начал находиться на некотором возвышении, до этого находясь у его подножья. Следовательно, и в этом глаголе есть указание не только на конечную точку, но и на путь движения. Такое же соотношение наблюдается между глаголами *выйти* и *сойти*, с одной стороны, и *уйти* – с другой. Глагол *выйти*, подобно *войти*, указывает на то, что субъект прошел через некоторый проем, а глагол *сойти* – на то, что субъект двигался сверху вниз. Значит, эти два глагола описывают процесс движения полнее, чем *уйти*. Они, в отличие от *уйти*, свободно присоединяют и обстоятельства, определяющие способ движения.

2) Глаголы, обозначающие речевые акты, согласно А. Вежицкой [15], имеют следующую семантическую структуру: "X сказал что-либо Y-у с целью Q(Y)". Например, глагол *сообщить* может иметь такое толкование: X сообщил Y-у с P = "X сказал что-либо Y-у, чтобы Y знал, что P". Заметим, что глагол *сообщить* способен сочетаться с обстоятельствами, модифицирующими его "речевой" компонент, – "X сказал что-либо Y-у", например, *громко сообщил*, *по-английски сообщил*. Однако далеко не все глаголы со схожей семантикой

допускают эти сочетания так же свободно:

8. ?Он по-английски/громко сознался, что Р.

9. ?Он по-английски/громко отрицал, что Р.

10. ?Он по-английски/громко предупредил меня, что Р.

Глаголы речи в этих предложениях более полно, чем *сообщать*, определяют содержание высказывания. Так, глагол *сознаться* указывает на то, что субъект информирует о некоторых событиях, которые не принято предавать огласке или о которых ему неприятно сообщать окружающим. Глагол *отрицать* означает, что сообщаемая субъектом информация представляет собой отрицание некоторого события. Наконец, глагол *предупредить* значительно жестче, чем *сообщить*, ограничивает содержание сообщения – это может быть только сообщение о событиях, которые могут произойти в ближайшем будущем и иметь важные для адресата последствия. Итак, более подробная характеристика содержания высказывания в толковании глагола уменьшает способность этого глагола сочетаться с обстоятельствами, характеризующими не содержание или цель, а акт произнесения высказывания.

3) Среди более мелких групп лексем, на которых можно наблюдать действие интересующей нас закономерности, заслуживают упоминания квазисинонимические глаголы *закрыть* и *захлопнуть*. Оба глагола включают указание как на физическое действие, так и на его результат, т.е. приведение окна, двери и т.д. в закрытое положение. При этом глагол *захлопнуть* содержит более подробную характеристику физического действия – он указывает на то, что действие было произведено резко. Наречие же *плотно* в сочетании *плотно закрыть* модифицирует не действие, а результирующее состояние: *плотно закрыть дверь* = "сделать так, чтобы створки двери сомкнулись, не оставляя зазора". Сочетание ?*плотно захлопнул дверь* явным образом неприемлемо.

Итак, все рассмотренные случаи сочетаемостных запретов позволяют нам установить следующую общую закономерность: чем больше семантических модификаторов имеется у некоторого семантического предиката в толковании лексемы, тем легче сочетается данная лексема с лексемами, воздействующими на этот семантический предикат.

Отметим, что гипотезы о существовании подобной закономерности на основании анализа другого языкового материала высказываются в [16, 17]. Следовательно, ее действие можно, по-видимому, считать достаточно универсальным.

С точки зрения общей теории коммуникации данная закономерность вполне объяснима. Действительно, если говорящий из двух или нескольких квазисинонимических лексем выбирает такую, в которой некоторый компонент описываемой ситуации (т.е. какой-либо ее этап или параметр) охарактеризован полнее, чем в других лексемах, то он предполагает, что информация об этом компоненте имеет важное, принципиальное значение для слушающего. В противном случае употребление этой лексемы было бы нарушением коммуникативных постулатов Грайса (см. [18]). Однако по таким же причинам к фокусировке внимания на некотором семантическом предикате приводит присоединение к лексеме "внешних" модификаторов, которые, воздействуя на него, подробнее, чем сама лексема, описывают данный компонент ситуации. Таким образом, во всех приведенных выше аномальных словосочетаниях и предложениях имеется по два предиката, на которых сфокусировано внимание. Представляется абсолютно естественным, что наличие двух фокусов внимания внутри одной достаточно мелкой синтаксической единицы нежелательно. Лингвистические исследования последних десятилетий показали, что данное правило справедливо практически для всех типов прагматических выделений: неприемлемы или по крайней мере странны предложения, содержащие два топика, два фокуса эмпатии, две контрастные ремы и т.д. – о некоторых ограничениях подобного рода см., например, в [19].

Если бы подобные структуры были возможны, то в них неминуемо происходило бы рассеивание внимания между несколькими "прагматическими пиками", т.е. рассогласование двух прагматических выделений.

В заключение следует подчеркнуть, что прагматические правила, регулирующие лексическую сочетаемость, вовсе не призваны "отменить" или заменить собой собственно семантические сочетаемостные ограничения. Совершенно ясно, что адекватное описание сочетаемости может быть построено лишь на основе взаимодействия этих двух групп правил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Chafe W.* Givenness, contrastiveness, definiteness, topics and point of view // Subject and topic / Ed. by Li Ch. N.Y., 1976.
2. *Chafe W.* Cognitive constraints on information flow // Coherence and grounding in discourse (TSL 13) / Ed. by Tomlin R. Amsterdam; Philadelphia, 1986.
3. *Бергельсон М.Б., Кибрик А.Е.* Прагматический принцип приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. М., 1987.
4. *Ван Валин Р., Фоли У.* Референциально-ролевая грамматика // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XI. М., 1982.
5. *Givón T.* On understanding grammar. N.Y., 1979.
6. *Апресян Ю.Д.* Прагматическая информация в толковом словаре // Прагматика и проблемы интенциональности М., 1988.
7. *Вейнрейх У.* Опыт семантической теории // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. X. М., 1981.
8. *Мельчук И.А.* Опыт теории лингвистических моделей "Смысл \leftrightarrow Текст". М., 1974.
9. *Падучева Е.В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике // Семиотика и информатика. Вып. 8. М., 1977.
10. *Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.* Истоки, проблемы и категории прагматики: Вступительная статья // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. М., 1985.
11. *Богуславский И.М.* Исследования по синтаксической семантике. М., 1985.
12. *Jackendoff R.* The semantic interpretation in generative grammar. N.Y., 1974.
13. *Апресян Ю.Д.* Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
14. *Апресян В.Ю.* Словарная статья глагола *гореть* // Семиотика и информатика. Вып. 32. М., 1991.
15. *Wierzbicka A.* Semantic primitives. Frankfurt-am-Main, 1972.
16. *Рахилина Е.В.* Лексическое значение и коммуникативная структура (К постановке проблемы) // НТИ. Сер. 2. 1992. № 6.
17. *Филипенко М.В.* О сочетаемости глагола с наречием // Ин-т лингвистических исследований РАН: Тез. докл. XI конф. молодых ученых. С.-Пб., 1992.
18. *Grice H.* Logic and conversation // Syntax and semantics. V. 3. N.Y., 1975.
19. Subject and topic / Ed. by Li Ch. N.Y., 1976.

* Выражаем признательность А.Е. Кибрику, Е.В. Падучевой и Е.В. Рахилиной, сделавшим в процессе работы над статьей существенные замечания, которые мы постарались учесть.

© 1993 г. ЗАВЬЯЛОВА О.И.

ДИАЛЕКТЫ КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА: СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ И КЛАССИФИКАЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ

Расхождения на уровне фонетических, лексических и грамматических признаков между китайскими диалектными группами настолько велики, что еще Б. Карлгрен сравнивал эти группы с отдельными индоевропейскими языками. На протяжении двадцатого столетия — для разных целей и с использованием неодинаковой методики — по китайским диалектам был собран обширный корпус данных. Основу его до последнего времени составляли два слоя материалов: публикации Чжао Юаньжэня и его коллег, положивших начало систематическому изучению ряда регионов в 20-е годы, и многочисленные работы, появившиеся после общекитайского диалектологического обследования 1956—1959 гг. Большая часть всех этих материалов посвящена фонетике, притом что главным объектом изучения в диалектологии всегда был слог, который, как известно, играет особо важную роль в китайском и ряде других типологически близких ему языков Китая и Юго-Восточной Азии. Идеальной формой описания у специалистов по фонетике — так же, как на протяжении веков в классической китайской филологии, — считались фонетические таблицы, силлабарии, в которых иероглифы (точнее — соответствующие им слогоморфемы), имеющие одинаковое чтение (произношение), располагались в одной клетке.

В возглавляемую Чжао Юаньжэнем группу сотрудников Института истории и языка Академии наук Китая входили такие знаменитые впоследствии лингвисты, как Дун Тунхэ, Дин Шэншу, Ло Чанпэй, Ян Шифэн, Бай Дичжоу. Усилиями этих ученых были предприняты экспедиции в ряде провинций, относящихся к области распространения разных диалектов: в провинциях Гуанси и Гуандун в 1928—1929 гг., в районе долины Гуаньчжун в Шэньси в 1933 г., на юге провинции Аньхуэй в 1934 г., в провинциях Цзянси и Хунань в 1935 г. и, наконец, в провинции Хубэй в 1936 г. Значительная часть результатов обследований представлена в ряде известных публикаций, в том числе монографических, которые появлялись на протяжении нескольких десятилетий в значительной своей части на Тайване.

Обследование 1956—1959 гг. в масштабах всей страны было проведено по распоряжению Госсовета КНР в связи с решением проблем социолингвистического характера — реформой китайской письменности, в частности, алфавитизацией, и как условием последней — изучением устной формы национального языка путунхуа в диалектных районах. Проблемы эти остаются нерешенными и в настоящее время и вряд ли будут решены в ближайшем будущем. Более того, как показали исследования, которые ведутся также на Тайване и в Японии, внедрение компьютерной техники делает использование иероглифов при вводе информации на китайском языке даже с определенной точки зрения более предпочтительным, чем алфавитное письмо. Но как бы то ни было, благодаря предпринятому в связи с предполагаемой реформой письменности обследованию, которое должно было выявить прежде всего фонетические соответствия между путунхуа и диалектами и помочь жителям диалектных районов изучать

пекинское чтение иероглифов, в распоряжении исследователей китайского языка оказались многочисленные материалы — от небольших заметок с разрозненными сведениями до монографий, содержащих результаты исследований целой провинции.

Согласно данным, которые были обнародованы лишь сравнительно недавно, из 2298 намеченных к обследованию пунктов — уездных центров и крупных городов — в течение 1956—1959 гг. были в разной степени обследованы 1849. После завершения обследования для 1200 пунктов подготовлены письменные отчеты, для 320 — написаны справочники по изучению путунхуа с учетом особенностей того или иного диалекта. Около 70 таких справочников было издано. Для 14 провинций (Хэбэй, Шаньдун, Хэнань, Шаньси, Ганьсу, Цзянсу, Чжэцзян, Хубэй, Хунань, Фуцзянь, Сычуань, Гуанси, Гуйчжоу, Гуандун) выпущены для служебного пользования сводные отчеты. Для четырех провинций (Цзянсу, Хэбэй, Сычуань, Аньхуэй) вышли монографии, опубликованные в открытой печати [1].

В начале 60-х годов появились также три основных сводных публикации: силлабарий китайских диалектов, словник и монография проф. Юань Цзяхуа [2—4]. Силлабарий был построен в виде таблиц, где по вертикали расположены названия 17 крупных городов, представляющих разные диалектные группы, по горизонтали — 2700 иероглифов, соответствующих в китайском языке, как правило, слогу и морфеме. Под каждым иероглифом приводятся данные о том, к какой фонетической категории относилась данная слогоморфема в среднекитайском, далее — чтение иероглифа в диалектах. Точно так же в словнике содержатся соответствия 905 лексем национального языка путунхуа в диалектах 17 крупных городов Китая. Ценность этих двух сводных справочников состоит прежде всего в том, что они дают возможность сопоставить достаточно большое число единиц — слогоморфем или слов — почти по двум десяткам пунктов, хотя само по себе число таких пунктов в масштабах всего Китая явно недостаточно. Монография Юань Цзяхуа стала первым опытом сводного описания фонетики, лексики и грамматики для представительных диалектов группы гуаньхуа (мандаринская, северная). У с городом Шанхаем, Сян, охватывающей большую часть провинции Хунань, хакка с городами Наньчаном и Мэйсянем, Юэ (кантонская) с городом Гуанчжоу, а также южной и северной Минь с городами Сямьнь и Фучжоу соответственно.

Прерванные в середине 60-х годов лингвистические исследования возобновились в КНР лишь более десяти лет спустя, когда, в частности, было продолжено обобщение результатов общекитайского диалектного обследования и начался сбор новых данных. Существенно, что именно с этого времени диалекты в самом Китае стали восприниматься как объект, имеющий самостоятельную научную ценность, вне решения проблем социолингвистического характера. С 1978 г. возобновился выпуск журнала "Чжунго юйвэнь" ("Китайский язык"), в котором публикуется наряду с разнообразными другими лингвистическими материалами значительное число статей, посвященных диалектам, главным образом — диалектной грамматике. С 1979 г. начал выходить новый специальный журнал "Фаньянь" ("Диалекты"). Статьи по диалектологии содержатся также во многих других периодических изданиях, в многочисленных вестниках высших учебных заведений, ежегодниках и сборниках. Выходят построенные по более или менее единой схеме — во всяком случае внутри каждой провинции — описания диалектов уездов, включающие данные не только по фонетике, но также по лексике и грамматике; ср., к примеру, серии брошюр, посвященных диалектам провинций Шаньси и Юньнань, подробные описания диалектов Дуньхуана провинции Ганьсу, Сицина провинции Цинхай, Яньтая провинции Шаньдун, Хэньяна провинции Хунань и Сюйчжоу

провинции Цзянсу [5—9]. Подготовлен совместно с австралийскими учеными новый лингвистический атлас Китая, две части которого будут включать 36 карт, отражающих географическое распространение диалектов китайского языка, а также других языков Китая [10]. Сообщается о работе над "Большим словарем современных диалектов китайского языка" [11].

Существовавшие до последнего времени классификации диалектов китайского языка, как на это обращал внимание С.Е. Яхонтов, в общем восходили к той, которая была предложена в конце прошлого века П. Мёллендорфом. Основным классификационным критерием у Мёллендорфа послужила возможность взаимопонимания между представителями отдельных диалектных разновидностей: к одной группе относятся только те диалекты, носители которых способны понимать друг друга [12]. Однако при всей важности взаимопонимания этот критерий — в отличие от собственно лингвистических — в значительной степени субъективен. Кроме того, следует учесть, что использование критерия взаимопонимания ограничивалось, как и в случае лингвистических признаков, сопоставлением только нескольких "представительных" разновидностей данного диалекта. Чем больше удаленных друг от друга точек вовлекалось в классификацию, тем, естественно, сложнее она становилась. Так, классификация Мёллендорфа включала всего четыре группы — кантонскую, Минь, У и мандаринскую — и учитывала наиболее крупные города прибрежного Китая, известные европейцам. Постепенно, по мере того, как выявлялись другие диалектные разновидности, эта классификация усложнялась, и уже в конце 50-х — начале 60-х годов стало ясно, что ее стандартный, основанный отчасти на критерии взаимопонимания, отчасти на фонетических признаках вариант, представленный, в частности, в упомянутой выше монографии Юань Цзяхуа [4, с. 22], никоим образом нельзя считать окончательным. Обследование провинции Фуцзянь показало, к примеру, что соответствующие диалекты должны быть разделены не на две, а по крайней мере на три, хотя и достаточно поздно сформировавшиеся группы: Минь-нань (южно-миньские) с городом Сямынь, Минь-дун (восточноминьские) с городом Фучжоу и Минь-бэй (североминьские) с городом Цзянью [12]. В настоящее время также установлено, что отделение диалектов Минь от всех остальных диалектов китайского языка относится к III—IV вв., в то время как прочие группы сформировались лишь в VI—X вв. и могут быть непосредственно возведены к среднекитайскому, отраженному в знаменитом словаре "Цюнь" VII в.; ср. лексико-статистические и сравнительно-исторические работы, посвященные формированию основных диалектных групп китайского языка [12—14].

Наиболее полная классификация самой большой группы — гуаньхуа, охватывающей три четверти говорящих на китайском языке и занимающей большую часть территории его распространения, была в свое время предложена в том варианте монографии проф. Юань Цзяхуа, который был опубликован на русском языке [15]. В соответствии с этой классификацией в составе гуаньхуа выделяется семь подгрупп. Четыре из них — северная, северо-западная, распространяющаяся на востоке вплоть до границы между провинциями Шаньси и Хэбэй, юго-западная и Цзян-Хуай (гуаньхуа нижнего течения Янцзы) — охватывают значительные территории; три остальных подгруппы — Цзяодун на востоке Шаньдуна, Чу на востоке и северо-западе провинции Хубэй и так называемая Тун-Хуэй — не велики и расположены на периферии ареала гуаньхуа. Последняя подгруппа, Тун-Хуэй, состоит к тому же из двух географически достаточно удаленных друг от друга территорий на границе гуаньхуа с южными группами: района городов Наньтуна и Жугао, находящихся на северном берегу Янцзы около ее устья, и района Ваньнань, который включает

шесть уездов южной гористой части провинции Аньхуэй, ранее входивших в округ Хуэйчжоу, и отличается значительной географической расчлененностью и лингвистической неоднородностью. Диалекты того и другого районов, однако, вряд ли могут быть на самом деле включены в состав гуаньхуа. Первые скорее всего представляют собой диалекты группы У, в которых произошло оглушение звонких согласных благодаря активным контактам с гуаньхуа [16]. Вторые либо должны быть выделены, как на это указывали в свое время лингвисты из группы Чжао Юаньжэня и С.Е. Яхонтов [17, 18], в отдельную группу, либо, обнаруживая сходство с диалектами группы У, находятся в зоне вибраций между последними и гуаньхуа. Диалекты Чу охватывают не только провинцию Хубэй, но также — как это можно установить по материалам обследования группы Чжао Юаньжэня — север Хунани и по сути дела равным образом представляют собой переходный район на границе гуаньхуа с группами Сян и Гань [19]. В то же время два северохубэйских уезда, первоначально включенные в состав диалектов Чу [19], отношения к последним не имеют и расположены в пограничной зоне между северным и южным ареалами гуаньхуа (ср. ниже).

В новейшей классификации, которая лежит в основе последнего лингвистического атласа Китая и по-прежнему учитывает только фонетические признаки, представлены группы гуаньхуа, Цзинь, У, южноаньхуэйская, Гань, Сян, Минь, именуемая здесь супергруппой и включающая, в свою очередь, несколько групп, а также Юэ, хакка и пинхуа [20]. Последние, пока малоизученные особые диалекты, распространены в пределах провинции Гуанси и частично Гуйчжоу и, по-видимому, возникли в результате относительно поздних — в сравнении с другими южными группами — миграций с севера. К числу важнейших особенностей новой классификации следует отнести, во-первых, выделение в отдельную группу южноаньхуэйских диалектов, о которых уже шла речь выше, и, во-вторых, так называемых диалектов Цзинь, охватывающих на севере Китая большую часть провинции Шаньси, север Шэньси и прилегающие к Шаньси районы провинций Хэбэй, Хэнань и АР Внутренняя Монголия.

Выделение диалектов Цзинь в новой классификации осуществлено на основании всего лишь одного фонетического признака — наличия так называемого "входящего" тона (тон IV), хотя этот тон характерен также для многих диалектов бассейна Янцзы — как Цзян-Хуай, так и многих юго-западных. Судьба тона IV лежит и в основе новой классификации гуаньхуа в целом, согласно которой они делятся на семь подгрупп [21]. Три из этих подгрупп — юго-западная, Цзян-Хуай и Цзяо-Ляо (диалекты п-ова Цзяодун и заселенных выходами из Шаньдуна районов провинции Ляонин) в общем совпадают с соответствующими подгруппами, которые были предложены в монографии: Юань Цзяхуа. В то же время подгруппа, названная Юань Цзяхуа северной, разделилась между диалектами Центральной равнины (историческое название, указывающее либо на районы нижнего течения Хуанхэ, либо на ареал этой реки в целом) и диалектами "пекинского типа". Следует, однако, учесть, что сплошное картографирование не только вышеуказанного, но также и других фонетических признаков позволяет установить, что выделенные в новейшей китайской классификации диалектные единицы внутри ареала гуаньхуа не являются равноценными [22, 23].

Наиболее существенная лингвистическая граница, образованная пучком изолиний, проходит, как это сейчас уже можно с уверенностью утверждать, вдоль важного исторического и географического рубежа северного Китая. Она совпадает с рекой Хуайхэ и центральным горным поясом, образованным хребтами Бабашань, Тунбайшань, Уданшань, Миньшань и Циньлин,

формирующими водораздел Хуанхэ и Янцзы, с одной стороны, и с политической границей между государствами Сун и Цзинь (XII—XIII вв.), позднее — между Сун и Юань, с другой. Тем самым внутри диалектов гуаньхуа выделяются прежде всего два ареала — северный и южный, или ареал бассейна Янцзы, каждый из которых характеризуется своим комплексом фонетических черт и в свою очередь иерархически подразделяется на несколько субдиалектов. Диалекты Цзинь, отличающиеся некоторой архаичностью на среднекитайском уровне, в то же время обнаруживают ряд фонетических особенностей, присущих северному ареалу гуаньхуа в целом. Существенно при этом, что современные лингвистические границы не совпадают с границами административными, и поэтому лингвистическое деление каждой провинции может быть осмыслено только при его сопоставлении с диалектами соседних районов. Выяснилось также, что наблюдаемый ныне "ландшафт" лингвистический может быть обусловлен уже не существующим географическим, как это имеет место в случае распр. странения диалектов Центральной равнины, или диалектов зоны рек Вэйхэ и Хуанхэ, вдоль ныне исчезнувшего русла последней.

Учет данных по значительному числу пунктов позволяет также уточнить некоторые закономерности географического распространения признаков на уровне структуры современного слога. Выяснилось, что существующее в китайском языкознании стереотипное представление, согласно которому по мере продвижения на север диалекты делаются все менее архаичными и, следовательно, имеют более простые тоновые системы и структуру слога, на самом деле является неточным и возникло в результате сопоставления диалектов ограниченного числа крупных центров прибрежного Китая (для гуаньхуа — Пекина и Нанкина). Между тем как самые простые, так и сложные системы можно обнаружить в качестве характерных для достаточно больших районов равным образом и на юге, и на севере обширного ареала гуаньхуа.

1. С одной стороны, наиболее сложные тоновые системы присущи уже упоминавшимся диалектам Цзинь на севере области распространения китайского языка, насчитывающим в некоторых случаях максимальное для гуаньхуа число тонов — семь; ср. тоны Ia (*инь-пин*), Ib (*ян-пин*), II (*шан-шэн*), IIIa (*инь-цзюй*), IIIb (*ян-цзюй*) IVa (*инь-жу*) и IVb (*ян-жу*) в диалектах Линчуаня и Чанчжи провинции Шаньси [24, 25]. Это число является высоким не только для гуаньхуа, но также и для китайского языка в целом, поскольку отсутствие деления тона II на серии — в силу того, что этот тон в слогах с историческими звонкими инициалями сравнительно рано перешел в тон III — свойственно многим китайским диалектам, притом что остальные исторические классы не обязательно делятся здесь на серии "а" и "б"; ср., например, пятитоновую шанхайскую систему, включающую тоны Ia, Ib, II, III и IV. На остальной территории северного ареала группы гуаньхуа — за пределами Цзинь — преобладают четырехтоновые системы типа пекинской (Ia, Ib, II, III) при спорадическом распространении пятитоновых (Ia, Ib, II, IIIa, IIIb); ср. карту [26, с. 289].

С другой стороны, сравнительно большое для гуаньхуа число тонов — хотя и меньшее, чем в упомянутых выше шаньсийских диалектах — наличествует в переходном районе Чу на юге гуаньхуа. Максимально допустимое число тоновых классов здесь — шесть (Ia, Ib, IIIa, IIIb, IV). В целом для южного ареала гуаньхуа характерны либо четырехтоновые системы типа пекинской, либо пятитоновые (Ia, Ib, II, III, IV), охватывающие гуаньхуа нижнего течения Янцзы, включая Нанкин, а также спорадически разбросанные по всей остальной территории этого ареала.

2. Широкое, хотя и не сплошное распространение по всему северному ареалу имеет сравнительно архаическое различие так называемых *цзынь-*

инь и *туаньинь*, исторически восходящих соответственно к свистящим и заднеязычным в слогах с финалями палатального типа; в то же время в большей части диалектов южного ареала это различие, напротив, утрачено, сохраняясь главным образом на крайнем периферийном юге, а также в считанных пунктах на остальной территории, в том числе и в Нанкине; ср. карту [26, с. 297]. Инициали, соответствующие историческим заднеязычным, всегда представлены при этом палатальными согласными разного типа; инициали, соответствующие историческим переднеязычным, — там, где они не совпали с заднеязычными, — сохраняются в виде исходных свистящих или же перешли в другие звуки, часто тоже палатальные, но отличающиеся от исходных заднеязычных. В результате в диалектах северного ареала гуаньхуа в гораздо большей степени, чем в пределах южного, распространены системы, где а) сохраняется различие между палатализованными заднеязычными и свистящими и б) различается синхронически более одного ряда современных аффрикат и шелевой.

3. Как наиболее архаичная для гуаньхуа — восьмичленная система носовых финалей серии "э" типа пекинской, так и дальше всего отошедшая от среднекитайской четырехчленная — обе характерны для северного ареала гуаньхуа. Южная шестичленная система, свойственная диалектам гуаньхуа бассейна Янцзы, в том числе и Нанкину, занимает промежуточное положение между двумя северными. Диахронически при этом слияние двух видов носовых финалей серии "э", аналогичное тому, которое наблюдается в современных четырехчленных системах, зафиксировано на очень раннем этапе — в стихотворных памятниках из Синьцзяна (северо-запад современного Китая), относящихся к VII в. [27]. Данные о наличии в диалектах бассейна Янцзы шестичленных систем современного типа при исчезнувшем конечном *-m* относятся к эпохе Сун (X—XIII вв.) [28]. В то же время в диалектах с современными восьмичленными системами, включая пекинский, где носовые финали претерпели меньшие изменения, чем в прочих гуаньхуа, конечный *-m* исчез очень поздно: он отражен не только в фонетических таблицах XI в. [29], но также и в гораздо более поздних памятниках: "персидской" транскрипции, относящейся к концу XIII — началу XIV вв. [30], или в известном словаре рифм "Чжуньюань иньюнь" XIV в. Таким образом, в пределах гуаньхуа, с одной стороны, еще в XIII—XIV вв. существовали системы с тремя конечными носовыми элементами — *-m*, *-n*, *-ŋ*, с другой, здесь на достаточно раннем этапе — как на юге, так и на севере области распространения этих диалектов — зафиксировано наличие систем иного, более простого типа. Следует также учесть, что системы носовых финалей, отличные от среднекитайской с ее тремя конечными элементами, достаточно распространены и в диалектах южных групп. Вместе с тем собственно в гуаньхуа — при отсутствии *-m*, восходящего к среднекитайскому, кое-где отмечено появление *-m* вторичного, который возник в отдельных пунктах Шаньдуна, Шаньси и Хунани в слогах с гласным [o] на месте исходного *-ŋ*. Ср. *-iom* > *-ioŋ* в шаньдунских диалектах.

Изучение изолированно произнесенных слогоморфем — как в сравнительно-историческом, так и в структурном плане — оказалось, таким образом, достаточно плодотворным в китайской диалектологии. В то же время следует учесть, что при выработке классификации диалектов китайского языка на уровне групп оно является недостаточным, оставляя к тому же за рамками анализа фонологическое варьирование слогоморфем, сопровождающее образование полислогоморфемных единиц. Между тем анализ многочисленных материалов — особенно тех, которые появились на протяжении последнего десятилетия, — показывает, что вопреки общепринятой точке зрения морфонологические процессы, особенно (но не

только) несегментные, во-первых, охватывают все диалекты китайского языка и, во-вторых, обнаруживают при этом существенные территориальные расхождения.

Сегментные морфологические процессы наблюдаются практически во всех диалектах китайского языка при условии, что в них участвуют служебные морфемы. Для некоторых служебных морфем допустимы фонологические чередования, главным образом инициалей, определяемые автономными системами правил. Кроме того, широкое распространение в диалектах разных групп имеет слияние служебных морфем в единый однослог со стоящей слева слогоморфемой любого типа. В результате такого слияния нарушаются два важнейших с типологической точки зрения правила: 1) означающим морфемы не может быть отрезок, меньший по длине, чем слог; 2) в китайском языке невозможна ресиллабация, иначе говоря, перемещение слоговых границ. Частный, хотя и наиболее распространенный вопреки существовавшей до сих пор точке зрения случай такого слияния — это так называемая эризация, сущность которой заключается в том, что в большей части диалектов, использующих суф. *-эр*, он образует однослог со стоящей слева слогоморфемой; сама эризованная слогоморфема может при этом фонологически видоизменяться, к примеру, терять конечный носовой элемент; ср. обобщающие работы по эризации [31—34]. Слияние суф. *-эр* со стоящей слева слогоморфемой, которое, впрочем, наблюдается не во всех диалектах, очевидно, в известной степени обусловлено незащищенностью этого суффикса слева — фонетическим нулем инициали. Следует, однако, учесть, что за пределами гуаньхуа возможна ситуация, когда отсутствие гласного в исходной форме суффикса, имеющего то же происхождение, что и *-эр*, напротив, компенсируется появлением протетических согласных; ср., к примеру, диалект Личуаня провинции Цзянси, где суф. *-i* приобретает протетические сонорные инициали в зависимости от качества финали предшествующего слога [35]. В двух регионах за пределами гуаньхуа (юг провинции Чжэцзян, относящийся к диалектам группы У, и примыкающий к нему юг провинции Аньхуэй — диалекты Юэ провинций Гуандун и Гуанси) к настоящему времени описаны диалекты, в которых значение, близкое к значению северной эризации, может передаваться а) присоединением конечного носового элемента, б) присоединением конечного носового элемента, сопровождающимся изменением тона, и в) изменением тона; ср. обобщающую работу [31], а также материалы [36]. Появление конечного носового элемента в этих диалектах, очевидно, восходит к той же морфеме, что и северная эризация, поскольку на юге слоги, соответствующие северному *-эр*, существуют в более архаичном варианте с сонорной инициальной. Ср., например, диалект Сучжоу (группа У), где в качестве знаменательной анализируемая морфема произносится как *ŋi* (*ə* в случае заимствований с севера), в качестве суффикса — как отдельный слог, представляющий собой слогаобразующий заднеязычный сонант *ŋ* [37].

Следует, однако, учесть, что эризация и ее аналоги, имеющие примерно то же значение и то же происхождение, — это лишь частный, хотя и наиболее распространенный случай появления нового однослога в результате слияния двух исходных, один из которых — стоящий справа — представляет собой служебную морфему. Примеры таких однослогов можно обнаружить во многих (если не во всех) диалектах китайского языка, хотя в каждом из них это явление занимает периферийные позиции, возникая лишь для части служебных морфем. Правила соединения слогов, действующие по диалектам, варьируют, притом что "разрез", который делит каждый из двух объединяющихся слогов, может перемещаться, отсекая неравноценные фонологические части и создавая тем самым

разные модели образования новых однослогов. Эти модели могут как совпадать, так и в разной степени отличаться от классической для традиционной китайской фонологии модели *фаньце*, "рассечения", использовавшейся китайскими филологами для передачи произношения иероглифа при помощи двух других: согласно этому методу инициаль транскрибируемого слога должна совпадать с инициальной первого из двух транскрипционных, финаль и тон — с финалью и тоном второго. Приведем некоторые диалектные примеры.

В диалекте Сучжоу (группа У) существуют двуморфемные однослоги, возникшие в результате слияния двух односложных служебных слов [38]. Если этому не противоречат какие-либо фонологические правила, действующие вообще в диалекте Сучжоу, то слияние двух слогов происходит по модели *фаньце*:

$$\begin{aligned} fə^{2IVa} + iæ^{1a} &\rightarrow f i æ^{1a} \\ zə^{2IVa} + kaŋ^{III6} &\rightarrow zaŋ^{III6} \end{aligned}$$

В случае, когда правила *фаньце* при слиянии слогов вступают в противоречие с иными фонологическими правилами данного диалекта, определяющими возможность сочетания компонентов внутри слога, в равной мере возможно нарушение как первых, так и вторых; при последнем варианте появляются слоги, в принципе в данном диалекте отсутствующие.

Более сложные правила можно выделить в результате анализа двуморфемных однослогов, появляющихся при слиянии морфемы *tɕia* (исходное значение "дом, семья"), часто встречающейся в местных географических названиях диалекта Лояна провинции Хэнань (северный ареал гуаньхуа, диалекты Центральной равнины) [39]. Модели *фаньце* не противоречат следующие действующие в этом случае правила:

1) инициаль нового слога всегда идентична инициали первого исходного слога;

2) слогообразующий гласный нового однослога всегда относится к серии "а" так же, как слогообразующий гласный второго слога.

Отличия от модели *фаньце* наблюдаются в трех отношениях:

1) медиальный статус нового однослога всегда совпадает с медиальным статусом первого, но не второго слога; иначе говоря, финаль первого слога "рассекается" после медиали; ср.

$$xua > xuaŋ + tɕia$$

исключение из этого правила составляет только финаль *-ei*, ср.

$$p'ia > p'ei + tɕia$$

2) в том случае, когда первый слог имеет слогообразующий гласный серии "э" и конечный неслогообразующий элемент, последний переходит и в новый слог; первый слог при этом как бы разрывается, обрамляя новый, ср.

$$\begin{aligned} tɕaŋ &> tɕeŋ + tɕia \\ tɕao &> tɕyɯ + tɕia \end{aligned}$$

3) тон нового однослога всегда совпадает с тоном первого слога, а не второго, как это предписывается правилами *фаньце*.

Похоже, что последняя особенность (тоновая принадлежность по первому слогу) является — при очень большом разнообразии правил, определяющих сегментную структуру двуморфемных однослогов в гуаньхуа, — характерной типологической чертой последних. Правило "тон по первому слогу" действует в северных диалектах, в том числе в пекинском, и в случае эризации, опять-таки вне зависимости от того, какие правила опре-

деляют структуру эризованных однослогов. Ср. в пекинском:

$liaŋ^{11} + ky^{11} \rightarrow lia^{11}$ "двое, оба",
 $pu^{16} >^{11} + yŋ^{11} \rightarrow pəŋ^{16}$ "не надо, не следует".

В некоторых северных диалектах при этом гон нового однослога может, как во втором из двух только что приведенных пекинских примеров, отражать те чередования, которые имели место в первом слоге двуслога до его превращения в однослог. Ср. также диалект Вэньшюя провинции Шаньси, где эризованные однослоги сохраняют противопоставление тонов Ia и Ib, исчезнувшее в конечной позиции, в том числе и в изолированно произнесенных однословах [40].

Особое с морфонологической точки зрения место занимают в диалектах так называемые "префиксы" или, как их именуют в китайских работах, *бяоиньцзы*, "иероглифы, передающие звучание". Плохо описанные до последнего времени, "префиксы" распространены в диалектах северного ареала гуаньхуа — прежде всего Цзинь, а также отчасти за пределами Цзинь на территории провинций Хэнань и Шаньдун. В словах, относящихся к разным частям речи, "префиксы" всегда занимают положение перед другой слогоморфемой, хотя и не обязательно в начале слова, и по своей сочетаемости сходны со служебными морфемами: "префиксов" немного и каждый может сочетаться со значительным числом разных слогоморфем. В отличие от подлинных служебных морфем, однако, "префиксы", по данным китайских описаний, не имеют собственного значения (во всяком случае синхронически) и, таким образом, напоминают асемантические "ритмические" слогоморфемы, которые существуют и в других слоговых языках, см., к примеру [41].

Фонетически "префиксы" представляют собой слоги, построенные по модели "губная/заднеязычная инициаль + слогообразующий гласный", причем последний бывает кратким и заканчивается гортанной смычкой в тех диалектах, где ее сохраняют слоги тона IV. Там, где тона IV нет, "префиксы" могут занимать особое с просодической точки зрения место, обладая отдельным, только им присущим тоном. Такая необычная для китайского языка ситуация зафиксирована в диалекте Лояна, относящемся, как это уже отмечалось выше, к подгруппе Центральной равнины северного ареала гуаньхуа [39, с. 77—79]. Наиболее полный набор "префиксов" выявлен в диалекте Хоцзя провинции Шаньси, здесь их восемь; в прочих диалектах отмечено от одного до пяти "префиксов". Для диалекта Хоцзя, кроме того, могут быть обнаружены строгие правила, определяющие сочетаемость "префикса" с последующей слогоморфемой в зависимости от качества инициали и медиального статуса обоих слогов [42].

В связи с префиксами нельзя не привести также результаты предварительно проведенного нами анализа необычного и редкого явления, которое встречается также в зоне диалектов Цзинь и в своем роде обратном описанному выше слиянию слогов. Речь идет о так называемых *фэньиньцзы*, "словах, получившихся в результате деления", которые состоят из двух асемантических слогов и по своему общему значению совпадают с параллельно существующим как бы исходным односложным словом. Фонетически первый слог производного биннома построен по модели "инициаль исходного слога + краткий гласный с конечной гортанной смычкой" и, таким образом, при наличии в данном диалекте соответствующего "префикса" омонимичен ему. Второй слог представляет собой сочетание, как правило, инициали и исходной финали. Примечательно также, что подавляющее большинство слогоморфем, распавшихся в диалектах Цзинь на два слога, в древнекитайском имело *-r- после инициали, и, следовательно, "слова, получившиеся в результате деления", скорее всего пред-

ставляют собой рефлексы некогда существовавших в китайском языке начальнослоговых сочетаний согласных. Ср. следующие примеры по материалам [42—44], в которых указана древнекитайская реконструкция С.А. Старостина [14]:

<i>kəʔləŋ > kəŋ</i>	(埂)	* <i>krāŋ</i>)	"бровка между полями" (Внутренняя Монголия),
<i>k'əʔlʅ > t'ɛ'iaŋ</i>	(腔)	* <i>kronŋ</i>)	"грудная полость" (Хоцзя),
<i>xəʔlou > xou</i>	(嚙)	* <i>x(r)ō</i>)	"храп" (Хоцзя),
<i>pəʔlaʔ > paʔ</i>	(撥)	* <i>prāt</i>)	"перемещать" (Хоцзя),
<i>p'əʔlau > p'au</i>	(包)	* <i>bhrū</i>)	"копать" (Хэцзя),
<i>tsəʔla > tsa</i>	(麥)	* <i>trāj</i>)	"открывать, широкий" (Датун).

Наличие нескольких исключений, не имевших *-r- в древнекитайском, можно объяснить либо более поздними образованиями по аналогии, либо наличием древних консонантных сочетаний, пока не отраженных в реконструкциях.

Доступные материалы позволяют также установить, что сегментное фонологическое варьирование, которое не обусловлено участием в нем служебных морфем, равным образом возможно в китайском языке, однако оно является территориально ограниченным и выявлено к настоящему времени для двух районов.

Первый — это диалекты группы У, где допустимы фонологические чередования инициалей по звонкости/глухости в зависимости от позиции в фонетическом слове. С точки зрения наличия и характера подобных чередований в китайских диалектах можно выделить следующие разновидности.

1. Диалекты, сохраняющие фонологическое противопоставление звонкие — глухие непридыхательные — глухие придыхательные, где звонкие, восходящие к соответствующим историческим инициалам, при любых условиях являются звонкими, а глухие непридыхательные никогда не озвончаются. К числу таких диалектов, как это подтверждается экспериментальными исследованиями М. Шерарда [45], относится шанхайский.

2. Диалекты, напротив, утратившие фонологическое противопоставление по звонкости/глухости, где в непервой слогоморфеме фонетических слов возможно факультативное озвончение глухих непридыхательных, которое не носит фонологического характера и не относится к области морфонологии. Такое озвончение описано на материале пекинского диалекта, однако, исследования, позволяющие определить факторы, которые способствуют появлению звонких аллофонов непридыхательных, пока не проводились. Определенная зависимость, по-видимому, существует между озвончением и так называемым "легким" тоном (ср. ниже): на интонограммах, полученных нами в записи информантов — носителей диалектов северо-западных провинций, озвончение не наблюдалось в обычных двуслогах без нейтрализации тона, в то время как в двуслогах с нейтральным тоном сокращение длительности сопровождалось полным или частичным озвончением непридыхательных.

3. Диалекты, в которых фонологическое противопоставление по звонкости/глухости наличествует в непервой слогоморфеме фонетических слов, как это имеет место в диалекте Чаньиньша, относящемся к группе У. Начальное положение в фонетическом слове, согласно экспериментальным данным Цао Цзяньфэня [46], является с точки зрения рассматриваемого противопоставления слабым: здесь звонкие, которые всегда произносятся с участием голоса в начальной позиции, полностью совпадают с глухими. Следует, однако, отметить, что для большей части слогоморфем различие по звонкости/глухости находится в отношении дополнительной дистрибуции с различием между тоновыми сериями соответственно "а" и "б",

поскольку последнее, напротив, нейтрализуется в неначальной позиции, сохраняясь в слогах, "возглавляющих" фонетические слова. Это правило, тем не менее, нарушается несколькими синхронически существующими исключениями, появившимися, по-видимому, в результате сравнительно недавних междиалектных заимствований. Наличие исключений, представляющих собой слоги с тоном серии "а", которые, однако, произносятся со звонкими инициалами в неначальной позиции, делает в равной степени фонологически значимым как противопоставление инициалей по звонкости/глухости, так и тоновое.

Второй район, где выявлены многочисленные необычные для современного китайского языка чередования, — это диалекты Минь.

Автоматические чередования в миньских диалектах могут быть описаны на примере Фуцина провинции Фуцзянь. В этом диалекте действует стройная система правил, которые определяют прогрессивные чередования инициалей слогов, находящихся в неконечной позиции, в зависимости от конечного элемента слога предшествующего [47, 48]. Ср. для переднеязычных инициалей:

$$\left\{ \begin{array}{l} t- \\ t'- \\ ts- \\ ts'- \\ s- \end{array} \right\} \rightarrow n-/-\eta-$$

Разнообразные неавтоматические чередования подробно описаны для диалекта Сямыня, где в двух соседних слогах они представляют собой результат ассимилятивного либо диссимилятивного взаимодействия не только непосредственно примыкающих, но также и линейно дистантных компонентов — таких, как две инициалы или две медиалы. Ср. следующие примеры по материалам [49]:

龙眼 *lǐngǐn* → *gǐngǐn* "лунынь" (название растения),
 交街 *kau'á* → *k'auk'á* "перекресток",
 半遂 *piansui* → *piansui* "паралич".

Еще более существенные расхождения связаны в китайских диалектах с несегментными морфонологическими процессами, иначе говоря, с нейтрализацией и чередованиями тонов [50].

Среди чередований, как показывает анализ диалектных материалов, могут быть выделены прежде всего два принципиально различающихся типа.

1. Неморфонологические чередования, которые используются для образования новых слов или новых форм слов, исполняя те же функции, что и служебные морфемы и расширяя тем самым морфологический инвентарь китайского языка. Продуктивные чередования такого рода зафиксированы к настоящему времени в трех географически не связанных друг с другом районах Китая: в диалектах Юэ провинций Гуанси и Гуандун; в диалектах У на юге провинции Чжэцзян и в примыкающих к ним диалектах южной части провинции Аньхуэй; на севере Китая — в диалектах Цзинь на территории провинции Шаньси.

2. Чередования, сопровождающие образование полислогоморфемных единиц, иначе говоря, морфонологические, которые охватывают по диалектам различные классы, осуществляются по разным правилам и — что наиболее существенно — в пределах единиц неодинакового уровня в разных диалектных группах.

Нейтрализация тона возможна в китайском языке в первом слоге полислогоморфемных единиц, причем ее способы и условия относятся к числу наиболее варьирующих диалектных признаков.

По всей территории северного Китая распространен, во-первых, так называемый нейтральный, или "легкий" тон, т.е. утрата исходного тона, которая сопровождается значительным сокращением длительности слога и — вопреки существовавшей до сих пор точке зрения — характерна не только для пекинского, но также и для диалектов гуаньхуа в целом; во-вторых, функционально соответствующие "легкому" тону вторичные, появление которых не связано с исходной тоновой характеристикой "нейтрализуемой" слогоморфемы. В диалекте Хоцзя провинции Хэнань, который уже упоминался выше, параллельно со вторичным тоном III существуют два вида краткого "легкого" тона — чистый, без гортанной смычки, и глоттализированный [51, 52]. В результате в этом диалекте параллельно существуют:

1) в слогах с разными финалями любого исходного тона, кроме IV, а) вторичный тон III и б) краткий неглоттализированный "легкий" тон;

2) в слогах исходного тона IV, которые, сохраняя исходную гортанную смычку, приобретают дополнительную краткость, и в не имеющих терминалей слогах других тонов, которые произносятся в этом случае с вторичной гортанной смычкой. — краткий глоттализированный "легкий" тон.

При этом для одних и тех же слогоморфем возможны случаи — в зависимости от полислогоморфемной единицы — появления разных типов нейтрализации. Ср.:

东西	<i>tuŋci</i>	"с востока на запад", Ia + III > Ia + Ia;
东西	<i>tuŋci</i>	"вещь", Ia + "легкий" тон > Ia + Ia;
当家	<i>taŋtəia</i>	"настоятель храма", Ia + "легкий" тон > Ia + Ia;
人家	<i>nəntciə</i> ?	"они, люди", Iб + глоттализированный "легкий" тон > Iб + Ia.

Сама по себе возможность появления подобных вторично глоттализированных слогов, очевидно, связана с наличием вообще в диалекте Хоцзя системы финалей с конечной гортанной смычкой. К сказанному можно добавить, что служебные морфемы, частотность употребления которых очень высока, все произносятся с глоттализированным "легким" тоном. Как это позволяет установить предварительный анализ, глоттализированная разновидность "легкого" тона более вероятна и в случае тех неслужебных морфем или тех их сочетаний, которые имеют относительно высокую частотность употребления. Можно предположить, что для отдельных служебных морфем, в частности, для суффикса, соответствующего пекинскому *-цзы*, гортанная смычка аналогично носит вторичный характер и в ряде диалектов Цзинь, где вторично глоттализированный "легкий" тон в целом отсутствует.

Появление нейтрализации в диалектах гуаньхуа, таким образом, не обуславливается автоматически теми или иными фонологическими условиями (положением слогоморфемы в фонетическом слове, наличием слева того или иного полного тона). В неодинаковой степени "легкий" и вторичные тоны охватывают не только разные типы слогоморфем, но и слогоморфемы одного и того же типа или даже одни и те же слогоморфемы в составе разных полислогоморфемных единиц. Значительно варьирует по диалектам, очевидно, и процент единиц, охваченных в тексте нейтрализацией. Так, в диалекте Тайгу провинции Шаньси "легкий" тон присущ только служебным морфемам, вторичные, если принять во внимание лишь минимальные сочетания-двуслоги, во-первых, появляются в существенных, образованных удвоением корня в определенных тонах, и, во-вторых, возможны лишь в случае тех слов, состоящих из двух разных неслужебных слогоморфем, в которых представлена последовательность тонов II или тонов III [53]. В путунхуа, как показали расчеты А.М. Карачетянца, двуслоги с "легким" тоном занимают около 10% текста [54]. В то же время в диалектах северной части провинции Цзянсу и многих

шаньсийских этот процент, по-видимому, окажется значительно более высоким: здесь нейтрализация распространяется — помимо тех двуслогов, которые включают служебные морфемы, образованы удвоением корня и частично представляют собой двусложные слова, состоящие из двух разных неслужебных слогоморфем, — также и на явные сочетания двух неслужебных односложных слов, особенно атрибутивные, в путунхуа нейтрализацией не охваченные [55].

Особое место с точки зрения нейтрализации тона занимают диалекты У, включая шанхайский, в которых ее появление автоматически определяется неначным положением слогоморфемы внутри фонетического слова [45, 56]. Мелодическая характеристика подобных слов всегда задана тоновой принадлежностью первой слогоморфемы, причем как в едином целом: тон как бы растягивается на все фонетическое слово вне зависимости от числа составляющих это слово слогов (от одного до пяти, хотя наиболее частотными являются двух-, трех- и четырехсложные фонетические слова), и, таким образом, имеет место явление, напоминающее экспансию тона, которая известна на материале африканских языков.

Особо с суперсегментной точки зрения следует, однако, отметить морфонологические особенности единиц, образованных с помощью удвоения. Каждому типу таких единиц присуща определенная модель суперсегментных модификаций, которая может как совпадать с моделями, существующими в данном диалекте для прочих полислогоморфемных единиц, так и представлять собой особые автономные разновидности чередований или нейтрализации тона, в принципе в данной системе отсутствующие. В пекинском диалекте, к примеру, при удвоении односложных глаголов используется распространенная модель с кратким "легким" тоном во втором слоге; в то же время при удвоении прилагательных во втором слоге в разговорной речи появляется вторичный тон Ia, сопровождающийся эризацией. При этом вторичные тоны, широко распространенные в диалектах гуаньхуа для полислогоморфемных единиц разного типа, в пекинском возможны только в названном случае. В качестве диалекта, в котором особые суперсегментные модификации свойственны только удвоениям, можно привести также Чанчжи провинции Шаньси [25].

Анализ новейших диалектных материалов, таким образом, свидетельствует о том, что для китайского языка можно выделить несколько ареальных морфонологических типов с учетом следующих факторов: 1) единицы, ограничивающие суперсегментные морфонологические процессы; 2) условия, вызывающие нейтрализацию тона (сочетание фонетических и морфонологических условий — только фонетические условия); 3) модели, по которым происходит слияние двух исходных слогоморфем при стоящей слева служебной в единый однослог, и, в частности, правила "тон по первому — тон по второму из двух исходных слогов"; 4) наличие/отсутствие сегментных чередований, не связанных с участием в них служебных морфем. Существование этих типов делает обязательным учет при выработке классификации диалектов китайского языка не только — как это по сути дела было до сих пор — собственно фонетических, но также и морфонологических признаков. Окончательное же решение проблемы классификации китайских диалектов и выявление лингвистического "ландшафта" страны невозможно без всестороннего осмысления многочисленных опубликованных к настоящему времени данных по лексике и грамматике, которые стали доступными главным образом на протяжении последнего десятилетия.

1. *Хэ Гэньюн*. Ханьюй фаньянь яньцзю сяоши (Краткая история исследований по китайской диалектологии). Тайюань, 1984.
2. Ханьюй фаньянь цыхуэй (Силлабарий китайских диалектов) Бэйцзин, 1962.
3. Ханьюй фаньянь цыхуэй (Словник китайских диалектов). Бэйцзин, 1963.
4. *Юань Цзяхуа*. Ханьюй фаньянь гайяо (Очерк диалектов китайского языка). Бэйцзин, 1960.
5. *Лю Лин*. Дуньхуан фаньянь чжи (Описание диалекта Дуньхуана). Ланьчжоу, 1988.
6. *Чжан Чэнцай*, *Чжу Шикуй*. Синин фаньянь чжи (Описание диалекта Синина). Синин, 1987.
7. *Цянь Цзэньи*. Яньтай фаньянь баогао (Доклад о диалекте Яньтая). Цзинань, 1982.
8. *Ли Юнмин*. Хэньян фаньянь (Диалект Хэньяна). Чанша, 1986.
9. *Ли Шэнь*. Суйчжоу фаньянь чжи (Описание диалекта Суйчжоу). Бэйцзин, 1985.
10. "Чжунго юйянь дигуцзи" мулу (Список карт "Лингвистического атласа Китая") // *Фаньянь*. 1989. № 4.
11. "Сяньдай ханьюй фаньянь дацзыдянь" кайши бяньцзуань (Начато составление "Большого словаря современных диалектов китайского языка") // *Чжунго юйвэнь*. 1991. № 4.
12. *Яхонтов С.Е.* Классификация диалектов китайского языка // *Исследования по филологии стран Азии и Африки*. Л., 1966.
13. *Wang Yu Tè*. The lexicostatistic estimation of the five main Chinese dialects // *Gengo kenkyū*. 1960. № 36.
14. *Старостин С.А.* Реконструкция древнекитайской фонологической системы. М., 1989.
15. *Юань Цзяхуа*. Диалекты китайского языка. М., 1965.
16. *Дин Бансинь*. Жугао фаньянь ды инъюнь (Фонетика диалекта Жугао) // *Лиши юйянь яньцзюсю цзикань*. 1966. XXXVI бэнь.
17. *Яхонтов С.Е.* Географическое распространение диалектов китайского языка // *Вестник ЛГУ*. 1967. № 2 (История, язык, литература. Вып. 1).
18. *Чжао Юаньжэнь*, *Ян Шифэн*. Цзици Линбэй фаньянь (Диалект Цзици уезда Линбэй) // *Лиши юйянь яньцзюсю цзикань*. 1965. XXVI бэнь. I фэнь.
19. *Чжао Юаньжэнь*, *Дин Шэньцзю*, *Ян Шифэн*, *У Цзунци*, *Дун Тунхэ*. Хубэй фаньянь дяоча баогао (Доклад об обследовании провинции Хубэй). Шанхай, 1948.
20. *Ли Жун*. Чжунго ды юйянь хэ фаньянь (Языки и диалекты Китая) // *Фаньянь*. 1989. № 3.
21. *Ли Жун*. Ханьюй фаньянь ды фэньцзюй (Классификация диалектов китайского языка) // *Фаньянь*. 1989. № 4.
22. *Завьялова О.И.* Некоторые вопросы лингвогеографического изучения фонетики гуаньхуа // *ВЯ*. 1982. № 3.
23. *Zavjalova O.I.* A linguistic boundary within the Guanhua area // *Computational analyses of Asian and African languages*. 1983. № 21.
24. *Цзинь Мэньшунь*. Линчуань фаньянь чжи (Описание диалекта Линчуаня) // *Юйвэнь яньцзю цзюкань*. 1984. № 5.
25. *Хоу Цзиньи*. Чанчжи фаньянь чжи (Описание диалекта Чанчжи). Бэйцзин, 1985.
26. *Астрахан Е.Б.*, *Завьялова О.И.*, *Софронов М.В.* Диалекты и национальный язык в Китае. М., 1965.
27. *Dow F.* Nasalisation: a traditional characteristic in northwestern dialects // *Journal of Chinese linguistics*. 1977. V. 2. P. 2.
28. *Чжоу Цзюмо*. Сундай фаньянь (Диалектное произношение эпохи Сун) // *Вэньсюэцззи (Сборник статей по китайской филологии)*. Бэйцзин, 1966. 2 бэнь. 656—662 е.
29. *Яхонтов С.Е.* Пекинское произношение XI в. // *Разыскания по общему и китайскому языкознанию*. М., 1980.
30. *Dragunov A.* Persian transcription of Ancient Mandarin // *Bull. de l'Académie des Sciences de l'URSS. Classe des Humanités*. 1931. № IX.
31. *Хирата Сёдзи*. "Сяочэн" юй бяньдяо (Уменьшительность и чередование тонов) // *Computational analyses of Asian and African languages*. 1983. № 21.
32. *Ота Ицзукэ*. Санто: жогэн-ни окэру "эрхуа" (Эризация в диалектах Шаньдуня) // *Дзимбун гакухо*. 1984. № 166.
33. *Монастырский А.А.* Лингвистическое районирование северного Китая (морфонология суффикса -эр): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1988.
34. *Эндо: Мицзуки*. Пэкинго-но "эр"-но райрэки (История "эр" в пекинском диалекте) // *Нитто: гакуин сандзю: сю:эн кинзи бунсю: То:кё:*, 1982.
35. *Янь Сэнь*. Личуань фаньянь ды цзывэй хэ эрвэй (Суффиксы -цзы и -эр в диалекте Личуаня провинции Цзянси) // *Фаньянь*. 1989. № 1.
36. *Чжэньчжан Шанфан*. Вэньчжоу фаньянь эрвэй цы ды юйинь бяньхуа (Фонетические чередования в словах с суффиксом -эр диалекта Вэньчжоу) // *Фаньянь*. 1980. № 4. 1981. № 1.
37. *Се Цзыли*, *Лю Даньцин*, *Ши Жуцзе*, *Ван Пин*, *Чжан Цзямао*. Сучжоу фаньянь ли ды юйчжуй (Суффиксы в диалекте Сучжоу) // *Фаньянь*. 1989. № 2.

38. *Се Цзыли*. Сучжоу фаньянь ды угэ хэньцзы (Пять случаев слияния стогоморфем в диалекте Сучжоу) // *Фаньянь*. 1980. № 4.
39. *Цзэн Гуанпин, Чжан Цихуань, Сюй Люэнь*. Лоан фаньянь чжи (Описание диалекта Лоаня). Хэнань, 1987.
40. *Ху Шуанбао*. Вэньшуй фаньянь чжи (Описание диалекта Вэньшуй). // *Юйвэнь яньцзю цзэнкань*. 1984. № 10.
41. *Дай Цинся, Лю Цзюйхуан*. Цзанмянь юйцзю моусе юйянь ды иньцзе данэйлюй (Законы сочетания слогов в некоторых тибето-бирманских языках) // *Миньцзю юйвэнь*. 1988. № 5.
42. *Хэ Вэй*. Хоцзя фаньянь ды бяоиньцзы цытоу (Передающие звучение префиксы в диалекте Хоцзя) // *Фаньянь*. 1980. № 4.
43. *Ши Чжэньцзи*. Нэймэн сибу дишой ханьюй фаньянь шилин (Несколько замечаний о китайских диалектах западной части Внутренней Монголии) // *Нэймэнгу дасюэ сюэбао*. 1988. № 3.
44. *Ма Вэньчжун, Лян Шучжун*. Датун фаньянь чжи (Описание диалекта Датуня). Бэйцзин, 1986.
45. *Sherard M.* A synchronic phonology of modern colloquial Shanghai // *Computational analyses of Asian and African languages*. 1980. № 15.
46. *Пяо Цзыньфань*. Чаньиньша хуа гу цюаньчжо шэнму ды фаинь тэдянь (Особенности произношения исторических звонких инициалей в диалекте Чаньиньша) // *Чжунго юйвэнь*. 1982. № 4.
47. *Гао Юйчжэнь*. Фуцин фаньянь ды шэнму лянду иньбянь (Чередования инициалей при слитном произношении слогов в диалекте Фуцина) // *Чжунго юйвэнь*. 1978. № 4.
48. *Фэн Айчжэнь*. Фуцзянь шэн Фуцин фаньянь ды юйинь ситун (Фонетическая система диалекта Фуцина провинции Фуцзянь) // *Фаньянь*. 1988. № 4.
49. *Линь Баоцин*. Сямэнь хуа ды иньбянь (Фонетические чередования в диалекте Сямэня) // *Сямэнь дасюэ сюэбао вэньсюэ юйянь чжуаньхуа*. 1983.
50. *Завьялова О.И.* О суперсегментных морфонологических процессах в китайских диалектах // *ВЯ*. 1990. № 3.
51. *Хэ Вэй*. Хоцзя фаньянь ды лянду бяндяо (Чередования тонов при слитном произношении слогов в диалекте Хоцзя) // *Фаньянь*. 1979. № 2.
52. *Хэ Вэй*. Хоцзя фаньянь ды циншэн ("Легкий" тон в диалекте Хоцзя) // *Фаньянь*. 1987. № 2.
53. *Ян Шуцзю*. Тайгу фаньянь чжи (Описание диалекта Тайгу) // *Юйвэнь яньцзю цзэнкань*. 1983. № 5.
54. *Карпетьянц А.М.* Распределение слов по длине и фонология легкого тона // *Актуальные вопросы китайского языкознания: Материалы V Всесоюзной конференции*. М., 1990.
55. *Ивата Рэй*. Ляньюньган ши фаньянь ды лянду бяндяо (Чередования тонов при слитном чтении слогов в диалекте города Ляньюньган) // *Фаньянь*. 1982. № 4.
56. *У Тай*. Гуаньюй "лянду бяндяо" ды цай жоньши (Новая интерпретация понятия "чередования тонов при слитном чтении") // *Юйянь яньцзю*. 1986. № 1.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 1993 г. ОРЛОВ Г.А.

НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛИЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРНО-РАЗГОВОРНОЙ РЕЧИ

(По материалам англоязычной лингвистической литературы)

Рубеж семидесятых-восьмидесятых годов в мировой лингвистике ознаменовался не только расширением количества исследований живой литературно-разговорной речи (ЛРР), и в частности английской [standard educated colloquial English (SECE)], но и попытками углубленного анализа ее природы, структуры и наиболее существенных особенностей функционирования, рассматриваемых с позиций интердисциплинарного комплексного подхода. В основе анализа оказываются такие кардинальные проблемы, как место и роль SECE в системе национального языка и в круге соотносительных понятий, типа standard English и sub-standard varieties; идентификация и конституирование SECE (и как системы и как типа речи) на основе интеграции внешних (социопсихолингвистических), экстралингвистических (микрокоммуникативных) и интралингвистических речеобразующих факторов; обоснование и формулирование правил речевого поведения (conversational strategies, conversational behaviour); попытки установления и описания глубинных речеобразующих факторов, лежащих в основе выбора MESE (modern educated southern English): SECE коммуникантами и функционирования последнего в условиях интеракциального и транзакциального общения и др.

Попытки идентификации SECE как системной разновидности нормированного ("стандартного") английского языка и установления его роли в системе национального языка делаются в книге А. Коумана и Р. Шепарда [1]: "Разговорная форма английского языка, — утверждают авторы, — это языковая разновидность, которую мы используем ныне в повседневной жизни" (с. 165). Полемизируя далее с учеными, считающими разговорную речь явлением, этически сниженным¹ и тематически привязанным к области "быта", они подчеркивают: "Это нормальный английский язык, используемый нами в классной аудитории, в деловом мире, в социальном мире" (с. 165). Авторы склонны рассматривать систему английского этноязыка в качестве некоего континуума, существующего в коммуникативной готовности к использованию в конкретных ситуациях общения, подчеркивая при этом, что «практически невозможно установить границы многогранного употребления английского языка. Мы не в состоянии изолировать слова или фразы, разложить их "по полочкам" и утверждать, что одни из них

¹ Ср., например, утверждение составителей словаря "New Oxford English dictionary", ассоциирующих SECE со сленгом ("Language of a highly colloquial type considered as below the level of standard educated speech") (цит. по [2, с. 105]).

всегда "официальны" (formal), а другие "неофициальны", "разговорны" (informal)» (с. 162). Приводится схема, иллюстрирующая это положение. На ней нет четких границ составляющих этноязыка, но рельефно выделяются полюса (uneducated, non-standard usage ↔ standard formal usage). Показательно безоговорочное отношение "informal English (usage)" в целом к ареалу "standard English (usage)" и противопоставление его non-standard varieties. При всем разнообразии речевых форм SECE к регламентированным формам MESE тяготеют жанры и композиционные типы официальных (полуофициальных) неподготовленных интервью, непринужденных бесед на специальные темы, монологи типа "инструктаж" (как пройти до места назначения, собрать какой-либо прибор, вычертить или нарисовать какую-либо фигуру, изображение и т.п.). С другой стороны, к вне-литературным формам тяготеют жанры бытовой беседы, бытийного рассказа о случившемся (особенно на определенную тему, например, пользующуюся предпочтением в мужской аудитории), некоторые типы светской беседы (small talk) и др. Вслед за У. Лабовым, П. Традгиллом авторы отвергают мнение о вне-литературных формах как недостойном объекте исследований (в связи с их "нестандартностью"), подчеркивая, что "ничего плохого" в них нет. Эти формы "...ничуть не хуже и не менее точны, чем standard English. Просто это другие формы" [1, с. 163]. Более глубокому пониманию авторских представлений о структуре и функционировании составляющих standard, informal, non-standard English способствует репрезентативный набор речевых иллюстраций. Так, разговорные формы, в частности, представлены в непринужденном рассказе Н. Армстронга о высадке на Луну; в краткой речи У. Черчилля, приуроченной к эвакуации английских войск из Дюнкерка 4-го июня 1940 г. (пример standard English-formal). Несмотря на облегченную (популярную) форму изложения, некоторую непоследовательность (игнорирование положений об ареальных различиях British/American/Australian English, опущение трактовки ряда поднимаемых проблем), авторам удается углубить понимание сути английской разговорной речи как целостного явления. Идея "стандартности" SECE, ее нормированности прослеживается в целом ряде исследований Д. Кристалла и Д. Дейви [3], Р. Куэрка [4], Р. Бэрчфилда [5, 6], Р. Фейсолда [7], П. Традгилла и Дж. Ханна [8], Д. Аберкромби [9], сборниках под редакцией Дж. Ричардса и Р. Шмидта [10] и Дж. Лейвера и С. Хатчесона [11] и в особенности всесторонне обосновывается в работах Дж. Браун [12–14], не говоря уже об упоминании этих положений или трактовке собственных представлений о SECE с иных позиций у представителей различных научных направлений, опирающихся, однако, так или иначе на концепции его литературности.

Признавая своевременным и актуальным описание основ SECE, которое служило бы отправным моментом в практическом овладении живой речью, Д. Кристалл и Д. Дейви в своем труде [3] уточняют содержание понятия "conversation" (при этом SECE получает различные названия: "everyday conversation", "conversational English", "conversational speech", "normal language of conversational English", "informal conversation"). «Мы используем термин "informal conversation", – пишут они, – чтобы сосредоточить внимание на той части разговорного спектра, который нас больше всего интересует: это непринужденные разговоры в обстановке, лишенной официальности, между собеседниками, которые знают друг друга, в условиях, когда участники разговора не испытывают никакого внешнего давления, что позволяет им участвовать в беседе, не контролируя свою речь» [3, с. 2]. Предлагаемые ими материалы – записи спонтанной речи, репрезентирующие искомую часть разговорного спектра ("дружеский разговор между людьми аналогичного социального статуса, тематика которого вызывает взаимный интерес").

В работе Д. Кристалла и Д. Дейви содержатся теоретические рассуждения и тонкие наблюдения над ошибками в употреблении SECE ("unconscious brick-

dropping"), изучение центральных проблем разговорного синтаксиса, лексики и фонологии SECE и основ "English sociolinguistic technique" наряду с детальным анализом предлагаемых транскриптов SECE (тематически разнообразных и отражающих the British way of life) и учебно-методическими рекомендациями. Принципиально интересны выдвигаемые положения о значении паралингвистических факторов (кинесики, просодии), элементарных правил речевого поведения, в частности, "opening gambits", учета ролевых предписаний, ролевых ожиданий ("getting into tune"). Авторы недвусмысленно раздвигают рамки функционирования SECE (от разговоров о футболе до обмена мнениями о событиях на Кипре), характеризуют наиболее существенные (по их мнению) интралингвистические характеристики SECE (fluency, intelligibility и appropriateness). Последняя в особенности существенна, ибо она связана с наиболее дискуссионными проблемами SECE: наличием/отсутствием нормы, грамматичностью/"неграмматичностью", соотношением лингвистических/экстралингвистических факторов, подробно изучаемых, в частности, в рамках "the ethnography of speaking". Рассматриваемый труд [3], однако, не касается проблем принципиального ограничения SECE от "родственных" феноменов (обиходной разговорной речи, просторечия), а описываемый набор "детерминантов" в меньшей степени предваряет и внелитературные речевые произведения. В книге фактически не затрагиваются психолингвистические аспекты проблемы.

Неоднократно возвращается в своих трудах к определению понятия "spoken English" и роли этого феномена в современной вербальной коммуникации Р. Бэрчфилд. Так, в монографии "The English language" [5] он утверждает, что "в своей разговорной форме он [английский язык], существуя в виде региональных акцентных разновидностей, продолжает играть роль эффективного инструмента коммуникации, обеспечивая обмен идеями, ведение бизнеса, ритуализованное общение, а также повседневное будничное общение (small civilities of life)". По его мнению, "... расшифровки современной неподготовленной, неотрепетированной английской разговорной речи достаточно радикально (quite radically) отличаются от жестко регламентированных (rule-governed) форм книжно-письменной речи" [5, с. 4]. В книге уделено достаточно много внимания этим концептам. В другом его труде, являющемся практическим руководством для дикторов Би-Би-Си [6], отчетливо прослеживается мысль о повышении социального престижа SECE, который становится конкурирующей разновидностью standard English в публичном общении наряду с MESE².

Незначительное на первый взгляд замечание о "региональных акцентных разновидностях" фактически имеет глубокую подоплеку, если вспомнить о затнувшейся в Англии дискуссии относительно соотношения понятий standard English/standard pronunciation (RP)³, начавшейся со времени, когда Би-Би-Си (в 1926 г.) в качестве своего первейшего долга провозгласила "отставание стандарта spoken English" и попыталась навязать обществу единый произносительный стандарт ("BBC English"). Универсальный процесс демократизации общения (resp. демократизации языка) подвел итог этому спору: ныне носители standard English (resp. SECE) не обязательно должны являться носителями RP: вполне престижны и "стандартны" региональные произносительные нормы (в частности, шотландский вариант) [4, 6].

В ряде работ затрагивается дискуссионная проблема "грамматичности"/"неграмматичности" SECE. "Радикальные отличия" речевых форм SECE, по Р. Бэрчфилду, не означают "неграмматичности" последних. Задавшись вопросом, можно ли описать в терминах грамматики "разговорный дискурс" (ordinary

² Эта мысль, в частности, подробно развивается в исследованиях Дж. Браун ([12-14], ср. [15]), Р. Куэрка [4] и других лингвистов.

³ См. подробнее об этом в работах П. Традгилла и Дж. Ханна [8], Д. Аберкромби [9].

conversational discourse), другой известный лингвист – Р. Фейсолд – отвечает на него утвердительно: "Я полагаю, – пишет он, – что в пользу существования грамматики [разговорного дискурса] говорит то, что те, кто им пользуется, замечают нарушения норм, допущенные либо ими самими, либо собеседниками"... [7, с. 306].

Признавая, что фактическая вариативность литературного стандарта коррелирует с параметрами социального статуса, пола и возраста носителей и что фонетико-фонологические характеристики их речи не релевантны принадлежности к standard English, П. Традгилл в свою очередь отстаивает "грамматичность" даже сниженных разговорных форм, заявляя: «Лишь в случае, когда десятилетний ученик замечает, что он не знает значение слова "национальность", можно говорить, что он еще не является носителем standard English, а не тогда, когда он использует фразу "I done it" или "I seen it"» [8, с. 72]. По его мнению, вместо категории standard English, ассоциируемой с понятием correct English (санкционируемым социальной элитой), следует оперировать понятиями common/uncommon English [8, с. 72].

Еще более решительно настроена Дж. Уиткат. Охарактеризовав некоторые особенности языковой ситуации в Великобритании, в силу которых "народно-разговорные" варианты произношения (особенно в школах и колледжах) известным образом потеснили престижное RP, (которого фактически придерживаются ныне около 3% англичан), и высказав критические замечания в отношении известного проекта "Survey of English usage at University College, London" (информантами последнего являются выпускники – носители standard English), она утверждает: «Хотя standard English и является престижным и нерегиональным вариантом среди других разновидностей, у него нет "дарованных богом" прав называется "the English language". Другие варианты... с давних времен являются достойными конкурентными формами, совсем не "испорченными"; они имеют собственные организованные грамматики» [16, с. 162].

Как бы подытоживая эти и другие утверждения о системном, нормированном характере SECE, проявляющемся в его функционировании, Д. Кристал и Д. Дейви подчеркивают: «Неформальность обстановки повседневного общения... неизбежно приводит к появлению в речи рыхлых конструкций, неполных высказываний, неграмматичности, стилистических колебаний и многих других лингвистических "ошибок", но все эти элементы остаются либо незамеченными, либо вполне допустимыми, – их можно назвать ошибками только с точки зрения норм официального общения или книжно-письменного языка» [3, с. 87].

Современная грамматика, по мнению составителей "English grammar for today. A new introduction" [17], должна учить не тому, «...как использовать письменные формы "хорошего английского языка" или говорить "правильно" (хотя в принципе в этом нет ничего плохого): грамматику следует рассматривать как механизм, лежащий в основе функционирования языка, используемого для того, чтобы люди могли общаться между собой» [17, с. 3]. Приведя далее пример разговорной фразы *Who did you give this to?* вм. прескриптивной *To whom did you give this?*, авторы пишут: "Если использование подобных фраз стало обычным явлением, то правила дескриптивной грамматики должны санкционировать это"⁴.

Аналогичные суждения высказывает Р. Хаддлстон [18]: «Главное возражение относительно прескриптивной традиции, – пишет он, – касается игнорирования ею того, что мы называем "вариативностью стиля". В большинстве случаев достаточно различать "официальный", "неофициальный" и "нейтральный" стили, например:

(1) *He advised us by whom it had been designed* (formal)

⁴ Эти положения, если их развернуть, по сути лежат в основе методологии коммуникативного обучения языку, о чем убедительно говорится в ряде работ (см [3, 12, 13]).

(2) *Who had it been designed by?* (informal)

(3) *He knew who had designed it* (neutral)» [18, с. 48].

И далее: «В то время, как лексико-грамматическим элементам официального стиля присущи оттенки безличности, отчужденности, холодности и чопорности, неофициальный стиль ассоциируется с расслабленностью, дружелюбием, теплотой. Их различия аналогичны отличию вечернего костюма от повседневного» [18, с. 49].

Своеобразным итогом этой дискуссии служит высказывание Д. Кристалла. Характеризуя труды Р. Куэрка как вызов "преобладающим традиционным взглядам, в известной мере не отражающим сути современного английского языка", Д. Кристалл замечает: "Вызов состоит в побуждении к созданию модели, которая адекватно отражала бы разносторонние данные [о языке]. Ни в какой другой области игнорирование этого вызова не является столь огорчительным, как в области учета данных той разновидности английского языка, которая признается ныне в качестве основы повседневного поведения, а именно непринужденной повседневной речи (*informal domestic conversation*). Именно здесь разрыв между [ставшим стандартным] описанием и наблюдаемой реальностью является наиболее заметным" [19, с. 153]⁵.

Между тем по мнению представителей социолингвистики и этнометодологии, поднимаемая проблема не исчерпывается лишь ограничениями, накладываемыми на речь ("речевые события"/"речевые акты") правилами грамматики. Индивидуальный выбор речевых форм среди потенциально возможных может отражать семейное воспитание носителя языка, его сиюминутную интенцию, может идентифицировать его как южанина или северянина, горожанина или деревенского жителя, образованного или малообразованного. Он может отразить даже его желание выглядеть дружелюбным или отрешенным, панибратским или почтительным. Решению этой задачи, в частности, отвечает адекватное понимание соотношения *language choice/social appropriateness*.

Проблема "уместности" ("*appropriateness*"), особенно в соотношении с "грамматической правильностью", сложна и многоаспектна, но ее суть наглядно демонстрируют Дж. Браун и Дж. Юл [13]. Акцентируя важность учета этого фактора в реальной коммуникации, они пишут: «Единственным основанием, позволяющим судить о том, что эти люди [русские. – О.Г.] не являются носителями [английского] языка, была их грамматически безупречная речь... В этом отражается довольно странное понимание "речевого совершенства" ("*a very odd notion of perfection*"). Беседа иностранца с носителем языка в подобном ключе звучит так, словно вы обращаетесь не к повседневному собеседнику, а выступаете на публичном митинге, используя официальные обороты речи и точно формулируя свою мысль по вопросу, который вы обдумывали много раз до этого. Язык может быть *формально правильным*, но его форма безусловно *неуместной*, и реакция многих англичан при этом может быть далекой от проявления доброжелательности к тому, кто обращается к собеседнику так, словно перед ним аудитория» [13, с. 21–22]. Эти и другие социолингвистические исследования существенно дополняют представление о SECE, который рассматривается прежде всего как способ взаимодействия общающихся при учете предписаний и правил речевой коммуникации. Несмотря на громадный разброс мнений и взглядов, различие подходов и оценок, в них просматриваются некоторые общие моменты, в частности представление о том, что в основе реализации SECE неизбежно находится стремление коммуникантов к установлению и поддержанию доброжелательного контакта. Так, Ч. Гудвин полагает, что "для успешного ве-

⁵ С учетом сказанного не более как курьезом выглядит факт полного игнорирования существования *informal English* (и его особенностей) в *University grammar of English* [20], изданной для русских студентов, изучающих английский язык.

дения разговора от его участников требуется не только продуцирование высказываний, но и координирование своей части разговора с высказываниями собеседника в направлении, благоприятствующем ведению беседы" [21, с. IX]. Более категоричен Р. Уордх, утверждающий, что «разговор – это ... прежде всего "кооперативная акция"» [22, с. 1]. Далее он подчеркивает: "Участие в разговоре ... требует от обоих участников внимания к нуждам друг друга, в особенности к пожеланию не быть обиженным" [22, с. 2]. Синхронизация речевого и внеречевого поведения, детерминированного социокультурными и ситуационными факторами, лежит в основе национально-окрашенного и традиционного стиля общения, который, по словам Н. Маркела, "прокладывает русло, по которому движется поток диалогического общения" [23, с. 149]. Развитие этих положений наблюдается в работах М. Стаббса: «В нашем обществе, – пишет он, – существует правило, которое требует, чтобы интеракция проходила гладко, без затруднений. Поэтому пауз, умолчания следует избегать, а остальные моменты недопонимания друг друга должны быть сглажены. Коммуниканты моментально реагируют на любые отклонения от ведения беседы в этом ключе, предпринимая, если необходимо, [отчаянные] попытки, чтобы восстановить "ритуальное равновесие" (ritual equilibrium)» [24, с. 241]. М. Стаббс далее подчеркивает, что "отчаянные попытки" фактически излишни, поскольку в этом случае начинает действовать механизм саморегуляции интеракции, по образному выражению автора, "тщательно отрегулированный термостат, поддерживающий коммуникацию в желательном температурном режиме" [24, с. 241].

По мнению ряда исследователей, однако, "механизм саморегуляции", "доброжелательность", проявляющиеся в соответствующей "тональности общения" (и соответствующих вербальных и невербальных манифестациях) – далеко не однородные понятия. Они связаны с внутренним миром коммуникантов, с конкретной ситуацией общения и т.д. Так, в качестве важнейших составляющих внутреннего механизма функционирования речи Р. Лакофф выделяет четыре принципа: "принцип рациональности" (the principle of rationality) – говорящий предположительно высказывает разумные вещи, а если слушатель что-то недопонимает, он винит в этом прежде всего себя; "принцип выгоды" (the principle of benefit) – коммуникант настроен на получение какой-либо информации и/или на удовлетворение чувственно-эмоциональных и иных потребностей; "принцип ясности изложения" (the rules of clarity), "принцип взаимопонимания и согласия" (the rules of rapport) [25, с. 309].

Существенно, что в то время, как принцип ясности изложения обычно реализуется с помощью вербального кода, принцип взаимопонимания часто осуществляется с помощью невербальных средств. По мнению Р. Лакоффа, в повседневном общении "получение эмоционального удовлетворения оказывается бóльшим благом, чем получение информации" [25, с. 309]. Автор делает вывод, что в случае необходимости выбора между "максимальной ясностью изложения" и "оптимальным благом" предпочтение отдается принципу взаимопонимания. "Одна из причин того, что мы нередко выражаемся не столь ясно, как могли бы, заключается в том, что мы опасаемся нарушить принцип взаимопонимания и согласия" [25, с. 309].

Как видно, приводимые выше суждения фактически перекликаются с известным "принципом кооперации" Г. Грайса, а положения об органической связи внутреннего мира человека, его психофизиологической структуры со специфическими речевыми манифестациями – с более ранними концепциями В. Гумбольдта⁶ [26]. Основное достоинство этого направления исследований состоит, видимо, в акцентировании важности учета так называемого "психо-

⁶ И даже учениями древних философов, если вспомнить, например, Гиппократ и его характерологическую классификацию личности.

логического фона", сопровождающего реализацию конкретного речевого акта, хотя это само по себе весьма существенно для понимания сути SECE. Рассматриваемое направление исследования, опираясь либо на абстрактные, либо на микрконтекстные структуры, практически не дает ответа на основной вопрос интралингвистически – каким образом указанные принципы реализуются в конкретных речевых формах SECE, коррелируя с ними на всех уровнях языка.

Очевидным вкладом в описание разговорной речи являются исследования паралингвистических проблем, во многом опирающиеся на известные концепции Э. Сепира, Дж. Фэрга, З. Харриса и др. Хотя роль паралингвистики в формировании речевых форм SECE и в передаче содержательной, прагматической и индексальной информации известна, "разработка этих проблем, в частности, в рамках социалингвистики, до начала 70-х годов фактически игнорировалась" [14, с. 186]. Все более самостоятельными предметами анализа становятся ныне вокальные/невокальные, кинесические и проксемические средства, изучаемые в рамках взаимодействия с сегментными средствами при комплексном подходе. Своеобразный обзор этих работ содержится в исследовании Р. Бэрдвистела [27]. Ядром проблемы вокалических средств, по его мнению (поддерживаемому Д. Кристалом, Дж. Лейвером и др.), является фактор "качество голоса" (the quality of voice). В работе дается развернутая характеристика этого понятия, включая трехмерную таксономию (параметры "характера" голоса, включая смех, плач, стон, шепот, крик и др.; "квалификаторы" интенсивности, высоты подъема голоса, продолжительности речи и так называемые "разделители" – the vocal segregates). Подробно анализируются параметры кинесики и ее составляющих (kines, kinemorphs, kinemorphic constructions) «То, что мы обычно называем "жестами" – пишет автор, – например, "показать к.-л. нос", "покачать головой", "кивнуть", "гримасничать", "показать сжатый кулак", при детальном анализе оказываются специфически связанными кинеморфами... Их фактически следует рассматривать в качестве аналога "основы" в лингвистике (морфологии). В свою очередь паракинесика включает следующие параметры: квалификаторы двигательных реакций, модификаторы движения тела в ходе интеракции, индикаторы постоянного качества речевой деятельности коммуниканта» [27, с. 93]. Характеризуя высокую информативность паралингвистических параметров личности (говорящего), Бэрдвистел утверждает, что при адекватном анализе 20-секундный фрагмент звукового фильма иногда оказывается более информативным, чем иные многочасовые интервью. По его мнению, даже очень краткий фрагмент общения в "хорошо известном контексте" может служить основой для широких обобщений, которые затем могут подвергнуться систематизированному тексту. В свете современных концепций, данные так называемой статистики раскрывают не более 30–35% "социального значения" разговорного речевого произведения или интеракции, выраженных с помощью слов [27, с. 98]. Анализу аналогичных проблем паралингвистики посвящено также исследование Д. Голинджера [28], в котором подробно говорится, в частности, о комплексном взаимодействии "trio" (verbal language, visible gesture, audible gesture) в непринужденном общении. Он подразделяет параметр "жеста" на два основных типа: ["произвольные" (никто не учится смеяться, вскрикивать от испуга и т.д.) и "произвольные" (деланный смехок, "крокодилы слезы" и пр.)], включающие несколько подтипов: лексические (*хм-м, ага* и пр.), иконические (*бз-зз – пчела, та-та-та – пулемет* и т.п.) и др. Подчеркивается национально-культурный характер норм, инвариантность их проявления в соответствии с ролевыми ожиданиями, появления определенных речевых стереотипов и клише. Дополняет знания паралингвистики описание проксемических факторов, подробно исследуемых в труде Э. и М. Холл [29]. Особое внимание в этой работе уделяется "качеству голоса", синтезирующему высоту подъема, громкость,

продолжительность, а главное, тембр. "Фонетическая теория, которая ориентирована на получение адекватных данных о разговорной речи, – считает Дж. Лейвер, – не может не принимать во внимание фактор качества голоса" [30, с. 5]. По его мнению, этот фактор может проявляться постоянно (идентификация конкретного говорящего) или одновременно ("тембровая окраска" положительного/негативного диапазона) и использоваться в сочетании с сегментными элементами. Как свидетельствуют исследования П. Традгилла, качество голоса – достоверный социолингвистический индикатор, коррелирующий с социоситуативной стратификацией английского языка в Великобритании [31]. Он полагает, в частности, что качеству голоса менее образованных носителей языка присущи более высокий подъем тона, более интенсивная громкость, скрипящий тембр, несколько выдвинутое и опущенное положение языка и другие нюансы.

Качество голоса в ряде работ ассоциируется с тональностью высказывания ("tone of voice"), предопределяющей выбор речевых форм MESE/SECE, в особенности когда последние не противоречат ролевым ожиданиям⁷. "В процессе разговорного общения, – указывает Д. Кристал, становятся очевидными разграничительные особенности [используемых речевых элементов. – О.Г.], многими из которых являются супraseгментами, ассоциируемыми с социальными ролями коммуникантов, уровнем формальности и объектами речевой ситуации" [33, с. 84].

Чрезвычайно существенными для идентификации и конституирования SECE с позиций тональности общения, ее связи с коммуникативным замыслом и интенциями говорящего, а также ее материализации в реальных единицах и структурах языка оказываются исследования Р. и С. Сколлон и Т. ван дер Гееста: «Мы все знаем о таком явлении, как "тональность голоса" (tone of voice), – говорят Р. и С. Сколлон. Мы можем сказать: "Меня огорчает не то, что он сказал, а как он сказал это". В значительной степени наше восприятие базируется на способе передачи информации, который включает просодическую структуру интонации, темп речи, уровень громкости либо относительную высоту подъема. Это может быть также реализовано грамматически, например, изменением порядка слов, или морфологически, путем добавления суффиксов, префиксов или отдельных слов, усиливающих высказывание эмфатически» [34, с. 162].

По мнению Т. Гееста, "...тональность и интонация во много раз более существенны для окончательной интерпретации интенций говорящего, чем вербальный компонент. Это положение справедливо особенно тогда, когда оба эти компонента находятся в оппозиции друг к другу. В других случаях, если интонация и тональность не добавляют ничего нового, их учет становится излишним в том смысле, что ни говорящий, ни слушающий могут не придавать им особого значения" [35, с. 100].

Приводимые фрагменты анализа качества голоса имплицитно подкрепляют выдвигаемый исследователями разговорной речи тезис о главенствующей роли тональности высказывания⁸ (conversational tone of voice) в инициировании структур английской литературно-разговорной речи, всесторонняя характеристика которой дается, в частности, в работах Дж. Браун и Дж. Юла [12–14].

Дж. Браун [12], отмечая расхождения между "academic English" и "authentic English", критикует заблуждение относительно того, что можно научить разго-

⁷ Не все с этим согласны. У. Дабов, например, склонен игнорировать non-segmental phenomena на том основании, что они не поддаются количественному анализу [32].

⁸ В свою очередь она является вектором "установки на разговорность" (мотивов, интенций) говорящего, но детерминирована вместе с тем ситуацией высказывания. См. об этом более подробно [36].

ворной речи, лишь увеличив темп речи, преобладающей в классе (*slow colloquial speech*), ибо последняя радикально отличается от живой речи. Высказывается принципиальное утверждение: "официальный риторический стиль" (базирующийся на *slow colloquial*. – О.Г.), почти исчез из публичного общения. Вместо него ораторы используют ныне непринужденный разговорный ("chatty") стиль. Это справедливо также и в отношении выступающих по радио и телевидению. Даже дикторы Би-Би-Си, некогда строго придерживавшиеся стандарта, поддались этой тенденции: вместо обращения к слушателям в отстраненно-прохладной манере каких-нибудь 10 лет тому назад они заканчивают известия шуткой и улыбкой [12, с. 3].

Авторы трудов [13, 14] исследуют структурно-функциональные особенности SECE с позиций теории анализа дискурса. По их мнению, SECE функционально подразделяется на структуры преимущественно интеракционного общения (установление и поддержание доброжелательного контакта) и преимущественно транзакционного общения.

Информативная ценность интеракции, как правило, незначительна, она ориентирована на слушателя (*listener-oriented*) и реализуется в основном с помощью моносементных структур (*short turns*) [13, с. 17]. Часто участники подобных контактов не вслушиваются в реплики и, если что-нибудь не поняли или пропустили, делают вид, что следят за говорящим, понимающе кивают (паллиатив внимания). Совсем иная целеустановка при транзакционных речевых контактах. Сообщение какой-либо информации ориентировано прежде всего на план содержания (*message-oriented*). Важны детали и адекватное понимание всего сообщения. Возможны переспросы, уточнения, не исключены письменные заметки со стороны слушателя. Основой структуры являются полисементные высказывания (*long turns*). Структурно и семантически SECE подразделяется на несколько видов:

P h a t i c I (контактно-устанавливающие формы) типа *greeting – greeting, farewell–farewell, polite request – gratification* и др.;

P h a t i c II (*small talk* "светский разговор") – особая форма, отличающаяся ритуализованностью, обработанностью (иногда эlegantностью) плана выражения;

M e a n i n g f u l t a l k (собственно транзакционное общение), требующее овладения достаточно сложными речевыми структурами, чтобы быть способным ясно и непринужденно выражать свои мысли и чувства [13, с. 19].

Руководствуясь теорией "Анализ дискурса", в своем другом труде авторы выходят за пределы отдельного высказывания, "речевого акта", обоснованно полагая, что адекватное представление об этом явлении (SECE) может быть достигнуто лишь при анализе реального речевого обмена, который, как правило, имеет большую протяженность. Определяя "текст" разговорного дискурса как "вербальную фиксацию коммуникативного акта" [14, с. 11], они рассматривают его как сплав продукта и процесса, в котором определенная коммуникативная цель (*intended message*) материализуется комплексом вербальных и паралингвистических средств. Для адекватного понимания "текста" разговорного дискурса приходится учитывать и такие компоненты, как посторонние шумы (шум улицы, звук работающего мотора или отодвигаемых стульев, чьи-то голоса, покашливание говорящего и т.п.), поскольку последние характеризуют конситуацию.

К а т е г о р и а л ь н ы м и структурно-лингвистическими характеристиками SECE авторы считают: компрессию и избыточность (реализуемые в импликационных/экспликационных структурах), стремление к стереотипизации и шаблону, использованию "готовых речевых блоков", с одной стороны, и к неограниченному стремлению к речетворчеству – с другой⁹; явление "неграм-

⁹ Что почти полностью согласуется с данными исследований русской разговорной речи [15].

матичности" (сбивчивость речи, использование "заполнителей пустоты", самоперебивы и коррекция высказывания под влиянием обратной связи); неравномерную паузацию; неравномерность сжатия содержания высказывания, элизиона на всех уровнях и пр.¹⁰. Основной единицей структуры считается относительно завершённый фрагмент монологического или диалогического высказывания (*chunk*), а минимальной несвязанной единицей последнего – "шаг дискурса" (*move*). Единицы традиционного синтаксиса (*sentential syntax*) для целей анализа не подходят, что очевидно из следующей тривиальной реплики диалога (описания части города): "...it's quite nice just now the Grassmarket since + + it's always had the antique shops but they're looking + they're sort of + em become a bit nicer and they've got the fair down there too which is + "... [13, с. 16]. Содержательный анализ подобного дискурса может опираться не столько на формулу *subject, predicate, object (SPO)*, сколько на предлагаемую Дж. Гайвоном схему *topic -- → comment*.

Опираясь на выдвигаемую Т. ван Дейком концепцию "принимаемой разумности устройства окружающего мира" (*the assumed normality of the world* [38]), авторы пытаются на основе выделения повторяющихся элементов вывести общие закономерности структуры и функционирования в таких различных жанрах и типах SECE, как *chat, debates, news broadcast fragments* и пр.

Особое внимание уделяется сложной проблеме тематического компонента (*topic*) и роли последнего в иницировании и поддержании речевого контакта (*speaking topically*), смене тем (*topic-shift*) и его завершении.

В отличие от этнометодологов и этнографов (Х. Сакса, Е. Щеглова, Д. Хаймса) и лингвофилософов (Дж. Остина, Дж. Сирля, Г. Грайса), исследования Дж. Браун и Дж. Юла, как и работы Дж. Синклера, Р. Коултхардта (Бирмингемский центр изучения разговорной речи) и других ученых, ориентированы на выявление, описание и систематизацию прежде всего собственно лингвистических данных живой речи, в частности, с позиций анализа дискурса.

Существенным фактором, отражающим укрепление позиций устной коммуникации, является набирающий силу процесс ее кодификации: растущее признание и обоснование во многих исследованиях ее существования и роли в системе национального языка, появление серии учебников (*Cambridge textbooks in linguistics*) и учебных пособий (типа [39, 40]), базирующихся на записях живой речи, лексикографических руководств (типа [41, 6]), кодификация относительно типизированных произносительных, словообразовательных, синтаксических и структурных особенностей (в [37]) и в новейших выпусках оксфордских словарей и дополнениях к Большому оксфордскому словарю.

Приходится, однако, с сожалением констатировать, что пока не предпринималось попытки глобального интердисциплинарного описания SECE как целостного феномена. Продолжают оставаться дискуссионными проблемы грани SECE, в особенности верхней границы (в отличие от речевых форм устно-литературной подготовленной/полуподготовленной публично-ориентированной речи), оппозиции близких, но принципиально различных понятий "разговорная речь": "разговорный стиль"; выявление того, что лежит в основе реализации речевых форм именно SECE, а не сосклеу или MESE (в тех случаях, когда этот выбор потенциально возможен), и др.

Красной нитью в рассмотренных выше исследованиях проходит мысль об относительности достигнутого уровня понимания сложной природы SECE – реально функционирующей разновидности современного английского языка.

¹⁰ См., например, о кодификационных суждениях в [37, с. 52].

1. *Coman A., Shephard R.* Language is! London; Sydney, 1972.
2. *Galperin I.* Stylistics. M., 1977.
3. *Crystal D., Davy D.* Advanced conversational English. Essex, 1981.
4. *Quirk R.* Style and communication in the English language. L., 1982.
5. *Birchfield R.* The English language. Oxford, 1985.
6. *Birchfield R.* The spoken word. L., 1980.
7. Variation in the form and use of language / Ed. by Fasold R. Washington, 1983.
8. *Trudgill P., Hannah J.* International English. L., 1982.
9. *Abercrombie D.* Studies in phonetics and linguistics. Cambridge, 1965.
10. Language and communication / Ed. by Richards J. and Schmidt R. L., 1985.
11. Communication in face-to-face interaction / Ed. by Laver J., Hutcheson S. Harmondsworth, 1972.
12. *Brown G.* Listening to spoken English. L. 1977.
13. *Brown G., Gule G.* Teaching the spoken language. L., 1983.
14. *Brown G., Yule G.* Discourse analysis. Cambridge; London, 1983.
15. *Земская Е.А., Китайгородская М.В., Ширяев Е.Н.* Русская разговорная речь. М., 1983.
16. *Whitcut J.* English, my English? N.Y., 1983.
17. *Leech G., Deuchar M., Hoogenraad R.* English grammar for today. A new introduction. L., 1982.
18. *Huddleston R.* Introduction to grammar of English. Cambridge, 1984.
19. *Crystal D., Greenbaum S., Leech G. et al.* Studies in English linguistics. L., 1986.
20. *Quirk R., Greenbaum S., et al.* A university grammar of English. L., 1982.
21. *Goodwin Ch.* Conversational organization. Interaction between speakers and hearers. N.Y.; L., 1981.
22. *Wardhaugh R.* How conversation works. Oxford, 1985.
23. *Markel N.* Conversational styles and expression of power and solidarity // The linguistic connection / Ed. by Casagrande J. N.Y., 1983.
24. *Stubbs M.* Discourse analysis. The sociolinguistic analysis of natural language. Chicago, 1983.
25. *Lakoff R.* Psychoanalytic Discourse and ordinary conversation // Variation in the form and use of language / Ed. by Fasold R. Washington, 1983.
26. *Гумбольдт В.* Язык и философия культуры. М., 1985.
27. *Birdwhistel R.* Paralanguage twenty-five years after Sapir // Communication in Face-to-face interaction / Ed. by Laver J., Hutcheson S. Harmondsworth, 1972.
28. *Bolinger D.* Aspects of language. 3-d ed. N.Y., 1981.
29. *Hall E.M.* The sounds of silence // Language: concepts and processes / Ed. by De Vito J. N.Y., 1973.
30. *Laver J.* The phonetic description of voice quality. Cambridge, 1980.
31. *Trudgill P.* The social differentiation of English in Norwich. Cambridge, 1974.
32. *Labov W.* The logic of non-standard English // Language and social context / Ed. by Giglioli P. N.Y., 1973.
33. *Crystal D.* The English tone of voice: Essays in intonation, prosody and paralanguage. L., 1975.
34. *Scollon P., and S.* Face in interethnic communication // Language and communication / Ed. by Richards J. and Schmidt R.L., 1985.
35. *Greest T.* Some aspects of communicative competence and their implication for language acquisition. Amsterdam, 1975.
36. *Орлов Г.А.* Современная английская речь. М., 1991.
37. *Crystal D.* The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge, 1987.
38. *Dijk T. van.* Handbook of discourse analysis. V. 1-4. L., 1985.
39. *O'Neil R., Scott R.* Viewpoints. Interviews for listening comprehension. Hong Kong, 1979.
40. *Ur P.* Teaching listening comprehension. Cambridge, 1984.
41. *Wood F.* Dictionary of English colloquial Idioms. L., 1979.

РЕЦЕНЗИИ

Rizzi E. Italiano regionale e variazione sociale: L'italiano di Bologna. Bologna: Cooperativa libraria Universitaria editrice Bologna, 1989. 149 p.

Э. Рицци – специалист по романскому и классическому языкознанию, занимается итальянской диалектологией и социолингвистикой. Особое внимание этого автора привлекает языковая ситуация в Болонье, крупном промышленном и культурном центре Италии, столице провинции Эмилия-Романья.

Рецензируемая книга написана в русле современных течений итальянской социолингвистики, в которой важное место занимают исследования, посвященные созданию "языковых портретов" крупных городов, как с точки зрения диалектного, так и социолингвистического варьирования.

Ситуация в Болонье представляет для итальянистов безусловный интерес. Болонья – старейший университетский центр Италии, всего около сотни километров отделяют его от Флоренции, колыхбела итальянского литературного языка, столицы Тосканы. Но болонский диалект, в отличие от тосканского, принадлежит не к центральной, а к северной группе итальянских диалектов. Обладая традициями культурными и литературными традициями, Болонья веками соперничала с Флоренцией. Вместе с тем еще со времен Данте было известно, что городское наречие Болоньи довольно специфично, отличается от диалекта провинции и варьируется даже в пределах одного города по кварталам. Все это дает основания предполагать, что "языковой портрет" Болоньи должен обладать весьма интересными и яркими характеристиками.

Теоретические основы исследования Э. Рицци опираются преимущественно на два ряда источников. С одной стороны, в том, что касается сбора и анализа конкретного языкового материала, автор обращается к богатейшим традициям итальянской диалектологической школы, в которой накоплен большой опыт

описания, особенно фонологического и лексического, диалектов провинций, говоров отдельных местностей и населенных пунктов. С другой стороны, для систематизации и классификации диалектологического материала использованы методики американской социолингвистической школы, особенно работы У. Лабова. Подобное сочетание двух методологических подходов вообще характерно для современной итальянской социолингвистики.

В центре внимания авторов в этой работе находится тот уровень языковой стратификации, который именуется *italiano regionale* (региональный итальянский). Он оказывается промежуточным звеном между собственно диалектом и итальянском общим стандартом (*italiano standard*). Для современной языковой ситуации в Италии анализ именно этого уровня представляется очень актуальным. Не только специалисты, но и сами носители итальянского языка отмечают "отступление" диалектов в чистом виде. После второй мировой войны, с распространением всеобщего образования, под влиянием средств массовой информации, а также в связи со значительными миграциями населения общеитальянский стандарт перестал быть некоей идеальной языковой моделью. Вместе с тем региональная специфика в той или иной степени, в том числе и в зависимости от коммуникативной ситуации, выявляется в речи почти каждого итальянца.

Задача Э. Рицци заключается в том, чтобы описать региональный вариант итальянского языка в г. Болонья, увязав собственно языковые (прежде всего фонологические) характеристики с определенными социальными и ситуативными параметрами. Использовалась методика корреляционного анализа и моделирования с помощью вариативных правил. Таким образом, создавалась мо-

дель языкового континуума, на разных полюсах которой оказывались диалект и общепитальянский стандарт, и устанавливалась иерархия языковых вариаций.

В соответствии с итальянской традицией опрос проводился среди жителей одного болонского квартала, находящегося непосредственно в историческом центре города, причем все информанты являлись болонцами не в первом поколении. Информанты, всего 96, классифицировались автором на группы по следующим параметрам: пол, возраст, уровень образования и характер профессиональной деятельности. Всем предлагался для прочтения набор ключевых контекстов с тем, чтобы выявить важнейшие, с точки зрения автора, фонологические характеристики итальянского в Болонье. Кроме того, информантам давался вопросник, где рассматривались такие проблемы, как степень влияния на говорящего средств массовой информации (чтение газет, просмотр телепередач и т.д.), коммуникативные ситуации, связанные с обращением к итальянскому языку или к диалекту (в семье, на работе и др.), а также субъективные соображения информантов о роли и общественной ценности языка и диалекта. Исследование дополнялось записями спонтанных бесед и разговоров в городских магазинах, в баре и т.д., а также выступлений на муниципальных городских советах.

Таким образом, рецензируемая работа Э. Рицци опирается на конкретные и хорошо документированные источники. В этом, на наш взгляд, и состоит ценность монографии. Современная языковая картина Италии очень пестра и изменчива, и нередко важные сдвиги в социальной стратификации языка ощущаются обществом в целом и констатируются а priori, но не получают адекватного научного анализа. В исследовании же Э. Рицци не только анализируется процесс "язык — диалект" в Болонье, но и указываются конкретные составляющие этого процесса.

Автор констатирует, что фонологические различия между "итальянским болонским" (*italiano bolognese*) и общепитальянским стандартом лежат прежде всего в области консонантизма. Системы гласных в целом совпадают, кроме оппозиции открытого и закрытого *e*, которая в Болонье часто снимается.

Внимание исследователя привлекают в основном различия, связанные с произношением аффрикат, фрикативных и гем-

нированных согласных. На основании анализа этих характеристик устанавливаются три уровня регионального итальянского, которые иерархически располагаются на оси языкового континуума от диалекта к итальянскому стандарту. Ближайший к диалекту уровень, например, имеет лишь одну фрикативную фонему альвеолапалатального характера. На этом уровне нейтрализуется общепитальянская оппозиция [s]/[ʃ] типа *sì* "да" — *sci* лыжи. На втором уровне существует оппозиция указанной фонемы и другой, также фрикативного альвеолярного согласного. Наконец, первый уровень в соответствии с общепитальянским стандартом различает [s] и [ʃ].

При установлении корреляции между выделенными фонологическими характеристиками и социальными параметрами автор выделяет следующие соотношения: мужчины чаще, чем женщины обращаются к тому уровню регионального итальянского, который близок к диалекту, при этом их выбор зачастую консервативен; женщины отдают предпочтение вариантам, приближающимся к общепитальянскому стандарту, и охотнее воспринимает языковые инновации. Кроме того, в женской речи чаще встречаются гиперкорректные, с отклонениями в сторону общепитальянского стандарта формы. Более привержены диалектным вариантам лица, достигшие сорока лет и старше; лица менее сорока лет и моложе выбирают уровень регионального итальянского, приближенный к стандарту. Естественно, информанты, занятые физическим трудом (это чаще всего сочетается с низким образовательным уровнем), употребляют те формы, которые отражают диалектное произношение. Однако в их речи нередко встречаются случаи гиперкоррекции.

Проведенный опрос, позволивший систематизировать ситуации употребления различных языковых вариантов, а также классифицировать оценки информантов диалекта и общепитальянского стандарта, вносит определенные коррективы и дополнения в языковой континуум, описанный Э. Рицци на основании корреляционного анализа. Автор показывает, что большинство информантов, мотивируя выбор той или иной языковой разновидности, говоря об итальянском языке, ссылаются прежде всего на соображения целесообразности, эффективности акта коммуникации на итальянском

("так все говорят": "меня все понимают"), престижа. Выбор диалекта нередко определяется подобными же соображениями, исключая ссылки на престижность. В этом случае прибегают скорее к высказываниям эмоционального характера: "на диалекте говорили наши предки", "следует сохранять традиции" и т.д.

Записи определенных коммуникативных ситуаций дали автору возможность определить соотношение между языком и диалектом в Болонье (говоря о языке, в данном случае Э. Рицци подразумевает различные уровни "болонского итальянского") как микродиглоссию. Диалект играет в общении второстепенную роль, его появление обусловлено рядом причин, например, предположением, что собеседник предпочитает именно диалект, цитацией чужого высказывания и т.д.

В целом же в результате проведенного Э. Рицци исследования происходящие в языковой ситуации Болоньи специфические процессы оказались убедительно вписанными в общеитальянскую картину. По общему типу соотношения "язык – диалект" Болонья примыкает к другим крупным итальянским городам, где диалект как средство коммуникации отступает на второй план. В этом их отличие от мелких провинциальных городов, где диалект продолжает играть ведущую роль в коммуникативной сфере, а обращение к итальянскому языку обычно обуславливается какими-то экстралингвистическими факторами (иногородние со-

беседники, формализованная коммуникативная ситуация и т.д.).

В Болонье, и в этом отношении она подобна другим крупным городам Северной Италии, идет процесс стандартизации местного варианта итальянского языка: все чаще выбираются формы, соответствующие общеитальянскому стандарту. Процесс этот еще не зашел так далеко, как, например, в Милане. Вместе с тем субъективно довольно высоко оценивается и диалект, хотя его престиж в глазах информантов ниже, чем, например, престиж римского диалекта в глазах римлян.

Автору удалось показать, какие именно языковые характеристики постепенно "размываются" в ходе стандартизации. В точки зрения фонетики в целом в "итальянском болонском" происходит сдвиг в произношении фрикативных в сторону альвеолярной артикуляции. Тем самым нейтрализуются чисто диалектные фонологические оппозиции. Подобный тип произношения особенно характерен для женщин и молодежи, в любой коммуникативной ситуации.

Исследование Э. Рицци – конкретная, методологически последовательная работа. Оно интересно тем, что автор четко описал, ясно классифицировал и убедительно истолковал определенный фрагмент очень изменчивой и подвижной картины итальянской языковой действительности.

Чельшева И.И.

Bradean-Ebinger N. Sprachkontakte und Zweisprachigkeit in Fennoskandinavien. Soziolinguistische Aspekte der Zweisprachigkeit im nordlichen Areal. Budapest: Akademiai kiado, 1991. 245 s.

Рецензируемая монография представляет собой не только социолингвистическое исследование билингвизма (мультилингвизма) на Скандинавском п-ве, но и попытку выработать лингвистические основания для изучения многоязычия в ситуации смешения языков вообще. Соответственно этим задачам исследование логически распадается на четыре главы: I. Ареальная типология; II. Смешение языков; III. Билингвизм и мультилингвизм; IV. Социолингвистическое исследование билингвизма.

Автором книги используются различные подходы к рассмотрению поставленных проблем. Опираясь в первую очередь на идеи Клайна [1], автор рассматривает следующие четыре методологические ступени типологических исследований языков: 1) сбор и лингвистический анализ корпуса спонтанного речевого материала, записанного на магнитофон; 2) непосредственный опрос информантов (сюда можно отнести и тесты на допустимость); 3) тестирование, сознательно проводимое вне естественных ситуаций общения; 4) исследо-

вание языковых единиц в естественных языковых ситуациях и в условиях изменения языковых переменных (партнер, окружение, тип языкового взаимодействия). Следует особо отметить использование автором широкого круга работ по проблемам билингвизма вообще и социолингвистическому подходу к билингвизму в частности. Всего автор использует 400 трудов по этой проблематике, причем имеются ссылки на работы ряда российских авторов (Б.А. Серебrenникова, Ю.Д. Дешериева, А.Д. Швейцера).

Смелой в научном плане является попытка автора рассмотреть взаимодействие как близкородственных, так и неродственных языков в синхронии и диахронии. В этой связи весьма интересна гипотеза о проявлении такого сходства неродственных языков, которое уподобляется генетическому, хотя таковым не является. Автор объясняет его тем, что в прошлом народы — носители рассматриваемых им языков проживали на одной территории и имели интенсивные социокультурные контакты. Сам автор ставит себе в заслугу и то, что он ввел понятие "биглоссии" индоевропейских и финно-угорских языков. Речь идет о территориально-языковом явлении, прослеживаемом по всей Европе с Севера на Юг. Наглядно доказывается на основании данного языкового анкетирования преобладание языка, доминирующего в культурном отношении (Akkulturationsprache), например, шведского, а не финского над лапландским, хотя логично было бы предположить обратное, учитывая генетическое родство последних.

Тот факт, что в работе в основном исследуется материал северного ареала Скандинавского п-ова, не сужает ее рамок, так как автор постоянно привлекает примеры из палеоазиатских языков Сибири и из области языковых контактов в центре и на юге Европы. Оценивая взаимодействие языков и диалектов, автор отмечает, что диалекты склонны к смешению, языки же сохраняют свою идиоматичность, в первую очередь грамматическую, включая и синтаксис. Этот вывод весьма полезен для оценки сегодняшней языковой ситуации в СНГ, где, видимо, даже близкородственные языки, становясь государственными, будут проявлять тенденцию к "разбеганию".

Переходим к рассмотрению содержа-

ния отдельных глав. В первой главе речь идет прежде всего об определении нового языкового ареала, а именно северного ареала, который включает следующие языки: гренландский, ненецкий, фарерский, норвежский, датский, шведский, эстонский, финский, лапландский, обско-угорский, самодийский, палеосибирские. Эти языки характеризуются по следующим 15 ареальнолингвистическим и типологическим параметрам: 1) тип ударения; 2) долгота, 3) дифтонги, 4) умлаут и аблаут; 5) чередование ступеней; 6) наличие постпозитивного артикля; 7) наличие двойственного числа; 8) номинатив в различных функциях; 9) наличие генитива; 10) отсутствие различия между мужским и женским родом; 11) распространенность пассива; 12) наличие отрицательного вспомогательного глагола; 13) большая распространенность предлогов; 14) словопорядок SVO; 15) языковой пуризм. Все эти языки обладают еще одной социолингвистической особенностью: это языки национальных меньшинств и их использование сопровождается би- и мультилингвизмом.

Во второй главе рассматриваются многосторонние контакты между языками северного ареала. Правда, в основном это отношения лапландского, шведского и финского языков. Другие скандинавские языки либо упоминаются вскользь, либо вообще не упоминаются. Пытаясь создать теоретическую базу исследования языковых параллелей, автор, однако, не в равной степени охватывает языковой материал, занимаясь в основном лексическими заимствованиями. Так, он приводит на с. 87—113 список из 871 скандинавского заимствования в лапландском. Это, фактически, микрословарь на 27 страницах.

В третьей главе рассматриваются проблемы би- и мультилингвизма в северном ареале. Имеются в виду в первую очередь языки на Скандинавском п-ове. Как совершенно правильно отмечает автор, в финно-скандинавском языковом пространстве проходит би- и триглоссы, т.е. контактные линии двух и трех языков. В качестве конкретного примера описывается комплексная индоуральская биглосса, которая пролегает как контактная область двух самых больших европейских языковых семей (индоевропейской и уральской) от Северного моря до Адриатического.

В четвертой главе, выдержанной в чисто социолингвистическом русле, ис-

следует мультилингвизм в Финляндии и Скандинавских странах. В ней рассматриваются финско-шведские, лапландско-финско-шведские (норвежские) параллели, устанавливаемые на основе анкетирования, которое включало 40 вопросов для билингов и мультилингов. При этом устанавливалось превалирование определенных языков в тех или иных функциональных сферах. Данные анкет подвергались статистической обработке с целью установления закономерностей проявления би- и мультилингвизма. В частности, были получены следующие результаты: шведский язык в рамках национального меньшинства в Финляндии является господствующим даже по сравнению с государственным финским языком почти во всех функциональных сферах. Подобного вывода нельзя сделать относительно лапландского и финского в Швеции и Норвегии. Оба языка используются только в регистре семейного общения. В остальных регистрах преобладает государственный язык (шведский или норвежский). В некоторых жизненных ситуациях, например, в официальных учреждениях и при использовании средств массовой информации, прежде всего телевидения, государственные языки вообще вытесняют финский и лапландский. Сейчас в Швеции и Норвегии создаются благоприятные условия для процветания лапландского языка, но, как считает автор, попытки сохранить и дальше развивать лапландский язык, возможно, уже запоздали.

Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1990. 60 с. + 161 карта.

Развитие диалектологии немыслимо без разработки проблем лингвистической географии и создания диалектологических атласов. В русистике отмечается довольно парадоксальное положение: русская диалектологическая школа, достигнув несомненных успехов в области теории лингвогеографии и в разработке многих специальных аспектов этой многотрудной научной отрасли, оказав значительное воздействие на становление лингвогеографических исследований в межславянском и общеславянском плане, на развитие лингвогеографии сопредельных родственных

языков, прежде всего белорусского и украинского, не может поставить себе в заслугу энергичную и эффективную практическую реализацию собственных идей, выразившуюся в создании и издании достаточного количества региональных лингвистических атласов. Казалось бы, сама существующая ситуация – огромная территория, на которой распространен русский язык, его значительная диалектная дифференциация, которая, как полагают многие исследователи, в целом ряде моментов может отражать довольно древние диалектные различия, а также солидные традиции в изучении

Таким образом, целью данной монографии является комплексное исследование типологических аспектов билингвизма в Финляндии и Скандинавии (Фенноскандинавии) как части М Северного ареала. До Брадеан-Збингера все исследователи рассматривали языки северного ареала либо как проявление только ареальных, либо только социолингвистических отношений. Автор данной работы считает, что ареальные и социолингвистические исследования должны проводиться параллельно на основе явлений билингвизма.

Конкретный материал рецензируемого труда помогает высветить социолингвистические аспекты би- и мультилингвизма в общих чертах и в их конкретных проявлениях. Материал и результаты исследования можно приложить к другим многоязычным регионам.

В заключение мы хотели бы рекомендовать эту книгу широкому кругу специалистов по сравнительной типологии и ареальной лингвистике. Работа содержит ценный языковой и теоретический материал и дает импульсы для дальнейшего развертывания сравнительных исследований как близкородственных, так и неродственных языков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Clyne M.G.* Forschungsbericht Sprachkontakt. Untersuchungsergebnisse und sprachliche Probleme. Kronberg, 1976.

Никуличева Д.Б.

диалектов и их истории, в подготовке квалифицированных специалистов и т.д. — должна обеспечить процветание лингвистической географии как составной части русского языкознания. Однако приходится с огорчением констатировать, что создание и публикация общезыковых и региональных атласов восточнославянских языков, в частности русского, остаются областью, далекой, хотя бы и в чисто количественном измерении, от того состояния, которое можно было бы признать удовлетворительным.

При этих обстоятельствах появление "Лексического атласа Московской области" А.Ф. Войтенко (далее — ЛАМО) — событие отрадное уже в силу самого факта публикации.

Нельзя сказать, чтобы говоры Подмосковья были предметом очень уж пристального внимания диалектологов. Скорее напротив: они не относятся к архаичным, консервативным диалектным зонам, которые преимущественно привлекают к себе это внимание, а находятся в самом центре великорусской территории и являются частично окраинами каких-либо диалектных зон, главная территория которых расположена за пределами Подмосковья, частично же результатом совмещения разнодиалектных признаков, т.е. являют собою как бы диалектный "перекресток", открытый всем ветрам. Тем не менее говоры Московской области интересны диалектологу и историку языка как основа в прошлом волей истории общерусского койне и далее — современного литературного русского языка. С точки зрения современного диалектного членения русского языка (см. [1, 2]) пространство Московской области занимают в основном восточные среднерусские акающие говоры (почти весь их отдел А и отчасти отдел Б); кроме того, на западе области ее граница охватывает небольшой участок Селигеро-Торжковских говоров западного среднерусского акающего массива; узкая северо-восточная окраина области затронута Владимирско-Поволжской группой восточных среднерусских акающих говоров, а север — Калининской (теперь, по видимому, ее ждет переименование в Тверскую), подгруппой той же группы; южная часть области вторгается на территорию Тульской подгруппы межзональной группы Б и слегка — на территорию Рязанской группы южновеликорусского наречия.

ЛАМО — итог многолетней работы

А.Ф. Войтенко (Ивановой) по собиранию и изучению лексики русских говоров Подмосковья, одним из результатов которой был изданный в 1969 г. дифференциальный диалектный словарь [3]. ЛАМО был создан по лексической программе, составленной на базе этого словаря.

Главная работа над атласом была завершена в 1974 г. Многочисленные трудности бюрократического характера, о которых автор упоминает в предисловии, помещали оперативному изданию ЛАМО. Изменения, вносимые в атлас, пока он ожидал своего выхода в свет, состояли только в замене цитатного материала более новым в комментариях к картам. Материал к ЛАМО собирался как непосредственно самим составителем, А.Ф. Войтенко (главным образом), так и ее помощниками — родственниками, коллегами, сотрудниками и студентами тогдашнего МОПИ им. Крупской, а также — с помощью анкетного метода — сельской интеллигенцией (по разосланной программе).

Построение атласа таково. Во вступительном разделе "От автора" (с 3—4) излагается история его создания, объясняются цели издания, а также структура комментариев к отдельным картам. Основную площадь текстуальной части атласа составляет комментарий к отдельным картам (с. 5—39, около 7 печ. л.). Далее следуют "Указатель слов в картах и комментариях ЛАМО" (с. 40—48), "Список обследованных населенных пунктов" (с. 49—57) в порядке их нумерации на картах атласа с указанием сельсовета и района, а также фамилий экспедиционных работников, "Алфавитный указатель обследованных населенных пунктов" (с. 58—59) с обозначением района и номера на карте.

К 1974 г., как сообщает автор, было обследовано по единой программе 1000 населенных пунктов. Однако в ЛАМО включены сведения, относящиеся к говорам трехсот пунктов (иначе густота сетки оказалась бы, согласно А.Ф. Войтенко, ссылающейся на мнение И.А. Попова, чрезмерной). Таким образом, плотность сетки составляет 156 км² на один населенный пункт, при которой среднее расстояние между ближайшими обследованными пунктами равно 12,5 км. Для сравнения: в сетке "Диалектологического атласа русского языка" один населенный пункт приходится на 225 км², а среднее расстояние между ними — 15 км [4].

Комментарии к отдельным картам строятся однотипно. В начало комментария выносятся формулировка вопроса, как он звучит в программе по сборанию материала к атласу. Все вопросы являются лексическими, т.е. сконструированы по типу "Как называется...?" Карт, отражающих ответы на семантические вопросы ("В каких значениях употребляется слово...?"), в ЛАМО нет. Сам комментарий состоит, за некоторыми исключениями, из пяти параграфов: (1) приводятся наименования реалии, относительно которой задается вопрос, в "Словаре говоров Подмосковья"; (2) указывается, какие диалектные лексемы нанесены на данную карту; (3) описывается географическое распространение преобладающих наименований, определяются зоны, образуемые теми или иными лексемами, на территории Московской области; (4) приводится список названий, зафиксированных при сборе материала в разных населенных пунктах (указываются их номера по списку), но на карте отражения не получивших; (5) дается иллюстрация на употребление одной из засвидетельствованных на территории Московской области диалектных лексем с ее паспортизацией (при этом иллюстрации могут относиться к лексемам, не отраженным на карте!).

Первоначальный проект ЛАМО предполагал создание 400 лексемных, семантических, "изоглоссных" карт [5] (под "изоглоссными", видимо, понимаются карты, обобщающие данные нескольких карт, посвященных отдельным явлениям). В окончательном варианте "на базе 275 вопросов программы составлено 217 карт, из них публикуется 158" (с. 4). Исключены карты, "не давшие изоглоссы", а также карты, интерпретация которых затруднительна в силу неидентичности типов называемых реалий (например, различающихся устройством типов колодцев, приспособлений для разматывания пряжи и т.п.). Последнее обстоятельство можно было, на мой взгляд, предусмотреть на этапе составления вопроса и не только избежать вызванных им впоследствии затруднений, но и обратить его на пользу полноте и глубине результатов. Помимо того, во многих случаях интерес для диалектолога может представить и география самой лексемы — безотносительно к семантическому варьированию. Например, столь ли уж существенны семантические различия между фиксациями слова *шеверёнка*

"большая корзина из коры, прутьев или веревок для носки корма скоту" и "корзина, в которую клали кудель, веретено, мочки", если они суммарно занимают узкую полосу близ северо-восточной границы области (четыре пункта в Загорском, Щелковском и Ногинском р-нах; для первого значения — также словообразовательно более простое *шеверня* в Загорском р-не) и тем самым демонстрируют вполне определенное формальное и ареальное единство? (на соответствующих картах это слово не картографировалось; его ареал на территории Московской области покрывается более широким ареалом лексемы *верёнька*).

Круг значений картографированных в ЛАМО слов представляется довольно ограниченным. В основном это термины материальной культуры (названия строений и их элементов, утвари, орудий, транспорта, укладок снопов, кушаний) и названия явлений природы (растений, грибов, некоторых элементов рельефа, разновидностей леса). Нет анализа традиционных для диалектологических исследований на материале лексики наименований метеорологических феноменов (кроме зарницы), птиц, рыб; отсутствует ткацкая терминология и т.д., хотя можно предположить, что эти развитые и хорошо дифференцированные терминологические группы и подсистемы могут дать интересное распределение своих элементов и на территории Подмосковья. Обозначения из области духовной культуры представлены лишь терминологией элементов свадебного ритуала. Если исключить свадебную терминологию, то почти полностью отсутствует лексика социальных отношений (картографируются только слова со значениями "помочь, толока", "посиделки", "внебрачный ребенок" и "старая дева"). Нет в атласе глагольной, абстрактной, экспрессивной (кроме, пожалуй, слов, обозначающих "рваную, истрепанную одежду"), ономатопеической лексики, детского словаря, однако последнее вряд ли можно поставить в упрек составителю: анкетным методом (а значительная часть материала, как было сказано, собрана именно с помощью анкет) эту лексику в сколь угодно достоверном составе зафиксировать невозможно; даже собранный непосредственно в поле, в условиях живания в обследуемый социум; такой материал во многом случаен и, как правило, непригоден для точного картогра-

фирования: выявление нетерминологического слова в лексиконе носителей данного говора затрудняется его меньшей семантико-парадигматической определенностью, возрастая возможностью синонимических замен, перифраз и т.д. Но что касается доминирующей ориентации ЛАМО на лексику материальной культуры, то нужно заметить, что эта традиция – не из тех, стойкую верность которым должно приветствовать.

Оценивая материал ЛАМО в рамках избранных для анализа лексических групп, следует отметить его обширность детальностью и во многом новизну. Индекс слов и фразеологических единиц, встречающихся на картах атласа и в комментариях к ним, включает приблизительно 3250 позиций, что по объему примерно сопоставимо с отдельным выпуском "Словаря русских народных говоров". Атлас существенно расширяет представления о лексическом составе говоров Подмосковья по сравнению со словарем, изданным тем же автором. Достаточно сказать, что если в словаре [3] было отражено только одно наименование "углубления в русской печи, куда сребрают угли" – *поджърник*, то в атласе (карта № 22 и комментарий) отмечено 59 слв с таким значением (включая фонетические, акцентологические, морфологические, словообразовательные варианты: *бокóвка, гърнуша, горн, горно, застрáнка, застрѣнка, застрѣнка, заўстье, зачелó, пырий, ўгольница...*); словарь дает 3 названия "приема пици между обедом и ужином" (*пáўжинок, перехвáтка, перехвáток*), атлас – 41 наименование (№ 60, комм.: *пáўжин, пáўжина, подвечѣре, подвечѣрево, полудѣнье, попóлдень, пóстник, сумѣрник...*); в словаре – 2 фразеологизма, служащих вербальным обозначением "обряда одаривания молодых на свадьбе" (*к сыру и на каравáй даватъ*), в атласе – 62 слова и фразеологизма (№ 156, комм.: *блюдечко серебрѣть, мóлево собирáть, платѣть поклáжные, рúку мáслить, собѣнку дарѣть, сытѣть* и др.). Множество диалектных слв и фразеологизмов, сообщаемых в материалах ЛАМО, отсутствует в сводном "Словаре русских народных говоров". Приводить их в рецензии, даже простым перечислением, нет возможности – это заняло бы слишком много места. Таким образом,

значение ЛАМО как источника диалектной лексики и фразеологии велико и неоспоримо.

Среди подмосковной лексики и фразеологии, вводимой в поле зрения диалектолога и историка языка, можно обнаружить факты, позволяющие по-новому взглянуть на этимологию известных фразеологических выражений. Например, среди упомянутых фразеологизмов со значением "одаривать жениха и невесту" отмечается оборот *сыр-дар нестѣ*. Он заставляет предположить, что *бор* в *сыр-бор* словообразовательно связано с глаголом *братъ* – конверсивом по отношению к глаголам с корнем **da-* (*да(ва)ть, дар(ить)*), тем более что обозначения указанного ритуального одаривания включают множество фразеологических сочетаний с глагольными производными как от одного корня, так и от другого (помимо приведенных выше, ср. *на сыр даватъ, на сыр податъ, дарѣ дарѣть... – мóлины братъ, на сыр собирáть, сырѣ собирáть...*). Иными словами, выражение *сыр-бор разгорелся*, вероятно, отсылает не к представлениям о сыром сосновом лесе, как то пытаются внушить Н.М. Шапский с соавторами, см. [6], а к обычаям дара-обмена, отголоски которых находим в брачном ритуале.

Из 158 карт 96 снабжены рисунками (автор – К. Соловьева), изображающими реалии, география названий которых анализируется на данных картах. Несомненно, в большинстве случаев без иллюстраций информация о семантике рассматриваемых слв была бы неполной и нечеткой (ср. детали печи, кухонную утварь, типы оград, сельскохозяйственные орудия и т.д.).

Находя в ЛАМО множество примечательных качеств и считая его появление в свет значительным событием в науке о русских диалектах, существенно обогащающим наши знания, я тем не менее полагаю необходимым большую, если не большую часть рецензии посвятить разбору просчетов, которые были допущены и при выработке концепции атласа, и в ее реализации. В науке доброжелательная, но придирчивая критика, на мой взгляд, гораздо важнее даже вполне заслуженных похвал.

В своей совокупности материалы ЛАМО дают возможность достаточно хорошо обрисовать членение территории Московской области по характеру распространения на ней различных групп

диалектной лексики. Однако сами карты полного представления об этом членении не дают: ими можно пользоваться только привлекая комментарий, где содержатся сведения о лексике, не нанесенной на карту. Дело в том, что А.Ф. Войтенко избрала несколько странный принцип вынесения информации на карту. В ЛАМО используется значковый метод представления данных, но каждый населенный пункт обозначается на карте единственным значком, отражающим только одно наименование данной реалии, даже если в этом говоре отмечено несколько синонимов ("дублетов", как их называет составитель), в том числе и картографируемых, но для других пунктов. При этом берется "...как правило, одно из наиболее распространенных названий реалии, выбранное из двух, трех, иногда четырех дублетов, независимо от того, является ли эта лексема диалектной или литературной. Мы старались, — отмечает А.Ф. Войтенко, — на карту вынести именно ту лексему, которая на территории Московской области входила в локальную зону или ареал" (с. 4). Такой способ картографирования делает неизбежными значительные потери.

Во-первых, ареал какого-либо слова или фразеологического сочетания может быть отражен на карте неполно. Например, карта № 158 "Девушка, никогда не выходившая замуж." изображает ареал фразеологизма *непётые волосы* разорванным: он запечатлен в девяти населенных пунктах и западу от Москвы и, по два пункта, в восточных Шатурском и Воскресенском р-нах. Между тем данные, помещенные в комментарии к карте, свидетельствуют, что этот фразеологизм характеризуется неплотным, но равномерно насыщенным ареалом, занимающим почти всю северную половину области. Еще пример: карта № 92 "Гриб валуй, *Russula foetens*" утверждает, что название *толкáчик* известно только на северо-западе области, в то время как исчерпывающее представление имеющихся данных об этом слове установило бы переключку указывающей территории с небольшим плотным его ареалом в далеком Зарайском р-не на юге. Из 158 тематических карт ЛАМО только 31 (№№ 2, 28, 29, 30, 31, 39, 41, 42, 58, 65, 72, 73, 75, 78, 86, 88, 91, 94, 111, 121, 122, 133, 135, 136, 139, 143, 147, 152, 154, 156), т.е. всего 20%, лишена

того недостатка, что картографируемые лексемы даны на них не исчерпывающим образом, и, следовательно, им можно вполне доверять по части строгости обрисовки ареалов по имеющимся данным.

Во-вторых, избранный способ картографического отражения лексики препятствует выявлению компактных самостоятельных ареалов, если слова, образующие их, подавляются господствующими здесь же более употребительными словами, составляющими широкие ареалы, и сама исследуемая территория в результате предстает скорее монолитом, чем разрезанной изолиниями. Так, атлас не выявляет любопытных ареалов слов *коблы* "участок плохо распаханной земли, содержащей большие комья, глыбы" (№ 58 — север: Клинский, Дмитровский, Солнечногорский р-ны), *стойки* "снопы, выставленные на гумне друг против друга для обмолота цепами" (№ 65 — север), *бóгом* "омут" (№ 118 — юго-восток: Коломенский и Зарайский р-ны, а также западный Шаховской р-н), *вершóк* "овраг" (№ 119 — юго-восток), *колесня́* "яма на дороге, залитая водой в распутицу, глубокая колея, рытвина, ухаб" (№ 120 — плотный ареал в Зарайском р-не), *ты́сячник* "тысяцкий" (№ 141 — восток: по одному пункту в Пушкинском, Щелковском, Раменском и Орехово-Зуевском р-нах), *умывáки* "хождение ряженых на второй день свадьбы" (№ 157 — к западу от Москвы) и др., ср. ранее упоминавшийся ареал *шеверия/шеверенька*. Я показал следствия из принятого в ЛАМО принципа отбора материала к картографированию лишь некоторыми отдельными примерами. Однако их можно без труда значительно умножить.

Вообще складывается впечатление, что составитель атласа исходит из задачи не столько полно отразить ареалы диалектных слов, сколько дать представление о степени их употребительности в тех или иных минимальных говорах. Чем шире ареал какого-либо "дублета" из нескольких засвидетельствованных в данном населенном пункте, тем весомее в глазах составителя шансы именно этого слова быть помещенным на карту в виде отдельного значка. Упущения, неизбежные при следовании выбранному принципу, хорошо иллюстрируются картой № 17 "Угол избы". На всей территории господствует слово *угол*,

картографирование которого не представляет никакого интереса: слово распространено повсеместно. В п. 78 (Волоколамский р-н) оно по каким-то причинам не записано (трудно предположить, что оно там не употребительно), и "повезло" лексеме *воблань*, которая фиксировалась еще в одном пункте того же района и в соседнем Можайском р-не, однако в силу "преобладания" слова *угол* на карту не нанесена. Таким образом, волоколамский пример отмечен одиночным значком, небольшой, но выразительный ареал, в который он входит, картой не выявляется. С моей точки зрения, решение подобных проблем было весьма простым: ареалы всех отобранных к картографированию слов давать на карте без лакуи, помещая при номере населенного пункта по нескольку значков, если в его говоре имеются "дублеты".

А.Ф. Войтенко стремится к тому, чтобы на любой карте были отмечены все триста пунктов. Но при этом на карту могут попадать единичные фиксации, для ареальной картины не интересные. Так, на первой же карте атласа ("Постройка для хранения соломы, мякины") обнаруживаются семь таких единичных фиксаций (нас. п. 1, 13, 49, 142, 175, 187, 227), каждая из которых подана самостоятельным символом (некоторые из них можно объединить как фонетические и словообразовательные варианты производных с корнем *мяк-/мят-*, но в ЛАМО принят атомизирующий подход, и варианты не объединяются). Значок при п. 1 в легенде не истолковывается, что за название обозначено им, нельзя выяснить и по комментарию. На карте № 2 "Дом с двором, садом и огородом; усадьба" единичных фиксаций тоже семь (п. 29, 106, 116, 144, 186, 211, 239) – и опять же каждая дана самостоятельным графическим символом... Принцип неременного отражения хоть чем-нибудь каждого населенного пункта оборачивается перегруженностью карты.

Между прочим, отчетливо просматриваются установка "не от слова, а от пункта", исповедуемая в ЛАМО, чревата, помимо фактической подмены характера диалектного различия (непротивопоставленные различия представляют как противопоставленные), о чем говорилось выше, навязыванием

материалу особенностей, ему не свойственных. Например, в семантике. В программе ЛАМО имеются вопросы "Как называется большая корзина из коры, прутьев или веревок для корма скоту?" и "... для переноски картофеля?" Материалы карт № 130 и 131 в ответах на эти вопросы имеют название *корзина*. Ареал первого "значения" слова почти целиком списывается в ареал второго. Это с несомненностью указывает на то, что специализированных обозначений *корзин* ("для картофеля", "для корма скоту") в этих местах нет – и то и другое значение в ответах на настоячивые вопросы эксплоратора передается общим наименованием *корзина*. Ту же насильственную терминологизацию можно увидеть и у слова *изба* "изба(!), в которой собиралась деревенская молодежь на посиделки" (№ 136, комм., 24 пункта) – скорее всего этого специализированного значения у слова *изба* нет, и оно упоминалось информантом в ряду других как косвенное речевое указание на неактуальность соответствующей терминологии, но было расценено собирателем как результат языковой специализации. Однако если слова *изба* в узком "значении" на карту вынесено не было (в отличие от слов *бесёдка*, *отхожая*, *раёк*, *съём* и др.), то слово *корзина* на картах обозначено, и это решение нужно, наверно, рассматривать как неудачное.

Неточности в формулировках вопросов программы также могут стать источником недоразумений и ошибок. Так, вопрос, ответы на который составили материал для карты № 94, звучит: "Как называется мелкий лес, то есть хворост?" Из вопросов, построенных аналогично (ср.: "Как называется гриб красного цвета, растущий в июле в осиннике, имеющий...", то есть осиновик?), видно, что его "толковая" часть ("то есть...") предназначена для собирателя и информанту не сообщается, чтобы не стать подкаской. Выражение же "мелкий лес" отнюдь не тождественно значению "хворост". Вместо диалектного названия хвороста собирателю могут быть сообщены слова со значениями "кустарник", "подлесок", "лес-молодняк" и под. Среди картографированных лексем эти значения можно заподозрить у слова *частюк* (ср. *частюк*, *частик* в ответах на вопрос "Как называется кустар-

ник, зелень, обильно растущая где-либо, то есть заросль?", № 97, при этом *частюк* в последнем значении фиксируется в том же населенном пункте, что и "хворост", ср. еще рязан. *частіка* "заросли молодого леса" [7], ср.-урал. *частік* "мелкий густой труднопроходимый лес" [8] и под.).

В ЛАМО имеются некоторые шероховатости и неясности, касающиеся отражения диалектной фонетики. На карте № 3 "Огород... на задворках..." в п. 122, 124 и 182 отмечено слово *овощник*, но из комментария следует, что для этих пунктов вариант *овощник* не картографируется, уступив в конкуренции другим, — каким (*овощник, обшник...*)? Ошибка в комментарии или в выборе значка на карте? Действительно ли в говорах представлены нестяжешные ("орфографические") формы с *-eje-* в наименовании гриба свинушки *матвеевна* (№ 88) и в названии *соха-Андреевна* (№ 73, орфография составителя)? К тому же неужели экспрессивное именование сохи "по имени-отчеству" функционально равноправно с терминами *соха, косуля, запольца, оралка* и др. (о персонализирующих именовании см. [9, 10])? Написание *коплун* (№ 128 "Петух") может быть оправдано, хотя и с сомнением, произношением в окаяющих говорах, но вряд ли правомерно для отображения фиксаций на акающих территориях (южный Серебрянопрудский р-н). На карте № 141 "Помощник дружки (в свадебном обряде)" отмечается название *полудружка*, но от них отделяется некартографируемый вариант *полудружко*, приписываемый акающим говорам (южные Подольский, Зарайский р-ны). Имеем ли мы здесь дело с морфологическими различиями или же с непунктуальностью эксплораторов в передаче фонетического облика слова?

Не все благополучно в ЛАМО с отражением акцентологических вариантов. В одних случаях они тщательно разделяются (*бабки - бабкі* "малая укладка снопов" № 66, комм.; *побымя - польмя* "пламя", № 103, комм.; *чаплиник - чаплиік* "сковородник", № 33, комм.), в других — последовательно объединяются, не различаясь ни на картах, ни в комментариях (*цапальник, цапальник* "сковородник"; *паўжин-* (5 названий, различающихся суффиксами) "полдник", № 60; *помога* "коллективная

помощь, голока", № 68; *скáпáлка, цапáльник* "орудие для сваливания, сгребания...", № 71; *пьяніца* "голубика", № 112...). К серьезным недостаткам следует отнести отсутствие грамматических сведений об анализируемой лексике. Нигде не указывается род имен существительных, ср. *бергольвь* "голубика", *валь* "бурелом", *гонобббель* и др. "голубика", *захлэсть* "неплодородная почва", *лохань* "кадка из половины бочки", *подбось* "подосиновик", *постэлень* "съемный плетеный кузов сапей", *похмель* "обед на второй день свадьбы" (кстати, это слово обнаруживается только в указателе: ни на карте № 155, ни в комментарии к ней его нет), *рубэль/рубиль* "лоццо, валец для стирки белья", *тыль* "ограда из тычи", *частэль* "кустарник, заросль" и др. — далеко не для всех можно с легкостью "восстановить" грамматический род, например, по словарям: даже слово *лохань* встречается в мужском роде, ср. [11].

В анализе и картографической репрезентации неоднословных наименований нет необходимой четкости при различении степени их синтагматической слитности. Так, на многих картах и в комментариях к ним одновременно встречаются и двусловные обозначения со структурой Adj + Nom (гипероним), и "одинокие" прилагательные, ср.: № 59 "Неплодородная почва": *брóсовая земля, запольная земля, неродящая земля, тощая земля*, противопоставленные "одиноким" прилагательным *неухлэбная, недорбная, неродимая*; № 91 "Подберезовик": *сэрый гриб, чёрный гриб* — но *сэренький, чёрненький, берёзовый, подберёзовый*; № 138 "Ребенок, родившийся у незамужней женщины": *жировой* — но и *жировой ребёнок!*.. Нужно ли такой разноречивой понимать просто как излишнюю в ряде случаев обстоятельность при описании собственно только прилагательных, или же за этим стоят какие-то другие, не нашедшие здесь освещения причины? Неясно, насколько релевантен в представлении глагольных сочетаний порядок следования их компонентов (ср. № 152, в названиях-составляющих брачного ритуала: *выкупать цвет* — но *ёлку откупать, ёлочку выкупать*; № 157: *курлицу искать, курочку искать* — но *искать курочку, нести курлицу* и под.), и

не следовало бы в этих случаях добиваться унификации. Обязательна ли постпозиция прилагательного в выражениях *вьюн чёрный* "груздь чёрный" (№ 83), *кузов санный* (№ 135, комм.)?

Не исключено, что в материалах атласа фигурируют лексические фантомы. Можно заподозрить, что слово *сомельник* "сковородник" (№ 33, комм.) является результатом неправильного прочтения полевой эксплораторской записи — например, **сапельник* (в ряду таких лексем, как *чапельник*, *цапельник*, ср. вариативность *цапка* — *сапка* "мотыга", дезаффрикатизацию главным образом в южнорусских, уральских говорах, высеиваемую в дразнилках вроде *куриса на улисе яйцо снесла*). Не фантом ли слово *лупёликой* в выражении *лупёликой картошка* "неочищенная вареная картошка" (№ 125): вероятнее форма *лупёшкой* (ср. *нелупёшка* в том же ареале). Сомнения вызывает форма *цуряга* "пахта" — также *юряга*, *вюряга* (№ 121); вряд ли форма с инициальной аффрикатой отражает фонетические замены в языке — источнике заимствования (др.-булгар., собственно др.-чуваш. *угау* "сыворotka"; аффрикаты *ц* в чувашском, кроме новой заимствованной из русского языка лексики, нет). Она нуждается в тщательной проверке.

Занимаясь проблемами издания ЛАМО, составитель столкнулся с ограниченностью возможностей эдичионной базы. В атласе для выявления ареальной картины используются два типа варьируемости картографического знака — его конфигурация и цвет. К сожалению, полиграфические лимиты позволили использовать только два цвета — черный и красный. Как известно, с психофизиологических позиций цвет является более сильным различителем, чем конфигурация знака: значки разного начертания, но одного цвета, зрительно воспринимаются как репрезентанты некоего общего качества и противопоставляются значкам другого цвета, которые тем самым тоже объединяются. А.Ф. Войтенко (или издатель, если это зависело не от автора) не всегда учитывает эти особенности зрительной перцепции. Например, на карте № 4 красным кружком выделяется слово *овшдник*, черными значками — все остальные 15 названий для помещения

для мелкого скота (6 корней, из них с корнем *-ш-/-мош-* — 5 названий). Выделение варианта *-вш-* из всего круга данных наименований выглядит неоправданным. На карте № 24 "Печная вьюшка" красным цветом, резко отличным от других знаков, выделено явно второстепенное, позднее и не образующее никакого ареала слово *фёрточка*. На карте № 56 "Одежда, платье вообще" красным выделено только слово *снаряда*, другие же производные с корнем *-ряд-*, в том числе и существительные I-го типа склонения (*снаряд*, *сряд*, *обряд*, *сряда*, *наряда*, *обряда*), объединены черным цветом со словами *одежа*, *одежина*, *одевка*, *справа*. Карта № 108 "Крапива, *Urtica dioica*" красным кружком выделено слово *жугъла*, однокоренное же с ним слово *жугучка* сливается со словами *крапыва*, *крипица*, *капрыва*, *красуха*, *стрекáva* и др. Примеры такого рода можно увеличить.

Недостаточно продуманной представляется и система конфигураций, когда значки, соответствующие, допустим, разнокорневым производным с идентичным суффиксальным оформлением, не имеют в начертании ничего общего (ср., например, бессистемность в символической передаче слов *глядёльщик*, *глядящий*, *смотрельщик*, *смотрящий* "зритель, зевака на свадьбе", № 143).

К техническим неудобствам атласа нужно отнести расположение номеров карт (набранных крупным кеглем!) на левой стороне страниц, у самого сшива. При расположении самих карт только на правой половине разворота книги поиск необходимой из них был бы облегчен помещением номера справа, у края страницы (место, занимаемое рисунками).

Атлас завершается двумя "вспомогательными" картами (№ 159, 160), "...в которых приводятся примеры того, как членятся говоры Московской области по данным лексемных карт" (с. 4). Естественно было бы ожидать, что на этих итоговых картах будут изображены пучки и зоглоссы, образующих те основные сгущения границ ареалов, которые позволили бы выделить зоны, относительно однородные по целому ряду языковых (в данном случае лексических) признаков, и тем самым создать базу для установления диалектного членения территории в

целом. Однако составитель приводит на этих последних картах именно примеры отдельных изолексов (не всегда, кстати, проведенных точно в согласии с данными "лексемных" карт и комментариев), без малейшего стремления в их хаосе обнаружить некоторые взаимные тяготения, более или менее устойчивые повторения. Напротив, изолексы для "вспомогательных" карт подбираются так, чтобы территория области покрылась ими равномерно, сетью с примерно одинаковой густотой линий и величиной "ячеек". Каким образом при таком отборе изолексов "обе карты дают представление о том, что локальные зоны и ареалы совпадают с границами племен (! – Ж.А.), уделов, более поздних группировок населения" (с. 4), остается совершенно неясным. Более того, последнее утверждение не подкрепляется никакими ссылками на исторические факты и остается вполне голословным (обещанной в предисловии "...без номера в конце атласа... карты, составленной учеными смежных наук — археологами, историками...", с. 4, в ЛАМО тем не менее нет).

Между тем очевидно, что возможности выявления пучков изолексов атлас А.Ф. Войтенко, при всех его особенностях, о которых речь шла выше, дает. На карте № 160 проведена линия, ограничивающая распространение слова *мастюшка* "небольшой горшок, в котором варят кашу" и выделяющая самые восточные говоры Московской области (Орехово-Зуевский, Шатурский, Егорьевский р-ны). Правомерность вычленения этой зоны можно было подтвердить начертанием близких изоглоссов, например, слов *мостинка* "ступенька крыльца", *прятно* "промежуток между печью и стеной", *цело* "чело печи", *вёшало*, *повешало* "жердь вдоль плеча печи", *тычинник* "тип ограды", *столбун*, *столбунёц* "большой глиняный горшок", *полонка* "половник", *ставок* "подставка для лучины", *бесик* "жилет на меху, на вате", *глыбник* "плохо распаханная земля", *остожье* "нижний пласт сена в стогу", *дубовик* "белый гриб", *берёзовик*, *целых* "подберезовик", *мелятник* "молодой лес", *стопка* "полевой хвощ", *медвежник* "волчье лыко" и др. Диагональное членение области с противоположением северо-западной ее

части юго-восточной устанавливается не только изолексой *сушильник* "колосники", как это отмечено на итоговой карте № 159, но и ареалами слов *грабильщице* "рукоять грабеля", *ольшатник* "ольховый лес", *водоверть* "водооборот", названий картофельной запеканки с корьями *яблон-*, *яблоч-*, *однобрюшники* "близнецы", особенно ярко — свадебных терминов *пирующие*, *пировые* "все участники свадьбы", *выкупать косу*, *обызривать невесту* и т.д. Только "суммирование" подобных изоглоссов может быть убедительным в попытках установления и графической передачи диалектного членения некоей территории. Полоса говоров вдоль северо-восточной границы области, принадлежащих Владимиро-Поволжской (окающей) группе и ярко отличных от остальных подмосковных диалектов не только вокализмом и некоторыми морфологическими явлениями (местоимение, глагольная флексия), но и в лексической сфере, выделена на карте № 160 единственной изолинией, ограничивающей распространение слова *толбушка* "непарадная, проходная компата, служащая кухней" (и воспроизведенной здесь с серьезным искажением ранее выявленного ареала, ср. карту № 9). Опираясь на данные ЛАМО, отличия этих подмосковных говоров от прочих можно подтвердить не менее чем двумя с половиной десятками изолексов. Игнорирование столь заметных явлений делает необъяснимой цель заключительных обобщающих карт атласа.

Нельзя предъявлять автору рецензируемой работы упреки в неосуществлении целей, которых он перед собой не ставил. Однако для более полной характеристики обследованных говоров, обрисовки их связей с другими зонами великорусской территории желательным было бы иметь указания на распространение картографированных слов за пределами Московской области, хотя бы, например, по "Словарю русских народных говоров" и под. Без разысканий подобного рода синхронная диалектная картина русского центра, а далее — история сложения среднерусских говоров не будут в достаточной степени аргументированными. Можно предположить, что эти задачи будут решаться в последующих работах, обращенных к лексике говоров Подмоскovie,

в том числе и работах А.Ф. Войтенко.

Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что написание критической рецензии — дело несравненно более простое и легкое, нежели создание диалектологического атласа. Несмотря на недочеты ЛАМО, среди которых присутствуют и весьма, на мой взгляд, серьезные, Лексический атлас говоров Московской области — издание полезное и, безусловно, окажет стимулирующее влияние на развитие лингвогеографических исследований в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русская диалектология. М., 1964.
2. Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. М., 1970.
3. Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.
4. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Вып. I: Вступительные статьи. Справочные материалы. Фонетика. М., 1986. С. 7.
5. Иванова А.Ф. Лексический атлас Московской области (Северные ареалы) // Лингвогеография. Л., 1983. С. 128.
6. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Опыт этимологического словаря русской фразеологии. М., 1987. С. 102.
7. Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969. С. 593.
8. Словарь русских говоров Среднего Урала. Т. VII. Свердловск, 1988. С. 18.
9. Чернышев В.И. Разыскания и замечания о некоторых русских выражениях // Докл. и сообщ. Ин-та русского языка. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 15–17.
10. Пеньковский А.Б. Русские персонализирующие именованья как региональное явление языка восточнославянского фольклора // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986. С. 135.
11. Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л., 1981. С. 160.

Журавлев А.Ф.

Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. М., 1991. 60 с. + 160 карт

Названный атлас является результатом многолетней работы автора по изучению лексики говоров Московской области. Эта работа была начата в 1959 г., и первым итогом ее явился опубликованный в 1969 г. "Словарь говоров Подмосковья", получивший признание среди широких кругов исследователей русского языка. Однако известно, что ни один областной словарь не дает полного представления об ареалах слов и значений. Поэтому автор продолжил трудоемкое изучение лексики Подмосковья, которое завершилось составлением "Лексического атласа Московской области" (ЛАМО). Работе над атласом предшествовало опубликование компактной, но содержательной программы собирания сведений для ЛАМО [1], обеспечившей в дальнейшем успешное завершение создания атласа. По этой программе работал большой коллектив студентов факультета русского языка и литературы Московского

областного педагогического института под руководством А.Ф. Войтенко. Значительная часть собирательской работы была проведена самим автором, причём многие населенные пункты обследовались неоднократно, что позволило создать надежную базу для разработки атласа. Атлас явился лингвистическим и историческим памятником народного языка нашего времени. В нем продолжены на современном уровне традиции создания региональных лексических атласов русского языка [2, 3].

Весьма ценно, что в атласе представлена территория центральной России, территория, прилегающая к Москве и, следовательно, наиболее подверженная нивелированию диалектных черт. Это не только обусловило трудность собирания материала, но, как показывает ознакомление с атласом, многократно увеличивает его значение, так как в нем зафиксирована и сохранена для

истории лингвогеографическая картина многих звеньев словарного состава народной речи нашего времени, быстро изменяющихся в наши дни под воздействием разных причин. И не случайно Русское географическое общество, по достоинству оценивая значение этого труда, поддержало его опубликование.

В ЛАМО представлена лексика всех районов Московской области (300 населенных пунктов, хотя обследовано было около 1000), что свидетельствует о фундаментальности проведенной работы. К этому следует добавить, что в своей теоретической работе над атласом автор учитывал опыт создания крупных атласов русского и украинского языков.

В атласе показана лексика широкого тематического круга – лексика жилища, его частей, хозяйственных построек, изгородей, предметов быта, посуды, одежды, сельскохозяйственных орудий, средств передвижения, свадебного обряда, названия растений и некот. др.

Карты атласа свидетельствуют о сложной территориальной дифференциации лексики в пределах этого пристоличного региона, что обусловлено глубокими историческими причинами. Любая карта атласа говорит об этом. Например, карта № 139 (слова со значением "близнецы") показывает территорию распространения многих слов: *двоешки, двоешны, двояшки, парышки, парные, напарники, парнята, двойняшники, двойнешные, двойницы, двойнята, двойничники, двойники, двойничные, однобрюшники*. При этом выясняется, что лексический фон составляет лексема *двоешки*, в северной и западной частях области распространена лексема *однобрюшники*. Карта № 145 (лексикосемантическая группа "соглашение между родителями жениха и невесты,говор"): *лады, поладки, залады, полады, договорность, сговоренки, запой, пропой, глядево, гляденье, заручанье*. При этом наиболее широкое распространение имеет слово *лады*, вдоль северо-восточной границы области – *заручанье*, в юго-восточной части – *глядево, гляденье*.

Большой интерес представляют сводные карты изоглосс, карты лексических зон (карты № 159, 160).

Особенно выразительным делает атлас то, что он цветной. По существу – это первый региональный атлас лексики

русских говоров, выполненный таким способом.

Система графических знаков на картах в целом логична: слова с одним корнем обозначаются, как правило, одной геометрической фигурой. Словообразовательные и другие лексикализованные варианты дополняются знаками внутри геометрической фигуры, заливкой. Разнокоренные названия выделяются также цветом. Отступления от этого редки, например, имеет место нарушение логичности в системе знаков для слов с корнем *тыч-* "ограда, сделанная из тычин" (карта № 29): **▲ тычшник**, **■ тычки**, **◆ тычевник** и др. Следовало бы, очевидно, использовать одну геометрическую фигуру с дополнительными, дифференцирующими знаками внутри.

Ценной находкой атласа являются рисунки на картах предметов, этнографических реалий, названия которых картографируются. Они устраняют возможность двусмысленности, непонимания читателем того, о чем идет речь на карте, характер изучаемой реалии.

О богатстве представленной в атласе лексики свидетельствует "Указатель слов в картах и комментариях", около 3000 слов. Для работы над атласом очень полезен также "Список обследованных населенных пунктов (с необходимыми комментариями)" и "Алфавитный указатель к списку обследованных населенных пунктов".

Что касается комментариев к картам, то они выдержаны в определенной системе: 1) сравнение с материалами "Словаря говоров Подмосковья", 2) перечень нанесенных на карту лексем, 3) данные о локализации лексем, 4) перечень не вынесенных на карту дублирующих названий, 5) примеры на употребление лексемы в речи.

Говоря о лексическом богатстве атласа, можно, очевидно, отметить, что не следовало бы давать как самостоятельные лексемы *мякильница – мятильница* (карта № 1), так как здесь имеет место фонетически закономерное *ки-ти* [4].

С другой стороны, отклонение от картографирования некоторых дублирующих названий (см., например, карту № 6) несколько обедняет ареальную характеристику лексики на картах. К сожалению, не все слова в комментариях (п. 5) сопровождаются примерами употребления их в речи, что связано, очевидно, со

стремлением не увеличивать объем атласа. Можно высказать пожелание относительно дальнейшей работы над атласом – создать серию семантических карт.

В заключение отметим еще раз, что русская диалектология получила прекрасный лингвогеографический труд, в котором на картах запечатлена языковая ситуация в центральном регионе во второй половине XX века. Атлас имеет большое научное и культурно-историческое значение, и это значение его будет возрастать. Он послужит новым толчком для серьезного исследования лексики данного региона в связи с историей народа, историей территориального размежевания края в прошлом.

Можно пожелать создания таких атласов и по другим территориям.

1. *Иванова А.Ф.* Программа для соби́рания материала к "Лексическому атласу Московской области (ЛАМО)" // Практические занятия и курсовые работы для студентов литературного факультета. М., 1976.
2. *Мельниченко Г.Г.* Лингвистические карты: Приложение к книге "Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (территориальное распространение, семантика, словообразование)". Ярославль, 1974.
3. *Комягина Л.П.* Лексический атлас Архангельской области // Русская речь. 1971. № 3.
4. Русская диалектология. М., 1964. С. 293.

Попов И.А.

Фразеография в Машинном фонде русского языка / Отв. ред. Телия В.Н. М.: Наука, 1990. 207 с.

Мысль о Машинном фонде русского языка была впервые высказана вслух осенью 1978 г. безвременно скончавшимся академиком А.П. Ершовым [1, с. 78]. Возглавил теоретическое осмысление и практическую реализацию МФРЯ чл.-корр. АН СССР Ю.Н. Караулов [1, с. 257]. Реально эта работа ведется с 1936 г., в нее включились десятки научных учреждений и сотни специалистов: электронщики, математики, программисты и лингвисты практически всех специальностей.

Машинный фонд делится на большое число подфондов, которые охватывают словари и тексты (памятники письменности и современные самых разных жанров), литературный язык и диалекты, видеолекты писателей и поэтов. Среди них находятся подфонды терминологии и фразеологии. Произошла дифференциация научных дисциплин: диалектология – диалектография, терминология – терминография, фразеология – фразеография – внутри основного деления: лексикология (с семасиологией и опомасиологией) — лексикография (может быть, с семасиографией и опомасиографией?).

Рецензируемая книга написана 18 авторами. По отбору авторов и вследствие вдумчивого редактирования книга может быть названа коллективной моногра-

фией. По основному тону и реальному уровню исследования ее можно рассматривать как "... промежуточный итог в осуществлении проекта создания фразеологического программно-источникового пакета Машинного фонда русского языка" (с. 205).

Машинный фонд русского языка и его подфонды базируются на "компьютерной идеологии", которая, к счастью, не включает в себя "обожествление" электронного мозга. Компьютерная идеология призывает диалог "человек – машина", в котором у каждого партнера есть как свои достоинства, так и свои недостатки. В рецензируемой книге используются все выработанные традиционной лексикографией приемы расчленения свойств объекта на фиксируемые программой признаки. Эти признаки (параметры) получают в компьютерной схеме универсальной "словарной статьи" особые зоны. Конечно, традиционные ("прецедентные") подходы к разрядам и признакам несвободных сочетаний слов обогащаются и детализируются. В ход идут и существующие словари фразеологизмов, например, известный фразеологический словарь А.И. Молоткова [2]. К сожалению, не используется словарь, тщательно разработанный Р.П. Рогожниковой [3].

Традиционные фразеологические словари называются анализирующими, и авторы рецензируемой монографии предполагают получать подобные словари на базе фонда (с. 17), думая и о создании интегральных способов не только анализа, но и синтеза фразеологических единиц в результирующей системе описания (с. 19).

Естественно, что авторы принимают самое широкое понимание фразеологии. В отдельные пакеты программ выделяются: идиомы, устойчивые словосочетания, грамматическая фразеология, паремии, устойчивые речения (крылатые слова и выражения), речевые штампы и клише. Здесь нет только составных терминов фразеологического характера, место которых, по-видимому, в терминологическом подфоне, которым руководит А.С. Гердт.

Понятно также стремление авторов учесть максимальное число параметров, что вытекает из компьютерной идеологии: создать такой пакет, такие схемы и такие зоны, чтобы как можно дольше не возвращаться к переделке самого пакета программ, обеспечить ему максимальное "долголетие".

Хочется отметить, что широкий подход к фразеологии, учет семантических, стилистических, культурно-исторических, коммуникативно-контекстуальных и многих других параметров не увели авторов куда-то в сторону, а в некотором роде вернули их к исходной точке фразеологии, когда несвободные сочетания слов и образные употребления отдельных слов, связанные значения слов и т.п. — также включались в разряд "ходячих и метких слов", как и фразеологизмы, по А.И. Молоткову, паремии, по Г.Л. Пермякову и клише в шутливом английском смысле ("*Adjust your clothes before leaving*" as clichés to be avoided). Приведем примеры из словаря М.И. Михельсона [4]: 101. *Голь на выдумки хитра*; 102. *Голь, шмоль, ноль и компания*; 103. *Гомерический смех*; 104. *Гомер, Омер*; 105. *Гони природу в дверь, она войдет в окно*; 106. (Человек) — *Гора горой*; 107. *Гора мышь родила*. М.И. Михельсон допускал в свой словарь отдельные слова (иносказания): *абракадабра, авгуры, ареопаг, Базаровы, Базаровщина, Бахус, бурбон, белокаменная (Москва), вспырнуть* (шуточн. "выпить по случаю удачного конца дела") и т.д.

Мы хотим сказать, что всеобъемлющий анализ очень широкого и разнообразного по своим семантическим, грамматическим и стилистическим свойствам фразеологического материала, анализ, основанный на новых лингвистических методах, которые разрабатывались по преимуществу на материале соответствующих свойств отдельно взятых слов, самой своей внутренней логикой показал более глубокий семантический и стилистический "изоморфизм" между отдельным словом и фразеологизмом. Законы переходов, оттенков и интеграции смыслов в слове при глубинно-семантическом подходе в принципе лишь повторяются в "семантических историях" фразеологизмов, так что различие между словом и интегрированным по смыслу словосочетанием в основном грамматическое и коммуникативное, а не семантическое или стилистическое. Авторы, может быть, не хотели этого сказать, но это сказалось само собой и легко замечается при внимательном чтении книги.

Авторы несомненно внесли значительный вклад в теоретические основания конструктивного описания фразеологии. По каждому разряду фразеологических единиц предлагается функционально-параметрическое описание. Разнообразные теоретические основания представлены для собственно компьютерной фразеологии. Наиболее приближены к собственно машинной реализации главы, написанные Е.Г. Борисовой, А.Н. Барановым и А.И. Ермаковым.

Конечно, в соответствии с идеями рецензируемой книги накапливается и классифицируется фонд несвободных сочетаний слов русского языка, но очень жаль, что до создания лингвистически и практически ценных фразеологических словарей непосредственно на ЭВМ еще далеко.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Машинный фонд русского языка: идеи и суждения. М., 1986. С. 7–8.
2. Молотков А.И. Фразеологический словарь русского языка. М., 1967.
3. Рогожникова Р.П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. Научные, служебные, модальные единства. М., 1983.
4. Михельсон М.И. Ходячие и меткие слова. 2-е изд. СПб., 1896.

Денисов П.Н.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

9–13 июня 1992 г. в Казани проходила Международная тюркологическая конференция (МТК) "Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность", организованная АН Республики Татарстан, Отделением литературы и языка, Отделением истории Российской академии наук, Комитетом тюркологов Российской Федерации при ОЛЯ РАН и Институтом языка, литературы и истории им. Г. Ибрагимова Казанского НЦ РАН. Являясь шестой по счету после Всесоюзных тюркологических конференций (ВТК)¹, она отличалась от предыдущих своим официальным международным статусом.

На конференции были представлены почти все крупные регионы проживания тюркских народов и многие тюркологические центры Российской Федерации и зарубежья (ближнего и дальнего)².

В работе МТК приняли активное участие тюркологи, политологи из Австралии, Англии, Венгрии, Германии, Израиля, Италии, Канады, Китая, Нидерландов, Северного Кипра, США, Турции, Финляндии, Франции, Японии. Самая представительная делегация прибыла из Турции.

¹Работа предыдущих конференций (кроме первой!) довольно подробно освещалась на страницах "ВЯ". Напомним читателям о времени и месте их проведения: первая тюркологическая конференция состоялась в 1926 г. в Баку, вторая – в 1976 г. в Алма-Ате (ВЯ, 1977, № 4), третья – в 1980 г. в Ташкенте (ВЯ, 1981, № 4), четвертая – в 1985 г. в Ашгабаде (ВЯ, 1986, № 6), пятая – в 1988 г. в Бишкеке [тогда – г. Фрунзе] (ВЯ, 1989, № 6).

²К сожалению, многие ученые из стран СНГ не смогли приехать. Причина – недостаток средств. Из семи-десяти включенных в программу МТК докладчиков научные центры направили одного-двоих.

Открывая конференцию, председатель Оргкомитета МТК, президент АН РТ акад. М. Хасанов (Казань) отметил важность научных контактов в современных, изменившихся условиях. Многие методологические проблемы, по его мнению, "требуют сегодня пересмотра, поскольку нарастает процесс интеграции бывшей советской тюркологии в мировую тюркологическую науку. Этот процесс начался раньше, но ныне он приобретает иной масштаб. Интерес к истории не означает, в частности, отхода от актуальных проблем национальной государственности, культуры, национального самосознания тюркоязычных народов". Напомнив, что Татарстан обычно характеризуют как место встречи Европы и Азии, западной цивилизации и культуры с восточной, М. Хасанов подчеркнул, что история тюркологии в России берет свое начало в Казани, в Казанском университете, имеющем прочные востоковедные традиции. Касаясь казанской тюркологической школы, М. Хасанов говорил об огромном вкладе, который внесли и продолжают вносить в ее развитие ученые-тюркологи самых разных национальностей.

С приветственным словом к участникам форума обратился Председатель Верховного Совета Татарстана Ф. Мухаметшин (Казань), который, в частности, отметил, что краеугольным камнем политики в Республике Татарстан является соблюдение прав человека и предоставление равных прав представителям всех вероисповеданий. Государственными языками в Татарстане объявлены татарский и русский. Очень важно, по мнению Ф. Мухаметшина, создание благоприятных условий и для развития других языков.

После выступления председателя Комитета тюркологов РФ при ОЛЯ РАН чл.-корр. РАН Э.Р. Те-

пишева (Москва), говорившего о науке как факторе, сближающем народы, способствующем их взаимопониманию, коллег приветствовали представители делегаций: Фикрет Тёркмен (Измир), Кемал Карпат (Висконсин), Ирене Меликофф (Страсбург), акад. АН Кыргызстана Б.О. Орузбаева (Бишкек), чл.-корр. РАН акад. АН Башкортостана Р.Г. Кузеев (Уфа), Надер Девлет (Стамбул), У.К. Кумисбаев (Алма-Ата), Эльхам Арклы (Северный Кипр). Были зачитаны приветственные телеграммы, среди них телеграмма от Российской академии наук за подписью академика-секретаря ОЛЯ РАН акад. Е.П. Челышева.

Затем участники конференции заслушали пленарные доклады. Чл.-корр. АН Казахстана К.М. Мусаев (Москва) остановился на проблемах функционирования тюркских языков в независимых тюркских республиках. Надер Девлет (Стамбул) в докладе "Национальное возрождение тюркских народов" представил обзор национальных и общественных движений в тюркских регионах СНГ, проследив их эволюцию, начиная с просветительского, джадидского движения, роли Исмаила Гаспринского и его газеты "Терджиман" (годы издания: 1883–1918) и кончая событиями последних дней. Р.Г. Кузеев (Уфа) выступил с докладом "Об изучении этнической истории полиэтнического региона (тюркские и финно-угорские народы Среднего Поволжья и Южного Урала)". Э.Р. Тенишев (Москва) поделился своими размышлениями о сложных, требующих взвешенного решения, и весьма актуальных на сегодняшний день вопросах реформирования алфавитов тюркских языков. Акад. АН РТ М.З. Закиев (Казань) в докладе "Нужна ли тюркологам палеотюркология?" аргументировал необходимость изучения истории древних тюрков бесписьменного периода, используя при этом данные сравнительно-исторического языковедения, мифологии, фольклора, археологических раскопок, антропологических и этнографических изысканий. Для создания логически оправданной методики таких исследований автор рекомендует сосредоточить их в пределах одной науки – палеотюркологии.

Программа МТК отличалась широтой и нововведениями, что является

отчетливым проявлением требований времени и отвечает потребностям углубления исследований в области духовной культуры тюркских народов. Об этом свидетельствует и перечень названий секций (подразделявшихся, в свою очередь, на подсекции): 1) Языковедение; 2) Литературоведение; 3) Текстология, источниковедение и книговедение; 4) История; 5) Археология и палеоантропология; 6) Общественная мысль; 7) Религия; 8) Традиционная тюркская культура и современные этнические процессы; 9) Культура; 10) Тюркоязычный фольклор и его жанры.

Всего было прочитано более 300 докладов, из них около 120 – на лингвистической секции. Рабочими языками МТК были: русский, татарский, турецкий, английский; при обсуждении докладов использовались и другие, кроме упомянутых, тюркские языки.

Секция языковедения работала в составе восьми подсекций.

Для подсекции № 1 (Тюркские языки и их функциональный статус) наиболее важным оказался комплекс вопросов, связанных со статусом языков в суверенных республиках. По этой проблематике выступили: М. Соегов, Б. Ходжаев (Ашгабад) с докладом "Закон Туркменистана о языке и вопросы функционального развития туркменского литературного языка на современном этапе"; Б.О. Орузбаева (Бишкек) – "О государственном статусе кыргызского языка"; З.Х. Хамидова (Грозный) – "Языковая политика в Чеченской республике и проблема перехода на латинскую графику"; К.М. Кошанов (Нукус) – "Проблемы функционального развития каракалпакского языка на современном этапе". В докладе З.Г. Гариповой (Казань) "Осуществление закона о государственном языке в Татарии (20-е годы)" этот вопрос был рассмотрен в ретроспективе. О статусе языка сибирских татар и проблемах его возрождения доложили Х.Ч. Алишина и С.М. Исхакова (обе – Казань).

В нескольких докладах, насыщенных интересными фактами, затрагивались различные вопросы функционирования татарского языка. Так, акад. АПН М.И. Махматов (Казань) представил доклад "К вопросу об изменениях в лексике татарского языка", Д.Ш. Сулейманов (Казань) – "Татарский язык: его регулярность и разруши-

тельные тенденции". В.З. Гарифуллин (Казань) рассмотрел особенности функционирования татарского языка на газетной полосе в новых условиях, Дж.Т. Зайнуллин (Казань) — место арабского языка в мусульманском Поволжье и Приуралье.

Острую дискуссию вызвал теоретически насыщенный доклад чл.-корр. АН Башкортостана Т.М. Гарипова (Уфа) "Латиница как оптимальный алфавит для тюркских языков". Отметив, что все графические системы тюрков имели свои про и contra, Т.М. Гарипов констатирует: "Последние семьдесят с лишним лет политического и письменного разобщения тюркских языков могли бы смениться периодом нового графического единения на базе латиницы, в пользу которой говорит и тот достаточно сильный аргумент, что свыше ста десяти миллионов тюрков составляют единственную крупную евразийскую языковую семью, не имеющую единого алфавита". Успешная релатинизация тюркских алфавитов бывшего СССР, по мнению автора, немыслима без координирования и взаимосближения последних, что потребует серьезных усилий со стороны специалистов-грамматистов как внутри государственных образований, так и за их рубежами. Т.М. Гарипов предложил разграничить понятия субъекта и объекта письменности: первым выступает этнос, а вторым — его язык. Отсюда тюркские народы, использовавшие в своей истории разные системы письма (рунику, арабиду, брахми, армянские письмена, эстратгело и др.), бесспорно относятся к числу старописьменных. Языки же, впервые получившие для себя в XX в. латиницу и кириллицу, оказались младописьменными. Поэтому весьма сложными видятся, в частности, эволюция башкирской графики и судьбы поколений, писавших и читавших по-башкирски.

Предполагается, что если тюркские народы придут к латинице, то это произойдет в разные и удобные для них исторические сроки, поскольку смена письменности связана с грандиозными затратами.

Здесь следует отметить также доклад М.В. Иордаба (Москва) "Идеи межнационального консенсуса в наследии И. Гаспринского", прочитанный на секции "Общественная мысль", где обсуждались воззрения последователей

джадидизма на реформирование письменности и системы образования тюркоязычных мусульман. По мнению автора, "обращение к той части творчества крымскотатарского мыслителя, издателя первой тюркоязычной газеты "Терджиман" ("Переводчик") Исмаила бей Гаспралы (1851–1914), в которой им изложено неординарное для того времени понимание роли родного языка и письменности в подъеме и развитии национальной культуры, безусловно заслуживает внимания в связи с актуализацией и активизацией нового, постперестроечного этапа национального возрождения народов многонациональной России". Автор остановился на некоторых высказываниях И. Гаспринского, полемизировавшего с Н.И. Ильминским и отстаивавшего необходимость использования общетюркской письменности. Вот одно из них (в переложении докладчика). Эксперимент педагогов-администраторов совсем не учитывает того, что тюрки еще до ислама имели свою письменность. С принятием же нового вероисповедания арабский алфавит был "национализирован". Поэтому, заключает И. Гаспринский, нельзя сравнивать народы, имеющие письменность, с народами, ее не имеющими (Терджиман, 1906, № 123).

Оригинальная концепция создания среднетюркского языка *ортатюрк* была изложена в докладе Б. Каримова и Ш. Муталова (Ташкент) "Возможность использования языка, усредненного на базе родственных языков в качестве межэтнической коммуникации", вызвавшей оживленный отклик у участников заседания. Предлагаемый авторами метод создания усредненных языков типа койне для диалектов и родственных языков (тюркских, иранских, славянских и др.) основан на математической процедуре усреднения на каждом из уровней языка (фонемном, лексическом, морфемном, синтаксическом) посредством определенных формул. Метод построения койне авторы описали, пользуясь примерами из пяти тюркских языков: азербайджанского, татарского, турецкого, узбекского и казахского. Разрабатываемый для среднетюркского языка алфавит может функционировать в нескольких разновидностях одновременно. *Ортатюрк* предлагается использовать как язык межнационального общения тюрк-

ских наций, язык накопления информации общетюркского и мирового значения³.

Намечено проведение Международной научной конференции "Проблемы создания среднетюркского языка *ортатюрк*" и учреждение Международного института усредненных языков и языка *ортатюрк*. На конференции будут рассматриваться теоретико-методологические и социалингвистические проблемы создания языка *ортатюрк* и других усредненных языков, проблемы унификации алфавитов тюркских языков и разработки алфавита *ортатюрк* и др.

В подсекции № 2 (Фонетика и синтаксис) обсуждались вопросы просодии, ударения, фонологии, а также проблемы структуры предложения. Так, в докладе Г.А. Гайдаржи и В.И. Котенко (Кишинев) "Некоторые нерешенные проблемы гагаузской фонологии" уточняется фонемный состав гагаузского вокализма с точки зрения Московской фонологической школы, обосновывается один из ведущих принципов этой школы: зависимость фонетической системы языка от его других уровней, в частности морфологии. На материале гагаузского языка подтверждается принцип экономайной аффиксации в тюркских языках и демонстрируется плодотворность системного метода в их описании.

В докладе "Основное, второстепенное и вариативное ударение в татарском языке" Х.Х. Салимов (Елабуга) высказал мысль о том, что в татарском языке ударение фонетическую роль практически не играет, но фонетическая природа татарского словесного ударения и тесная связь его с синтаксисом, с просодией предложения бесспорна.

Доклад Т.И. Ибрагимова (Казань) "К описанию звукового строя татарского языка" был посвящен изучению фонотактики, т.е. описанию фонематической структуры слова с последующей экстраполяцией результатов в область фонетики.

А.Т. Тыбыкова (Горно-Алтайск) в докладе "Моделирование предложения в алтайском языке" представила с помощью формул, построенных из

несложных символов, инвентарь минимальных структурных моделей простого предложения алтайского языка. Модели двусоставных предложений с глагольным сказуемым характеризуются специфическим устройством, обусловленным валентностью глагола. О моделировании простого предложения в уйгурском языке доложил С.Н. Абдуллаев (Пржевальск), по мнению которого непремненным условием осмысления синтаксического участка языковой системы является разведение понятий модели предложения как единицы языка и высказывания как единицы речи. Выделяются этапы обобщения понятия модели предложения и обсуждаются вопросы методики записи формул моделей предложения.

Д.Д. Джусаев (Пржевальск) прочитал два доклада. Первый ("Предложения с полупредикативными конструкциями в тюркских языках") был посвящен интерпретации грамматической природы осложненных предложений с оборотами, "возглавляемыми" слитными деепричастиями на *-(ы)п*. Во втором докладе ("Категория модальности как один из основных грамматических признаков предложения") делается попытка доказать, что категория модальности выступает, наряду с предикативностью, как самостоятельная синтаксическая категория независимо от предикативности.

На совместных заседаниях подсекций № 3 (Грамматика) и № 6 (Историческая грамматика и история литературных языков) было заслушано более 30 докладов. Их тематика отличалась некоторой пестротой: затрагивались вопросы морфологии, проблемы реконструкции и рунологии, изучения языка письменных памятников и др.

А.В. Есипова (Новокузнецк) сделала сообщение о том, что в Новокузнецком пединституте коллективом исследователей (в составе четырех человек) ведутся работы по созданию машинного фонда шорского языка, включающего словарную и текстовую базы данных и их программное обеспечение. Разработана концепция словарной и текстовой компоненты, начато составление автоматизированного словаря, на машинные носители записаны три текста объемом 684 словоформы.

Д.Ю. Иванов и И.А. Невская (Новокузнецк) изложили основные

³Подробнее см.: Каримов Б., Муталов Ш. Уртагурк тили. Тошкент, 1992 (на узб. яз., резюме на русск. и англ. яз.).

принципы создания системы ШАМАН (шорский автоматизированный морфологический анализ), которая является составной частью программного обеспечения машинного фонда шорского языка. В основу системы ШАМАН положены разработки финского ученого К. Коскенпиеми по созданию двухуровневой модели финской морфологии. Двухуровневая модель базируется на системе лексиконов и на наборе двухуровневых правил, устанавливающих соответствие между глубинно-морфологическим и поверхностным уровнем. Модель универсальна для всех агглютинативных языков.

В докладе "Формы результата с отрицанием в шорском языке" И.В. Шенцова (Новокузнецк) установила, что для образования акциональной формы от глагола с отрицательным аффиксом *-паан* используются три аналитических показателя из восьми для положительной формы глагола. Показатель *-сал* образует результатив от переходных глаголов, *-кал* – подобную форму от непереходных глаголов, *-пар* сочетается с переходными глаголами и обозначает цессив.

В докладе Л.И. Куликова (Москва) "Каузативные конструкции в тувинском языке: к типологии переходности" получили освещение некоторые синтаксические особенности тувинских каузативных конструкций. Согласно правилу Б. Комри, субъект каузативной ситуации при каузации исходного предложения понижается до первой свободной позиции в иерархии именных групп (подлежащее – прямое дополнение – не прямое дополнение – косвенное дополнение). Субъект каузативной ситуации оформляется не дательным падежом (как можно было бы ожидать), а винительным. Автор показал, что нарушение правила Комри – кажущееся; оно объясняется тем, что именная группа в безаффиксном падеже не является полноценным прямым дополнением.

И.А. Муравьева (Москва) в докладе "Морфология и морфонология тувинского глагола" рассмотрела основные парадигматические формы, составляющие ядро видо-временной системы тувинского глагола, как синтетические, так и аналитические. Введено два типа синтетических основ: результирующая и результирующая. От основ обоих типов образуются чисто синтетические формы,

частично аналитические, а также разные типы нулевых форм. Попутно автор коснулся морфологического чередования.

По мнению Ж.К. Туймебаева (Алма-Ата), транспозиция индикативных форм казахского глагола является следствием развития и расширения художественных средств языка. В казахском языке форма прош. времени падеж используется в значении наст., буд. времени, а также в значении условного и повелительного наклонений глагола. В таких случаях автор видит не только замещение времен и взаимопроникновение форм, но и столкновение их. В докладе Д.М. Хангишиева (Махачкала) дана сравнительная характеристика имен действия на *-ыѳ* в кумыкском и татарском языках (первый относится к *-макъ*-языкам, второй – к *-ыѳ*-языкам). Докладчик отмечает, что имена действия на *-ыѳ* употребляются и в кумыкском языке, но здесь они проявляют тенденцию к переходу в имена существительные. В докладе Н.И. Ирисова (Елабуга) "Падежное и непадежное в татарских падежах" предлагается 14 критериев, с помощью которых оценивается грамматическая природа именных аффиксов татарского языка – как тех, что традиционно всеми признаются показателями падежей, так и "спорных". Автор утверждает, что грамматическая природа даже традиционно признаваемых падежей представляет собой единство падежных и непадежных признаков и лишь благодаря преобладанию первых над вторыми они принадлежат данной грамматической категории. Доклад Н. Аксу (Анкара) и А.Г. Шайхулова (Уфа) был посвящен системе глагольно-именных основ в кыпчакской и огузской группах языков (на материале татарского и турецкого), В.Ш. Арсланова (Елабуга) – происхождению аффикса страдательности.

Привлек к себе внимание доклад акад. АН РТ Д.Т. Тумашевой (Казань) "Этнические и языковые связи сибирских татар", в котором на материале древнего пласта лексики и сохранившихся в топонимии юга Тюменской и Омской областей древнетатарских и раннекыпчакских этнонимов прослеживаются этнические и языковые связи сибирских татар с кимакско-кыпчакскими и древнетюркскими пле-

менами. В докладе Б.Ф. В а л е е в а (Москва) говорилось о языковой близости между западносибирскими татарами и одними из их ближайших соседей – башкирами на уровне фонетики, морфологии и лексики.

И.В. К о р м у ш и н (Москва) в докладе "Теоретические проблемы реконструкции пратюркского языка" аргументировал необходимость по меньшей мере двухуровневой схемы праязыковых построений (ближняя и дальняя реконструкция) на материале временных форм глагола и в их соотношении с прилагательными. Автор постулировал для большого числа адективов отглагольное происхождение, видя в их непродуктивных формантах древнейшие глагольно-временные аффиксы. Доклад Ф.М. Х и с а м о в о й (Казань) был посвящен опыту реконструкции структурных особенностей старотатарского литературного языка XVI–XVII вв.

Следует отметить информативность обзорных докладов. Г. Я н к о в с к и (Будапешт) поделился своими мыслями о структурном развитии тюркских языков. М а х м у т К а ш г а р л ы (Стамбул) представил обзор "История развития уйгурского языка", В.Н. Х и с а м о в а (Казань) – обзор западно-европейских источников, посвященных семантике этнонима "татар".

В докладе С.С. Х а р ь к о в о й (Элиста) "Тюркские заимствования в монгольских языках как следствие билингвизма их носителей" рассматриваются распространенные в монгольских языках парные сращения, где один компонент – тюркизм, другой – монголизм. Такие сращения являются косвенным доказательством того, что взаимовлияние тюркских и монгольских языков протекало в форме двуязычия. Проникновение тюркизмов в монгольские языки большей частью по всей вероятности, имело место в районах со смешанным населением.

В трех докладах затрагивались вопросы рунологии. Д.Д. В а с и л ь е в (Москва) и О. С е р т к а я (Стамбул) сделали сообщения о неопубликованных древнетюркских памятниках из бассейна Енисея. В докладе С.Я. Б а й ч о р о в а (Черкесск) "Тенгри – тамга древнетюркских рунических текстов Евразии" речь идет об идеограмме (два вытянутых остриями друг к другу треугольника), встречающейся в рунических текстах разных регионов. Во всех случаях

она передает не звук или сочетание звуков, а целое понятие. В надписях из Мурфатлара уточняется значение этой идеограммы, что, по мнению докладчика, подтверждает предположение В. Бешевлиева о том, что эта идеограмма обозначает понятие "всевышний, бог".

М. Ё н е р (Измир) в докладе "О словах *or ~ tor ~ çor*", отмечает, что орхонские памятники свидетельствуют о чередовании *i--ç--Ø*, имеющем место в начале корня. По мнению автора, корневые морфемы *or ~ tor ~ çor*, передающие семантику, связанную с понятием "высота", составляют определенную морфонологическую группу; ср.: др.-тюрк. *ordu, çor, tor*; кышчакск. *çora/çura, tora/tura, ora*. Они образуют группу со значением "высокое место" или "человек высокого звания или положения", ср.: *bauçura, aqçura, orhan, bagator* и др.

В докладах Р.З. М у х а м е т р а х и м о в о й, Г.Б. Ш а м а л о в о й, И.Г. Г а л я у т д и н о в а (Уфа), З.А. К а з и х а н о в о й (Наб. Челны) обсуждались различные аспекты языка письменных памятников, дастанов и эпических сказаний. На проблеме волгокамского языкового союза заострил внимание Р.Г. А х м е т ь я н о в (Казань).

В докладе В.Х. Х а к о в а (Казань) "Письменные источники для изучения старотатарского литературного языка в диахроническом плане" представлен результат исследования большого числа письменных памятников разнообразных жанров (поэтические и прозаические художественные произведения, глоссарии, грамматические трактаты, филологические труды, канцелярские документы, ярлыки и т.п.), в которых прослеживаются общие тенденции развития татарского литературного языка. В связи с этим высказана мысль о существовании тесной генеалогической связи между современным татарским литературным языком и языком тюркских племен средневекового Поволжья. Начало образования и складывания норм литературного языка относится к домонгольскому периоду. Х.Р. К у р б а т о в (Казань) делает вывод о том, что *й*-язык булгаро-татарских эпитафий XII–XIV вв. аналогичен общетюркскому литературному языку "Кыссаи Йусуф" (1212–1233 гг.) поэта Поволжской Бул-

гари Кул Гали. Этот язык, который иначе называли чагатайским, по мнению докладчика, был распространен в регионах с низовьев Сырдарьи (Хорезм) до Волго-Камья (территория нынешнего Татарстана). Изучение языка памятника XIV в. "Нахдж ал-фарадис" позволило Ф.Ш. Нуриевой (Казань) выявить характерные черты, отражающие противоречивые тенденции сложения местных локальных вариантов тюркских литературных языков Урало-Поволжья. Это приверженность определенной литературной традиции и в то же время взаимодействие с существующими языковыми особенностями местного койне. Доклад И.Б. Башировой (Казань) был посвящен методике исследования литературного языка конца XIX – нач. XX в. Данный период является одним из специфико-сложных этапов классического старотатарского литературного языка и характеризуется расширением рамок вариативности, особенно функционально-стилистической.

В подсекции № 4 (Лексикология и лексикография) большинство докладов было посвящено лексике тюркских языков. С обзорами выступили: Э.З. Кажиеков (Алма-Ата) – "Об общем лексическом фонде тюркских языков" и А.А. Чеченов (Москва) – "Историческая лексика карачаево-балкарского языка". О влиянии системы стилей на функциональные нормы лексики этого же языка говорилось в докладе М.З. Улакова (Нальчик). Е.А. Лебедева (Чебоксары) рассказала о семантике чувашских цветочных обозначений в культурно-историческом аспекте. В.Н. Тадыкин (Горно-Алтайск) предложил этимологию этнонима *сёёка мундус*. Т.Х. Хайрутдинова (Казань) исследовала генетические пласты в татарских названиях пищи. Являясь одним из важных и устойчивых элементов материальной культуры народа, пища интересна и с точки зрения ее номинации. Лексико-семантический анализ названий кушаний и продуктов питания, по мнению автора, позволяет выделить в них несколько пластов. Тюркский пласт, включающий в себя общетюркские названия, общие для татарского и западнокыпчакской группы языков, пласт наименований для языков Поволжского региона и собственно татарского. Заимствованный пласт состоит из

арабо-персидских, русских, финно-угорских наименований.

В докладе Б.И. Гатаицева (Кызыл) "К проблеме ранних лексических заимствований в тюркских языках" речь идет о культурных словах, традиционно относимых к числу древних заимствований в тюркской лексике. Автор исходит из того, что подобная их трактовка, нередко воспринимаемая как бесспорная истина, может практически закрыть или значительно затруднить дальнейшее исследование этимологии подобных слов. Этим отчасти объясняется, по мнению автора, либо отсутствие у последних собственно тюркских этимологических версий, либо их неразвитость. Здесь следует исходить из примата исконного происхождения над внешним влиянием, что автор пытается подтвердить предлагаемыми им этимологиями таких слов, как *öküz* "бык" и *arpa* "ячмень".

В докладе "Симультанно-контекстная омонимия в поэтической речи Кады Бурханеддина (XIV в.)" В.И. Аслапов (Баку) затронул проблемы омонимии и омоформии и привлек внимание слушателей к такому языковому явлению, как симультанно-контекстная омонимия, которая определяется им как тип омонимии, когда ситуативный контекст позволяет в соответствии с содержанием текста интерпретировать омонимичное высказывание как в одном, так и в другом значении. Автору удалось раскрыть "тайну" возникновения этого типа омонимии. Ее "синхронизированное употребление... связано с включением в контекст антонимичных, синонимичных или гипонимичных слов, когда в контексте подсказывается одно из омонимичных слов, тогда как другое подразумевается лишь пресуппозитивно – путем соотносительности единиц ассоциативной семантики". Богато представленная в средневековой арабо-, персо- и тюркоязычной поэзии симультанно-контекстная омонимия была рассмотрена В.И. Аслаповым на материале азербайджанского языка XIV в.; в качестве иллюстрации приведены соответствующие бейты из дивана (поэтического сборника) Кады Бурханеддина.

Серия докладов была посвящена тюркизмам в русском и европейских языках. Об аспектах изучения тюркизмов высказала свои мысли Р.А. Юна-

лесева (Казань). И.Д. Биккенин (Саранск) рассмотрел тюркизмы в английском языке, А.М. Ганиева — в русской прессе.

В докладе М.В. Орешкиной (Москва) "Тюркизмы в русской лексикографии" в свете теории языковых контактов излагаются актуальные проблемы тюркских лексических заимствований в современном русском языке: характер и функции тюркизмов в русской письменной, художественной и публицистической речи, их классификация — тематическая и по степени освоения русским литературным языком, особенности их графемно-фонетического, орфографического, морфологического и лексикографического освоения в русском языке и освещение этих особенностей в системном и поративном аспектах.

Особое внимание автор уделяет проблемам фиксации тюркских лексических заимствований, старых и новых, в русской лексикографии: в толковых словарях современного русского литературного языка, в региональных и специальных словарях, в словарях новых слов и других. Впервые предлагаются принципы составления сводного Словаря заимствований в русском языке из языков народов России и ближнего зарубежья, где корпус тюркских слов занимает значительное место. На обсуждение представлены структура словарной статьи и образцы словарных статей тюркизмов.

В нескольких докладах обсуждалась лексикографическая проблематика. С докладом обобщающего характера "О принципах составления тюркских словарей" выступил чл.-корр. АН РТ Ф.А. Ганиев (Казань). Малоисследованных областей тюркской лексикографии касались доклады К.Р. Галиуллина (Казань), акцентировавшего внимание на вопросах татарской компьютерной лингвографии, и Ф.С. Сафиуллин (Казань), которая рассмотрела структурно-композиционные и лингвистические особенности разговорников и самоучителей татарского языка конца XVIII — нач. XX вв. С интересными сообщениями по конкретным проблемам выступили: Н.Ш. Шаммаева (Чарджоу), М.Б. Аскеров (Баку), М.И. Расулова (Москва), Р.М. Гатауллина, В. Фаизов (Казань).

В подсекции № 5 (Терминология и словообразование) значительное внимание было уделено вопросам терминологического образования. Р.К. Рахимова (Казань) подчеркнула роль исторических факторов в процессе формирования терминологии. В нескольких докладах казанских лингвистов был представлен опыт изучения отдельных тематических групп татарской лексики. Д.Б. Рамзанова исследовала терминологию родства татар в ареальном аспекте (в плане формирования татарского народа), Г.Г. Саберова — принципы номинации фитонимов, Ф.Ф. Гафарова — названия сельскохозяйственных орудий, А.Г. Хайруллина — математические термины. Вопросы терминологического образования в казахском языке (на материале терминов химии) рассмотрела К.Т. Оспанова (Чимкент). Доклады А.Ж. Жыкыпова (Кзыл-Орда) и Ч. Карлопа (Мюнхен) были посвящены соответственно этимологии терминов верблюдоводства и развитию политической терминологии в казахском языке. Эти и другие доклады, в которых поставлены конкретные вопросы об источниках и путях развития терминологии в тюркских языках, вызвали оживленную дискуссию. Выступившие высказали мысль о необходимости создания единого, координирующего терминологическую деятельность, органа.

С интересом были заслушаны и остальные доклады подсекции. А.Г. Шайхулов (Уфа) коснулся сложнейших вопросов, связанных с разработкой методики семантической реконструкции синкретичных корней в тюркских языках кыпчакской группы. Проблему конверсии в тюркском языкознании рассмотрела Г.С. Абдрашитова (Уфа). Доклад Л.Г. Хабибова (Уфа) затрагивал историю развития тюркских аффиксов, Н.В. Максимова (Казань) — проблемы калькирования в татарском языке.

В подсекции № 7 (Ономастика и диалектология) тематика докладов была весьма разнообразной. В.А. Бушakov (Аскания-Нова) рассмотрел общие элементы в этнонимии алтайских народов. В докладе приведены 42 этнонима, общих для монгольских, тюркских и тунгусо-маньчжурских народов, и предложены новые этимологии этно-

нимов монгол, олёт, эвенки, тат, татар и урянкай, учитывающие этнолингвистические связи между алтайскими народами Прибайкалья и Приамурья. В докладе И. Дрона (Кичинев) "К этимологии ряда топонимов русского происхождения (территория Республики Молдова)" этимологизированы 22 географических названия. На основе их анализа автор делает вывод о влиянии тюрков на культуру румыноязычного населения Днестровско-Прутского междуречья и в частности на формирование топонимической системы территории Республики Молдова. А.Х. Халиков и Ф.С. Хакимзянов (Казань) представили результаты масштабного исследования булгарских топонимов и этнонимов. Доклады Ф.Г. Гариповой и Г.Ф. Саттарова (Казань) были посвящены вопросам татарской ономастики и этногенеза. Этнотопонимы и этногенез башкирского народа рассмотрела М.Г. Усманова (Уфа). Л.Ш. Арсланов (Елабуга), исследовавший субстратную топонимию Актанышского р-на Татарстана, и Р.И. Куряева (Казань), установившая взаимосвязь между гидронимами и ойконимами бассейна Казанки, говорили о необходимости привлечения данных финно-угорских языков. Отметив роль арабской антропонимии в формировании ономастической системы татарского языка, Л.К. Тагиева (Казань) остановилась на исследовании внутренней формы, семантической структуры татарских личных имен арабского происхождения. Семантизация шорских фамилий посвятил свой доклад Г.В. Косточаков (Новокузнецк). Был заслушан также доклад М.А. Булгаровой (Черкесск) "К истории ногайской топонимии", зачитанный И.С. Казаковым. Вопросы диалектологии обсуждались в докладах Ф.Ю. Юсупова (Казань) – "Характеристика некоторых изоглосных форм, общих с огузскими языками, на татарской лингвистической территории", И.С. Насипова (Стерлитамак), выявившего древнетюркский пласт в мензелинском говоре татарского языка, Ф.Г. Чиспиевой (Новокузнецк), рассмотревшей особенности словообразования в кондомском и мрасском диалектах шорского языка, и Г.М. Сунгатов (Казань), который

проследил историю развития отдельных фонетических явлений в диалектах сибирских татар.

В подсекции № 8 (Контрастивная лингвистика и билингвизм) были заслушаны доклады, затрагивающие проблемы типологии и социолингвистики. Так, А.А. Аминова (Казань) рассмотрела универсальные и уникальные "смыслы" в сфере глагольного действия (на материале татарского и русского глаголов), В.З. Гитиатулина (Казань) – универсальное и дифференциальное в словообразовании разносистемных языков (на материале татарского, английского и арабского языков), Е.Ф. Арсентьева (Казань) – типы соответствий фразеологических единиц английского, русского и татарского языков, М.Н. Закамулина (Казань) – аспектуальные системы тюркских и романских языков (на примере татарского и французского языков). И.Ю. Бурханов (Баку) выступил с докладом "Контрастивные исследования семантических систем английского и азербайджанского языков как подоснова создания коммуникативных грамматик и идеографических словарей". Об опыте преподавания турецкого языка в Средней Азии по методике Тёмера рассказал Е. Айдын (Анкара). Ф.К. Сагдеева (Казань) представила результаты исследования проблемы интерференции в национальных языках.

З.А. Исхакова и Н.Х. Шарыпова (обе – Казань) в докладах, как бы дополняющих друг друга, обрисовали картину двуязычия в Татарстане соответственно у городских татар и в сельской местности. Л.К. Байрамова (Казань) доложила о русских заимствованиях в татарском языке (о вхождении русских слов во фразеологический фонд).

На секции "Текстология, источниковедение и книговедение", которая в программу тюркской конференции была включена впервые, состоялось 12 докладов. В них обсуждались важнейшие для тюркского источниковедения вопросы, связанные с изучением и изданием памятников письменности. Значительное внимание было уделено текстологической проблематике – основе основ исследования любой рукописи, проблемам палеографии (в том числе и

теоретической), имеющей прямой выход в историческое языкознание, и др.

Событием стали доклады таких крупных знатоков рукописей, как акад. АН РТ М.А. Усманов (Источниковедческие особенности татарской рукописной книги), И.А. Абдуллин (Текстология как отрасль тюркской филологии), чл.-корр. АН РТ Н.Г. Юзеев (Место литературного источниковедения в современном татарском литературоведении) – Казань, А.Б. Вильданова (Рукописи из фонда ИВ АН Узбекистана, созданные выходцами из Булгара) – Ташкент, и выступления Ф.С. Фасеева (Казань) и Надера Девлета (Стамбул).

Лингвистический аспект присутствовал и в "книгovedческих" докладах. Огромный интерес вызвал доклад акад. АН РТ А.Г. Каримуллина (Казань), посвященный 270-летию татарской печатной книги. А.Х. Курмансеитова (Черкесск) рассказала об Универсалах Петра Великого к ногайцам и начале ногайского книгопечатания. Н.Ф. Исмагилов и З.З. Рамеев (Казань) поделились своими мыслями соответственно о сборнике хикаятов "Маджмуг ал-хикаят" и опыте подготовки антологии татарской лирики нач. XIX в. Было также зачитан доклад Исмет Бипарк (Анкара), излагающий краткую историю турецких архивов.

Очень отрадно, что в работе конференции приняли участие молодые текстологи. В докладах Ф.З. Яхина, М.И. Ахметзянова, А.Х. Алеевой (Казань), Риккардо Зиполи (Венеция), А.М. Шарипова (Наб. Челны) [последние два доклада прочитаны на секции литературоведения] содержалась информация о неизвестных, вводимых в науку, рукописях, затрагивались проблемы языка (в частности, лексики) и стиля исследуемых источников.

В довольно острой дискуссии обсуждалась наряду с докладами и такие "вечные" проблемы, как отсутствие специально-оборудованных рукописохранилищ с лабораториями по реставрации, малочисленность специалистов (текстологическая работа требует подвижности!), слабость полиграфической базы и др.

Участники конференции считают актуальной задачей руководства Академии наук и правительства РТ создание

Института рукописей и книги в системе АН РТ.

Здесь уместно привести высказывание проф. Джанроберто Скорчиа (Венеция): "Казанская востоковедческая школа, известная еще с прошлого века, вновь набирает силу" (Известия Татарстана, 1992, 13 июня).

12 июня в рамках МТК была проведена научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Мирсайд Султангалиева (1892–1940). Являясь крупным деятелем национально-государственного строительства в Советском Союзе, М. Султангалиев открыто выступал против сталинской политики "автономизации" при образовании СССР, за что был обвинен в так называемом "национал-уклонизме" и уничтожен. "Первой жертвой генсека" называли его Л.Б. Каменев и Л.Д. Троцкий (дата ареста М. Султангалиева — 4 мая 1923 г.).

В 20–30-е годы под видом борьбы с "султангалиевщиной" были репрессированы тысячи представителей интеллигенции, образованных кадров и студенчества Татарстана, Башкортостана, Крыма, Северного Кавказа, Азербайджана, Средней Азии и Казахстана.

На конференции было заслушано 11 докладов и выступлений, в которых получили освещение такие темы, как, например, "Теоретическая и практическая деятельность М. Султангалиева по национально-государственному строительству" (И. Тагиров, Казань), "М. Султангалиев и особенности решения национального вопроса в Поволжье в годы гражданской войны" (А. Литвин, Казань) и др. Среди выступивших видные ученые: М. Хасанов (Казань), Надер Девлет (Стамбул), Ш. Мухамедьяров (Москва), Фикрет Тёркмен (Измир), Б. Султанбеков, З. Зайнуллин, Д. Шарафутдинов, М. Мухарямов (все – Казань).

На заключительном пленарном заседании были заслушаны отчеты руководителей секций. С обзором работы секции языкознания выступил чл.-корр. АН РТ Ф.А. Ганиев.

По предложению И. Меликофф (Страсбург) было принято приветствие участников МТК Всемирному Конгрессу татар, открывающемуся в Казани 20 июня. О. Сертка (Стамбул), Ф. Тёркмен (Измир), Б. Каримов (Ташкент) и др. в кратких речах выразили сердечную благодарность

устроителям конференции, отметив высокий уровень организации ее работы, а также разнообразие и насыщенность ее культурной программы. Думается, самое яркое впечатление оставила поездка (11 июня) в древние Булгары. Она была приурочена к *Корбан байраме* (празднику жертвоприношения), который в Татарстане впервые отмечался как государственный праздник. Для гостей знакомство с самым почитаемым мусульманским праздником (сопровождавшееся общей трапезой, во время которой подавалось мясо принесенных в жертву овец) имело немалый познавательный, "этнографический" интерес.

Ф.Г. Гарипова (Казань) огласила текст рекомендаций МТК, содержащий характеристику важнейших задач в области тюркологических исследований. В рекомендациях, в частности, отмечается необходимость создания международной ассоциации тюркологов и продолжения традиции проведения международных тюркологических конференций. Одной из главных задач гуманитарных наук тюркологи считают возрождение, сохранение и развитие наций, национальных языков и культур.

Современному состоянию науки о языке, актуальной проблематике общего и русского языкознания, содержанию и методам преподавания русского языка в педагогических университетах, институтах и общеобразовательных школах были посвящены доклады ведущих ученых Москвы и выступления слушателей "Курсов повышения квалификации заведующих кафедрами русского языка факультетов русского языка и литературы педагогических вузов России", проведенных в предместьях Подольска с 25 по 31 октября 1992 г. Учебно-методическим объединением на базе кафедры русского языка Московского государственного открытого педагогического института (МГОПИ) Министерства образования Российской Федерации.

С докладом "Язык и культура" выступил академик-секретарь Российской академии наук (РАН) Н.И. Толстой (Москва). Сделав сжатый обзор истории научных направлений в мировой и отечественной лингвистике (сравнительно-историческое, логическое,

В связи с этим подчеркивается важность усиления исторического аспекта исследований, находящегося в прямой зависимости от разработанности источниковедения, каталогизации памятников духовной культуры, текстологического изучения и издания образцов тюркской письменности. Представляется целесообразным приступить к постепенному одновременному переходу всех тюркских языков на латинскую графику; для этого должна быть создана компетентная международная комиссия из специалистов. Отмечается необходимость создания постоянно действующего бюро по лексикографии тюркских языков, а также рабочих групп, занятых реализацией программы "Компьютерное обеспечение изучения тюркских языков и обучения тюркским языкам".

По предложению руководителя башкирской делегации акад. АН Башкортостана З.Г. Уракина было принято решение о проведении следующей Международной тюркологической конференции в г. Уфе в 1996 г.

Галимова Г. А. (Москва)

младограмматизм, формализм, структурализм, современные школы и концепции науки о языке), докладчик проанализировал соотношение таких взаимосвязанных, но вместе с тем и автономных феноменов, как "язык" и "культура". Указав на многоярусность (иерархичность) и функциональное многообразие и языка, и культуры, Н.И. Толстой показал изоморфность их системно-структурного плана, в частности, соотносительность языковых и культурных страт: литературный язык – элитарная культура, просторечие – "третья культура", территориальные диалекты – народная культура, арго – традиционно-профессиональная культура. Каждый из языковых стратов (форм существования языка) имеет свой набор различительных признаков, например, литературный язык – нормированность, надтерриториальность, открытость сферы, стабильность. Примерно такой же набор общих признаков и такую же градацию их убывания вниз по "лестнице" имеет и культурологический ряд. Причем

изоморфность языка и культуры наблюдается и в диахронии.

Докладчик обосновал продуктивность для изучения культуры использования методов и понятий лингвистики, прогнозируя появление на этом пути новых дисциплин – культурологической географии, стилистики и др. Он высказался за широкое понимание "текста" (текст может быть словесным, предметным и акциональным), раскрыл перспективность изучения языка и культуры как некоего единого семиотического языка, показал актуальность комплексного подхода к исследованию языка, культуры, религии, этноса и национального самосознания.

"Традиционное и новое в современной отечественной синтаксической науке" – тема доклада В.А. Белой (Москва), в котором была раскрыта не только разница между двумя значимыми единицами языка – словом и предложением, но и их топологическая общность, изоморфность, в частности, в плане номинации: предложение не просто коммуникативная, но и номинативная единица языка, хотя и более сложная, чем слово.

Семантическому и прагматическому аспектам теории номинации посвятила свой доклад В.Н. Гелія (Москва), выделившая, помимо прямой и производной, вторичной номинации, еще два типа – косвенную номинацию и идиообразование.

В докладе "Средства речевого воздействия" М.Ю. Федосюка рассматривались семантические, прагматические и стилистические средства, с помощью которых у адресата вызываются различные реакции: согласия, симпатии, подчинения говорящему, эмоции и т.п.

Свой доклад на тему "Идеи коммуникативной грамматики в вузовском и школьном преподавании" Г.А. Золотова (Москва) начала с того, что, по ее мнению, "коммуникативной", "функциональной" и "семантической" грамматики нет и не может быть, поскольку не бывает некоммуникативной, нефункциональной и несемантической грамматики. Коммуникативность – неотъемлемая черта синтаксиса, без нее он просто не существует. Подлинной задачей синтаксиса является максимально полное и тонкое изучение грамматических единиц и конструкций в системе типов текста, т.е. изучение син-

таксических категорий в широком функциональном аспекте.

Функциональному синтаксису и его изучению в вузе и школе был посвящен доклад Е.Н. Ширяева (Москва). Под функциональным синтаксисом им понимается исчисление способов выражения одного смысла и распределение их по функциональным разновидностям языка. Определение же самих смыслов предлагается осуществлять, базируясь на логико-грамматических типах предложения – предложениях бытия, названия, тождества и характеристики.

Проблеме изучения текста в современном вузовском преподавании был посвящен коллективный доклад Л.Ю. Максимова и Н.А. Николіной (Москва). Элементы учения о тексте, подчеркнула Н.А. Николаева, есть чуть ли не во всех вузовских лингвистических предметах, но студентам важно дать целостное и многоаспектное представление об этом направлении науки о языке.

Ряд докладов был посвящен отдельным разделам языкознания. Е.И. Диброва (Москва) в докладе "Проблемы изучения лексикологии и фразеологии в высшей школе" показала панораму современных лексико-фразеологических исследований: значение слова, компоненты значения, типы значений, виды номинации и др., подчеркнула фундаментальную роль лексикологии для изучения морфологии, синтаксиса, теории текста, призвала к усилению внимания к лексической стороне языка в вузовском и школьном преподавании.

Русским диалектам как объекту языковой политики, изменению взглядов на народную речь, показу важности исследования всех форм существования национального языка (территориальных диалектов, просторечия, жаргонов, арго и др.) посвятил свой доклад Л.Л. Касаткина (Москва). Речевой этикет и проблемы его дальнейшего изучения, особенно в сфере профессионально-педагогического общения, – предмет доклада-лекции Н.И. Формановской (Москва). Она сосредоточила внимание на характеристике типов смыслов (социально-контактного, интенционального, эмоционально-оценочного, субъективно-модального) и их разновидностей, национальной специфики этикета, синонимии (эквивалентности) этикетных средств, реализации

прагматических координат речевого акта ("я – ты – здесь – сейчас").

Большая группа докладов раскрывала содержательную сторону целых циклов и отдельных лингвистических дисциплин, изучаемых в вузе. В.И. П о с т о в а л о в а (Москва) в докладе «Курс "Общее языкознание" в свете идеала "цельного знания"» предложила принципиально новое – общепсихологическое и культурологическое – содержание этой дисциплины в вузе. В.Н. Т е л я (Москва) доложила о новой программе по "Введению в языкознание", в которой считает важным сосредоточить внимание на функциях языка, его системе и структуре, языке и обществе, языке и культуре и некоторых других темах, которые в совокупности дадут представление о всех необходимых студентам категориальных лингвистических понятиях. М.В. Ш у л ь г а (Москва) прочитала доклад "Исторические дисциплины как часть системы обучения русскому языку в педагогическом вузе", В.Г. С и р о м а х а (Москва) выступил с докладом "История русского литературного языка в высшей школе"; докладчик полагает, что в недрах этой дисциплины формируются: 1) история русского литературного языка как социолингвистическая дисциплина и 2) историческая стилистика текста.

Т.Н. К а н д а у р о в а (Москва) в докладе "Методические основы изучения дисциплины историко-лингвистического цикла" показала целесообразность объединения учебного материала в укрупненные блоки и рассматривания фонетических и грамматических процессов как проявление более общих тенденций языкового развития (движение языка от вокалического к консонантному типу, стремление к однозначному соответствию означающего и означаемого, к оптимальной бинарности оппозиций, к экономии языковых средств и т.д.), высказалась за включение в курс исторической грамматики элементов прогнозирования.

Цикл докладов тематического заседания "Русский язык: вуз и школа" посвящался преподаванию русского языка в школе. М.В. П а н о в (Москва), выступивший с докладом "Вопросы преподавания русского языка в обновляющейся школе", показал исключительную плодотворность фортунаговской и виноградовской научных школ,

призвал активнее внедрять лингвистическую теорию в школьную практику, воспитывать думающих учеников, радовать их открытием "мира языка". Новое преподавание должно быть ориентировано не на элитарные классы, а на всю массу учеников. И.Г. М и л о с л а в с к и й (Москва) изложил концепцию новой школьной программы по русскому языку: она рассчитана на более широкое использование последних достижений языкознания и лингводидактики. Э.И. Х а н - П и р а (Москва) рассматривал соотношение "языковых" и "речевых" ошибок в плане культуры речи. В.В. Б а б а й ц е в а (Москва) рассказала о новом учебном комплексе (из трех частей) по русскому языку для учащихся 5–9 классов.

И.Н. Ч и с т о в а (Москва), ведущий специалист отдела Министерства образования РФ, провела с зав. кафедрами семинар по многоуровневому обучению в высшей школе. Вузовскую проблематику завершили доклады методистов. М.Р. Л ь в о в (Москва) в докладе "Теоретические основы методики русского языка" высказался за создание вариативных методик на разных научных основаниях, причем с учетом разных факторов, в частности, с учетом понимания функции родного языка как средства духовного развития человека и всего народа. Т.А. Л а д ы ж е н с к а я (Москва) в вопросно-ответной форме ознакомила слушателей с поисками в области преподавания родного языка, в особенности с проблематикой культуры речи учителя ("педагогической риторикой").

Специальное заседание было отведено обсуждению новых программ по лингвистическим дисциплинам, составленным специалистами МГОПИ. С анализом программ и пожеланиями составителям выступили зав. кафедрами В.Д. Б о н д а л е т о в (Пенза), Ю.В. Ф о м е н к о (Новосибирск), Л.А. Г л и н к и н а (Челябинск), В.Г. Р у д е л е в (Тамбов), В.С. Ю р ч е н к о (Саратов) и др.

А.Ф. П а р а с т а е в (Москва), член ВАК, в докладе "Подготовка и аттестация научных и научно-педагогических кадров" познакомил с новшествами в работе Высшей аттестационной комиссии Российской Федерации.

На заключительном заседании с докладом "Проблемы педагогического образования в Российской Федерации"

выступил ректор МГОПИ, Председатель Совета ректоров Ю.Г. Круглов (Москва). Докладчик осветил такие вопросы: государственная программа подготовки и переподготовки педагогических кадров, аттестация вузов, критерии перевода педвузов в университеты, проект закона об образовании, многоуровневая система образования и др. От Министерства образования РФ выступил А.П. Долгов (Москва), призвавший в движении к новому не растерять то ценное, что было наработано Министерством и вузами в предыдущие годы.

В принятой резолюции участники курсов-семинара, приехавшие из всех педагогических вузов России, а также ряда пединститутов Украины, Беларуси, Кыргызстана, Узбекистана, отметили

современность проведения занятий по повышению уровня научно-методической квалификации заведующих кафедрами, хорошую организацию курсов, содержательность научной программы и высказались за повторение такой учебы через три года, возобновление научно-практических семинаров преподавателей отдельных циклов и дисциплин, разнообразие форм проведения подобных мероприятий, включение в число докладчиков ведущих ученых периферийных вузов, за издание трудов А.А. Шахматова, Н.С. Трубецкого, А.А. Реформатского, А.Н. Гвоздева, И.П. Распопова, а также учебных пособий ныне здравствующих языковедов.

Бондалетов В.Д. (Пенза),
Диброва Е.И. (Москва)

Технический редактор *Н.И. Салюк*

Сдано в набор 29.05.93	Подписано к печати 20.08.93	Формат бумаги 70 × 100 ¹ / ₁₆		
Офсетная печать	Усл.печ.л. 13,0	Усл.кр.-отт. 42,4 тыс.	Уч.-изд.л. 15,5	Бум.л. 5,0
Тираж 2689 экз.		Зак. 252		Цена 20 р.

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка, телефон 201-74-42

Московская типография № 2 ВО "Наука", 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6